

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Владимир (Зеев) Ханин

**ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ
И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ИЗРАИЛЕ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Москва 2014

Научное издание

Владимир (Зеэв) Ханин

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ИЗРАИЛЕ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА
М., 2014, 334 с.

ISBN 978-5-89394-254-5

ISBN-978-5-89394-254-5

© Институт Ближнего Востока, 2014
© Владимир (Зеэв) Ханин, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	5
Предисловие издателя.....	6
Введение.....	8

Часть 1. Политические партии Израиля: типы и модели

Глава 1. Очерк эволюции партийно-политической системы Израиля в XX и начале XXI века	16
Глава 2. Ликуд: «пост-ревизионизм», «Второй Израиль» и партийно-клановые структуры власти	37
Глава 3. Кадима: взлет и падение «партии центра»	63
Глава 4. Партия труда (Авода): борьба за власть и политическое лидерство в условиях кризиса левой идеи	90
Глава 5. «Наш дом – Израиль»: феномен А. Либермана и политическая эволюция «русской улицы»	110

Часть 2. Партии и политические процессы в Израиле: опыт избирательной кампании в Кнессет 19-го созыва (сентябрь 2012 – январь 2013 гг.)

Глава 6. Хроника необъявленной избирательной кампании.....	146
Глава 7. Завязка: союз НДИ и Ликуда и другие сюрпризы предвыборного сезона	174
Глава 8. Кульминация и развязка: итоги выборов в Кнессет 19-го созыва	194

**Часть 3. Безопасность, власть
и гражданское общество Израиля
в свете выборов в Кнессет 19-го созыва**

Глава 9. Основные темы и факторы выборов в Кнессет 19-го созыва	214
Глава 10. Палестинская тема на выборах в Кнессет 19-го созыва	227
Глава 11. «Обновленный ШАС», «другие харедим», «русская улица» и «арабы-интегрисы»: социально-секторальная тема на выборах в Израиле	252
Закключение. Тенденции и возможные перспективы развития партийно-политической системы Израиля во 2-м десятилетии XXI века.....	287

ОБ АВТОРЕ

Д-р Зеэв (Владимир Эммануилович) Ханин – преподаватель Отделения политических наук Университета Бар-Илан в Рамат-Гане, Главный ученый министерства Алии и абсорбции Израиля, профессор политических наук Университета Ариэль в Самарии, Израиль, и политический комментатор радио «Голос Израиля» и телеканала «Израиль Плюс». Автор и редактор шести книг, изданных в Лондоне, Иерусалиме, Тель-Авиве и Москве и десятков статей по социально-политическим проблемам Израиля, Африки, Восточной Европы и современных еврейских общин.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Очередная книга известного израильского политолога, главного учёного Министерства алии и абсорбции д-ра Зеэва Ханина, предлагаемая вниманию читателя, как и следует из её названия, посвящена хитросплетениям израильской партийной политики, с начального периода существования израильских партий до сего дня. Скупулёзность автора, его приверженность к фактам и внимание к деталям – в том числе малоизвестным, делает эту работу выдающимся вкладом в современное израилюведение – далеко не только русскоязычное.

Наряду с произведениями двух других экспертов Института Ближнего Востока, д-ра Зеэва Гейзеля и д-ра Алека Эпштейна, фундаментальный труд Зеэва Ханина позволяет читателю рассмотреть израильскую партийно-политическую кухню во всех подробностях, включая фактор личных отношений, пристрастий и антипатий политиков. Эта сфера очень важна для понимания текущих политических процессов – не только в Израиле, но, как правило, редко изучается в академической среде, оставаясь предметом рассмотрения политтехнологов и прессы.

Последнее особенно существенно для специалистов, изучающих Израиль извне, в том числе англо- и русскоязычных. Труды, посвящённые политической жизни еврейского государства – да и не только его, написанные людьми, рассматривающими его снаружи, не имея опыта жизни в Израиле и, тем более, участия в политической борьбе, идущей в этой стране, как правило, схематичны и построены на теоретических постулатах и догмах, имеющих слабое отношение к реальности.

Авторы этих многочисленных работ вовсе не обязательно настроены по отношению к Израилю критически – напротив, они зачастую вполне позитивны и искренне пытаются создать на страницах своих книг объективную картину происходящего. Единственная проблема, и это не их вина, но беда, – они не владеют и по определению не могут владеть той совокупностью фактов, которая лежит в основе работ д-ра Ханина, а также его предшественников и коллег.

Подобно тому, как книга кулинарных рецептов, написанная практикующим поваром, неизбежно сильнее аналогичного труда, авторство которого будет принадлежать человеку, не имеющему отношения к этому занятию, пусть даже всю свою жизнь он наблюдает за поварами, что и делают ресторанные критики, труд д-ра Ханина – рассказ об израильской политической кухне изнутри. И в этом его несомненное достоинство.

Подробный беспристрастный анализ партийной практики, особенностей политической борьбы, взлётов и падений политических лидеров и политических аутсайдеров, который дан в настоящей книге, полезен и важен не только для специалистов-ближневосточников, но представляет собой ценное пособие для всех, кого интересует политика как таковая. Позволяя, помимо прочего, избавиться от иллюзий в отношении того, что представляет собой современная демократическая система. Как западная, так и того смешанного типа, к которой относится практикуемая в современном Израиле – да и не только в нём одном.

Евгений Сатановский,
президент Института Ближнего Востока

ВВЕДЕНИЕ

Современный Израиль, государство, воссозданное более 65 лет назад трудами трех поколений еврейского национального движения после двухтысячелетнего перерыва на исторической родине еврейского народа – Эрец-Исраэль/Палестине, в очередной раз находится на драматическом этапе своего развития. Последствия действий, предпринятых в последние 20 лет в рамках политики продвижения «ближневосточного политического процесса» – «соглашения Осло», программа «одностороннего размежевания» с палестинскими арабами и фактическое сворачивание этих проектов, общественно-политическая борьба вокруг них, а также поиск новой региональной стратегии и переосмысление внешнеполитических ориентиров, реализация программы реформирования и структурной корректировки израильской экономики – все это сопровождается существенными подвижками в политической структуре страны. Речь в первую очередь идет о значительной трансформации партийно-политической системы, в которой вновь – после почти тридцатилетнего перерыва – были предприняты, как теперь видится, пока неудачные попытки восстановления доминантного центра власти, представленного руководством правящей партии и связанными с ним общественными элитами и группами политических и экономических интересов.

Возникает вопрос: в каком плане ситуация в Израиле вписывается в более широкий контекст стран, которые подобно Израилю, находятся на «стыке» западной и восточной цивилизаций; которые, как и Израиль, обладают «синтезной» политической культурой, и какова в этой связи роль такого важнейшего института власти, как политические партии.

Партии – непереманный атрибут «цивилизованного» государства, который, несмотря на все большие и малые кризисы, остается в большинстве случаев основным инструментом представительской демократии¹, – в течение прошедшего сто-

¹ Анализ феномена «выживания» партийных институтов западного мира см.: Nathan Yanai. Why do political parties survive? An analytical discussion // *Party Politics*. 1999. Vol. 5, No 1, p. 5–17.

летия были вместе с другими институтами современного гражданского общества экспортированы за пределы ядра «атлантического мира» – на периферию западной цивилизации и далее, особенно после Второй мировой войны, в страны третьего мира. Партии, пожалуй, эффективнее других политических институтов западного типа оказались адаптируемы к незападным политическим культурам, предоставив удобные организационные рамки для авторитарных вариантов связей «власть-массы», неотрадиционных (этно-коммуналистских и религиозно-сектантских) общественно-политических отношений и неформальных структур власти патронажно-клиентельного типа.

В не меньшей, если не большей степени эта гибкость институтов партийного типа проявилась в странах со смешанной или переходной «западно-восточной» политической культурой, таких как «старо-новые демократии» Восточной и Центральной Европы (Чехия, Венгрия, Польша, страны Балтии)², а также «развивающиеся либеральные демократии» Дальнего Востока (Южная Корея, Сингапур, Тайвань) и восточно-средиземноморской периферии европейской цивилизации (в первую очередь Израиль, а также Греция, Кипр, Мальта и отчасти Ливан).

В большинстве из этих стран политические партии стали одним из важнейших каналов включения, с разной степенью органичности, традиционных и неотрадиционных общественных элементов с присущими им идеологическими ценностями, структурами власти и механизмом политической мобилизации в господствующее (сложившееся или складывающееся) гражданское общество и соответствующее ему «национальное» государство.

Несмотря на очевидную практическую значимость данной темы для понимания ситуации не только в странах периферии, но и «ядра» Западной цивилизации (принимая во внимание массовую миграцию из стран третьего мира и очевидный провал проектов ее ассимиляции в местной культурно-политической среде), а также достаточно обширную литературу по данному вопросу³, целый ряд критических аспектов темы все еще недостаточно хорошо изучен.

² См. Andrew Roberts. What Kind of Democracy Is Emerging in Eastern Europe? // *Post Soviet Affairs*. 2006. Vol. 22, No 1 (January-March) 2006, p. 37–64.

³ См., например: Charles Taylor. *The Politics of Recognition* // *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. – Princeton: Princeton University Press, 1994, p. 25–73; Prosahnta K. Nandi and Shahid M. Shahidullah. *Global-*

Так, все еще открытым остается вопрос о природе различий между политическими партиями в разных странах этой группы: имеем ли мы дело с национальными модификациями одного и того же института, структурные отличия которых обусловлены исключительно типологией режимов – демократических, авторитарных или «переходных» (от авторитаризма к демократии), или различия в национальной политической культуре придают партийным институтам не только внешние, но и сущностно-функциональные отличия? Другой, не менее дискуссионный вопрос: к какому из известных типов неформальных партийно-клановых (патронажно-клиентельных) институтов следует отнести такого рода структуры в странах «цивилизационного сшива»: к «западным», образующим необходимый, но периферийный элемент функционирования местных партийных машин, или «восточным», охватывающим системой патронажно-клиентельных связей и личностно-групповой солидарности целые общественные сегменты?

Опыт Израиля во многом может служить ответом на эти вопросы. Еврейское национальное движение – сионизм – развивалось в контексте представлений и ценностей европейского национализма конца XIX в. В итоге государство еврейского народа, (вос)создание которого на его исторической родине – в Эрец Исраэль/Палестине было одним из наиболее заметных событий XX века, демонстрировало успешную реализацию схемы государственного и национального строительства, не слишком отличную от большинства стран Запада.

С другой стороны, израильское общество, состоящее в массе своей из еврейских (а также арабских) иммигрантов из различных стран и их потомков, является результатом органичного, при всех внутренних конфликтах и противоречиях, сочетания (синтеза или симбиоза) элементов разного цивилизационного происхождения. Речь в первую очередь идет о трех группах населения, являющихся носителями разных типов политической культуры: (а) вы-

ization and Development: The Emerging Dynamics and Dilemmas // *Globalization and The Evolving World Society*. – Leiden: Brill, 1998, p. 1–10; Bhikhu Parekh. The Cultural Plurality and Liberal Democracy // *Political Studies*. 1992. Vol. 15, p. 160–175; Eric Hobsbawm. Ethnicity and Nationalism in Europe Today // *Mapping the Nation*. – Moscow: Praxis, 2002, p. 332–346. См. также: Kay Lawson, Peter H. Merkl (eds.). *When Parties Prosper: The Uses of Electoral Success*. Boulder; Lynne Reiner, 2007.

ходах из стран Восточной Европы, долгое время доминировавших в израильском культурно-политическом социуме, (б) носителей «западной» культурно-политической традиции из стран Западной Европы и англо-саксонского мира и (в) носителей традиционной и неотрадиционной восточной политической культуры, представленной евреями и арабами – выходцами из стран Азии и Африки. Если к этому добавить, что израильский вариант «правильного котла» (наиболее «востребованный» вариант национального строительства в новое время)⁴ далеко не успел завершить работу до наступления эпохи мультикультурализма и вступления Израиля в двадцатку наиболее развитых стран мира, то израильский пример действительно покажется вполне достойным для изучения и генерализации.

Научная литература об израильских партиях, анализирующих этот феномен, как в структурном, так и в функциональном плане⁵, в том числе в контексте его роли в электоральном процессе страны, многообразна и обширна⁶. Однако абсолютное большинство исследований на эту тему увидело свет на анг-

⁴ См. Eric Wolf. *Pathway of Power: Building an Anthropology of the Modern World*. – Berkeley: Univ. of California Press, 2001; Антони Д. Смит. *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма*. – М.: Праксис, 2004.

⁵ Из работ, ставших своего рода "вехами" в исследовании партийных институтов в Израиле, см., например: Yael Yishai. *Land of paradoxes: interest politics in Israel*. SUNY Press, 1991; Myron Joel Aronoff. *Power and ritual in the Israel labor party: A study in political anthropology*. – ME Sharpe Inc., 1993; Alan Arian and Asher Arian. *The Second Republic: Politics in Israel*. – Chatham, NJ: Chatham House, 1997; Peter Y Medding. *Mapai in Israel: political organization and government in a new society*. – Cambridge University Press, 2010.

⁶ С конца 70-х гг. Израильский Институт демократии (Israeli Democracy Institute) и Иерусалимский центр общественной политики (Jerusalem Center for Public Affairs – JCPA) издают свои монографические серии (которые, соответственно, выходят в издательстве Института и как спецвыпуски журнала «Israel Affairs»), которые детально анализируют эволюцию и функционирование политических партий Израиля и политической структуры страны на каждых выборах в Кнессет. См. также: Reuven Y. Hazan and Moshe Maor (eds.). *Parties, elections and cleavages: Israel in comparative and theoretical perspective*. – London: Frank Cass, 2000; Robert O. Freedman (ed.). *Contemporary Israel: Domestic Politics, Foreign Policy, and Security Challenges*. – Boulder, Colorado: Westview Press, 2008.

лийском языке и языке иврит. Русскоязычному сегменту современного израилеведения повезло значительно меньше.

Первая группа вышедших в России и других странах СНГ работ, непосредственно или частично посвященных анализу партийно-политической системы Израиля, анализирует этот феномен с формально-юридической точки зрения и, соответственно, с помощью инструментария конституционного права. Наиболее заметными работами такого рода в последние 10 лет стали монографии проф. В.П. Воробьева и его соавторов, увидевшие свет в издательстве МГИМО-Университета, где, по сути, впервые в российской юридической литературе были всесторонне рассмотрены роль, место и значение политических партий в качестве конституционно-правового института в Государстве Израиль⁷.

Собственно политологических трудов, то есть работ, предлагающих социологический подход к анализу израильских партий как акторов политического процесса в еврейском государстве новейшего времени, на русском языке было опубликовано заметно меньше. Причем большая часть из этой категории исследований посвящена не столько партийно-политической системе и социально-культурным факторам ее функционирования в целом, сколько специфическим примерам и проявлениям.

Наиболее значительными примерами такого рода работ являются книги дипломата и историка Татьяны Карасовой, посвященные двум исторически ведущим политическим движениям Израиля – блоку МААРАХ/Авода и партии Ликуд⁸, монографии Светланы Гасратян об истории религиозных партий в Государстве Израиль⁹. Несколько глав, посвященных левым партиям и партиям, созданным репатриантами из бывшего СССР в Из-

⁷ Воробьев В.П., Бостоганашвили Д.Р. Политические партии Государства Израиль. Конституционно-правовые основы. – М.: Изд-во МГИМО(У) МИД России, 2010; Воробьев В.П., Чайко И.А. Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ. – М.: МГИМО(У) МИД России, 2006.

⁸ Карасова Т.А. *Блок МААРАХ в партийно-политической системе Израиля*. – М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1988; Карасова Т.А. *Политическая история Израиля: блок "Ликуд": прошлое и настоящее*. – М.: Наталис, 2009.

⁹ С.М. Гасратян, *Религиозные партии Государства Израиль*. – М., ИИИ-иБВ, 1996 и С. М. Гасратян *История и идеология еврейского религиозного движения XIX-XX вв. М., ИВ РАН, 1999.*

раиле, стали частью фундаментальных исследований и серий статей, соответственно, опубликованных израильским социологом и востоковедом Алеком Эпштейном¹⁰ и автором этих строк¹¹.

Что же касается комплексного анализа института политических партий в контексте функционирования политической системы страны, то список русскоязычных обзорных политологических работ такого рода, по сути, исчерпывается тремя книгами. Это переведенная с иврита и написанная почти два десятилетия тому назад книга профессора Биньямина Нойбергера¹², вышедшая почти десятилетие назад монография (справочник) «Государство Израиль», большой раздел которой посвящен политическим организациям этой страны¹³, а также изданная Институтом Ближнего Востока монография Зеэва Гейзеля «Политические структуры Государства Израиль», вышедшая в 2001 году, а затем – расширенным и дополненным изданием в 2013 году, в которой также разбираются основные элементы партийно-политической системы и механизм функционирования политических партий в Израиле¹⁴. Хотя важность этих и иных вышеуказанных исследований, сохраняющих актуальность и сегодня, не подлежит сомнению, анализ важнейших политических перипетий последних лет по понятным причинам остался за их рамками.

Предлагаемая вниманию читателей книга, фокусируясь на типах, моделях и трансформациях, которые претерпели политические партии Израиля за последние 8–10 лет, является попыткой нового осмысления этих процессов. Другой задачей

¹⁰ Эпштейн А.Д. *Кризис "левого Израиля"*. – М.: ИБВ, 2010. См. также его статью "Особенности политической системы и политической культуры Государства Израиль" в кн.: Политические системы и политические культуры Востока. – М.: Восток-Запад, 2006.

¹¹ Ханин В.(З.) *"Русские" и власть в современном Израиле*. – М.: ИБВ, 2004; Ханин В.(З.) *Вокруг "размежевания": общество и политика Израиля в 2005 году*. – М.: ИБВ, 2006.

¹² Биньямин Нойбергер. *Политические партии в Израиле: Власть и политика в Государстве Израиль*. Ч. 7–9. – Тель-Авив: Изд-во Открытого университета Израиля, 1998.

¹³ Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. *Государство Израиль*. – М.: Ин-т востоковедения РАН и МГИМО(У) МИД РФ, 2005.

¹⁴ Зеэв Гейзель. *Политические структуры Государства Израиль*. – М.: Институт Ближнего Востока, 2001 [2013].

книги было представить конкретные механизмы функционирования этих политических организаций и процессов на фоне первого в научной литературе, насколько нам известно, систематического описания событий, имевших место накануне, в ходе и непосредственно после выборов в Кнессет 19-го созыва в феврале 2013 г.

Автор хотел бы выразить свою искреннюю признательность президенту московского Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановскому и его директору Е.Л. Жигуну, которые, сознавая актуальность заявленной темы, с энтузиазмом восприняли идею публикации данной монографии и сделали все от них зависящее для ее быстрого и качественного издания.

Автор благодарен и своим израильским коллегам – Алеку Эпштейну, Цви Магену, Велвлу Чернину, Бернару Зиссеру, Джералду Стейнбергу, Ицхаку Дгани, Марку Тольцу и Геннадию Ригеру, а также Татьяне Карасовой (Москва), Роберту Фридману (Балтимор), Сэму Клигеру (Нью-Йорк), Йоханану Петровскому-Штерн (Чикаго) и Борису Горбису (Лос-Анжелес) за комментарии и замечания к ранним версиям текстов, вошедших в эту книгу, и ценные обсуждения.

Моя искренняя благодарность также героям этой книги – Авигдору Либерману, Софе Ландвер, Дмитрию Апарцеву, Зеэву Элькину, Стасу Мисежникову, Роберту Тивьяеву, Алексу Миллеру, Орит (Светлане) Зуарец, Амнону Козну и многим другим политикам, журналистам и общественным деятелям, которые уделили автору свое время и предоставили свои оценки, замечания и информацию. Тем не менее, ответственность за приведенные в книге факты и оценки, разумеется, целиком лежит на совести автора.

Часть 1.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ИЗРАИЛЯ:
ТИПЫ И МОДЕЛИ**

Глава 1.

ОЧЕРК ЭВОЛЮЦИИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗРАИЛЯ В XX И НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Партийно-политическая система Израиля, корни которой находятся в идейно-политических движениях и фракциях основанной в 1897 году Всемирной сионистской организации и партийно-политических структурах организованного еврейского поселения (ишува) в Стране Израиля (Эрец Исраэль) / Палестине времен Британского мандата (1918–1948 гг.), существует более ста лет. И подобно аналогичным институтам большинства либерально-демократических стран претерпела за это время существенные изменения.

Израильские партии: типология и общественные функции

Политические движения и партии современного Израиля традиционно делятся на две группы. Первую образуют т.н. «исторические» партии, которые в массе своей являются потомками политических движений, созданных около или даже более 100 лет назад в черте еврейской оседлости Российской империи. Речь идет как о тех партиях, корни которых кроются в идеологических течениях раннего сионистского движения¹⁵: социалистического рабочего, ревизионистского (национально-интегристского), религиозно-сионистского (национально-религиозного), и национально-либерального (т.н. «общие сионисты»), так и о тех, которые находятся вне сионистского консенсуса. Последние включают созданную в свое время с подачи Коминтерна исторически двунациональную, но сегодня почти исключительно арабскую компартию (ХАДАШ) и партию ашкеназских евреев-

¹⁵ Об эволюции идеологии и практики сионизма см.: Амнон Рубинштейн. *От Герцеля до Рабина и дальше. Сто лет сионизма.* – Минск: Мет, 2000.

ультраортодоксов Агудат Исраэль [Союз Израиля], которая вместе с бывшим своим «рабочим» крылом Поалей Агудат Исраэль [Трудящиеся Союза Израиля] и партией ашкеназов-ультраортодоксов литовского направления Дегель ха-Тора [Знамя Торы], образует сегодня блок Яхадут ха-Тора [Еврейство Торы].

Вторую группу образуют партии «нового поколения», возникшие как ответ на усложнившуюся структуру современного израильского общества. Это в первую очередь общинные движения евреев-выходцев из различных стран и их потомков, политически оформленные группы профессионально-статусных, субкультурных и прочих секторальных интересов, а также партии, представляющие различные этнические и религиозные сегменты арабского сектора страны¹⁶.

Политическое размежевание между этими партиями и их место на политической карте страны связано с их подходом к четырем основным группам противоречий:

1. «левые» (принцип «мир в обмен на территории») и «правые» («мир в обмен на мир») взгляды на арабо-израильский конфликт и проблемы безопасности, являющиеся основным водоразделом израильской политики;

2. взаимоотношения государства и религии (проблема «еврейского демократического государства»);

3. отношения между этническими (евреи, арабы, другие национальные группы) и субэтническими (общины выходцев из разных стран) общностями;

4. различия социальных и классовых интересов, включая социалистический («велфаристское государство») и либерально-рыночный подходы.

В соответствии с позицией, занимаемой той или иной партией по этим проблемам, а также исходя из ее происхождения, состава и заявленных целей, израильские партии принято относить к одному из 5 партийно-политических лагерей: левому, правому, центристскому, религиозному и арабскому.

Поскольку в отличие от большинства европейских стран основным источником внутривнутриполитических конфликтов в Израиле уже 40–45 лет являются не столько социально-экономи-

¹⁶ Бенъямин Нойбергер. *Политические партии в Израиле*. – Тель-Авив: Открытый Университет Израиля, 1997 (на иврите); Зеэв Гейзель. *Политические структуры Государства Израиль*. – М: ИИИБВ, 2001.

ческая политика или гражданские вопросы, сколько разногласия по поводу проблем безопасности, внешней политики и оптимальных («охраняемых») границ страны, в более общем плане партийно-политическая карта Израиля разделена на три большие зоны: «левую», «правую» и «умеренный центр», исторически восходящие к трем политическим лагерям в сионистском движении – «минималистов», «максималистов» и «реалистов». (В то время как первые были готовы поступиться еврейским характером государства и принять большую часть арабских требований о его границах, вторые являлись сторонниками идеи еврейского суверенитета над всей Землей Израиля. В свою очередь, «реалисты» полагают возможным сохранение еврейского характера Израиля в контексте компромисса с арабами на основе принципа «мир в обмен на территорию»).

В более широком контексте главного вопроса израильской политики (безопасность, границы, идентичность государства и взаимоотношения с арабским миром) «секторальные» арабские и еврейские религиозные партии также традиционно тяготеют соответственно к «левому» и «правому» лагерям израильского политического спектра. Что касается «центристского» лагеря, то он исторически возник как ниша для партий, которые пытаются предложить обществу либеральную альтернативу (как в социально-экономическом, так и гражданском смысле) одновременно «лево-социалистическим» и «право-консервативным» блокам. Однако подобно возникшим еще на заре сионистского движения «Общим сионистам», постоянно, как феникс из пепла, возникающие либеральные партии столь же постоянно «ломаются» о все то же главное и извечное право-левое противостояние в израильской политике.

Значение израильских партий, по мнению многих специалистов, существенно превосходит вес аналогичных институтов в большинстве демократических стран. Это во многом объясняется их исторической ролью в становлении страны и израильской государственности¹⁷. Не будет большим преувеличением сказать, что партийно-политическая система Израиля долгое время была «заповедником» политических течений, возникших в России и Восточной Европе в начале XX века. Ев-

¹⁷ Классический анализ этого израильского феномена дал выдающийся израильский социолог Шмуэль Айзенштадт. См.: Shmuel N. Eisenstadt. *Israeli Society*. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1968.

рейские партии *ишува* в условиях еще отсутствующего национального государства брали на себя целый ряд обычно несвойственных партиям функций. Так, помимо собственно политической деятельности, партии занимались культурно-массовой работой и формировали системы школьного образования, спорта и досуга; принадлежавшие партиям организации основывали сельскохозяйственные поселения и застраивали городские микрорайоны. Кроме того, партии через контролируемые ими профсоюзные объединения создавали промышленные предприятия и больничные кассы и руководили ими, равно как и театральными коллективами, спортивными сообществами, вооруженными организациями и т.д.¹⁸

Партийно-политическая деятельность и после провозглашения независимости государства продолжала оставаться одной из наиболее динамичных сфер общественной жизни. Более того, в каком-то смысле их влияние даже возросло: партии получили доступ к министерствам и крупным государственным компаниям (в некоторых случаях фактически превратив их в свои "филиалы"), а также активно распределяли квоты на прием евреев-репатриантов, расселяя их в подконтрольных партиям *киббуцах* (коммунах), *мошавах* (кооперативных поселках) и городских кварталах. Вследствие этого строительство государственно-политической системы Израиля было связано с процессом «департизации» и «национализации» управленческих, экономических, образовательных и других общественных структур¹⁹.

Этот процесс, начатый еще в ходе Войны за независимость 1948–49 гг., затянулся до конца XX века. Но, несмотря на длительность этого процесса и тот факт, что формальная конституция страны так и не была принята, в политическую систему Израиля были изначально заложены система «сдержек и противовесов» и элементы гражданского общества, сформировавшиеся еще в период Британского мандата. Что, в свою очередь, обеспечивало перевес демократических элементов структуры израильского общества и политики над такими же авторитарными элементами.

¹⁸ Подробнее см.: Давид Хоровиц и Моше Лиссак. *От ишува к государству*. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1997.

¹⁹ Алан Дауги. *Становление израильской демократии: Первое десятилетие*. Часть первая: *Создание государства и формирование нации*. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2002.

С течением времени большинство израильских партий утратило несвойственные политическим движениям такого рода организационно-хозяйственные функции, приблизившись по типу к партийным объединениям большинства западных стран. Более того, по мнению ряда аналитиков, главный центр принятия решений в последние десятилетия неуклонно перемещается из сферы партийно-политической деятельности в иные структуры. Тем не менее, общественная и политическая роль партийных институтов в Израиле, среди которых в соответствии с их структурой выделяют "массовые" и «кадровые» партии, все еще исключительно высока. Этот вывод подтверждается вовлеченностью населения в партийно-политическую деятельность: примерно 10–12% избирателей последовательно заявляют о своей принадлежности к той или иной партии, что в 2–2,5 раза превышает долю населения, состоящего в политических партиях в большинстве стран Европы.

Этапы израильского парламентаризма и эволюция партийных систем

Политические партии страны во многом стали «локомотивом» трансформаций, которые пережила израильская модель либеральной демократии во второй половине прошлого века.

Первый этап израильской демократии (1949–1977 гг.) был «полуконкурентным»: хотя ни одна из партий никогда не получала абсолютного большинства мест в Кнессете, доминирование Рабочей партии Израиля (МАПАЙ) и ее наследницы Партии труда (Авода) было очевидным. Эти левоцентристские партии, которые регулярно (как правило, в блоке с религиозными партиями) формировали правительство страны, контролировали наиболее важные министерства и ведомства (в структуре МАПАЙ/Аводы даже был специальный орган – «сарейну», т.е. «наши министры», решения которого часто предопределяли постановления правительств). Кроме того, под контролем этих партий находились многие государственные кампании, влиятельные киббуцные и поселенческие движения, а также Всеобщее объединение трудящихся – Гистадрут, тогдашний «владелец» (посредством суперконцерна Хеврат Овдим [Товарищество рабочих]) значительной части израильской экономики, крупнейших банков, больничной кассы «Клалит» и других структур.

Оппозиция «партии власти» в первые годы государственной независимости Израиля состояла из четырех групп партий, имевших различную идеологическую платформу. Речь идет, в первую очередь, об объединившихся в 1948 году в партию МАПАМ просоветски настроенных лево-социалистических движениях Ахдут ха-авода [Объединение труда] – Поалей Цион [Рабочие Сиона] и Ха-шомер ха-цаир [Молодой страж]. Во-вторых, об объединившихся перед выборами 1949 года в единый блок (распавшийся уже перед выборами в Кнессет второго созыва в 1951 году) религиозных партиях сионистского (движения Мизрахи и Ха-поэль ха-мизрахи) и несионистского (движения Агудат Исраэль и Поалей Агудат Исраэль) толка. В-третьих, о союзе заново объединившихся после раскола 1935 года членах либеральных движений – Федерации общих сионистов, именовавших себя «партией центра» и близкой к ним по духу Прогрессивной партии. И, наконец, о блоке правых партий, включавшем движение Херут [Свобода] и ревизионистов, в который вошли также многие бойцы действовавших в 1930-х – 1940-х годах военизированных организаций ЛЕХИ и ЭЦЕЛЬ.

Наличие всей этой многоцветной оппозиции долгое время не могло поколебать «квази-монополии» на власть МАПАИ/Аводы. Ибо ни левая оппозиция (МАПАМ и ее наследники; арабские партии), ни Херут и иные правые партии, ни либералы-центристы не могли бросить вызов умеренным социалистам: объединению оппозиции мешали непреодолимые идеологические разногласия. Учитывая тот факт, что сильных внепартийных общественных движений в тот период еще не было, а многие средства массовой информации также принадлежали тем или иным партиям, оппозиционные группы пытались достичь своих политических целей, не выходя за рамки существующего политического консенсуса. Вместе с тем, как пишет израильский социолог А. Эпштейн, «и при наличии сильного центра власти наиболее важные вопросы внутренней политики решались путем переговоров и компромиссов между едва ли не всеми конфликтующими сторонами»²⁰. В итоге, несмотря на господство

²⁰ Эпштейн А., Михалев М. и Марьясис Д. Парадоксы израильской демократии. Размышления о политическом наследии эпохи Бен-Гуриона // *Исмотки*. 2001, № 96, с. 16; Eliezer Don-Yehiya. *Religion and Political Accommodation in Israel*. – Jerusalem: The Floresheimer Institute, 1999.

МАПАЙ/Аводы в хозяйственной жизни страны, в Федерации профсоюзов и во многих общественных организациях, в основе политической жизни лежали принципы многопартийной демократии и производные от нее. То есть регулярно проводились всеобщие выборы, существовала сильная судебная система, критично настроенная пресса, в целом соблюдался принцип разделения властей, что позволяет говорить о существовании в Израиле демократической формы правления уже в первые годы после обретения страной государственной независимости.

Политический переворот («Маапах») в Израиле, когда в результате выборов 1977 г. впервые в истории страны социалистическая партия Авода утратила власть, а правительство сформировал наследник ревизионистов – движение Херут (ставшее основой блока, а затем партии Ликуд) во главе с многолетним лидером оппозиции Менахемом Бегиним, ознаменовал начало второго этапа израильского парламентаризма. С конца 70-х и до второй половины 90-х годов политическая ситуация в стране определялась соперничеством доминирующих в «широком левом» и «широком правом» блоках двух ведущих партий – левоцентристской Партии труда (Авода) и правоцентристского Ликуда. Расхождения между этими основными партиями касались их подхода к отмеченным выше базовым для израильского общества проблемам. Во-первых, относительно внешней политики и безопасности (концепция «мир в обмен на территории» левых против идеи правых «мир в обмен на мир»). Во-вторых, «социалистическими» и «рыночными» взглядами на социально-экономическую политику, которые, впрочем, всегда «умерялись» наличием сильных альтернативных лобби – «социального» в Ликуде и «рыночного» в Аводе. В-третьих, по поводу гражданских вопросов, включая взаимоотношения религии и государства (при том, что большинство избирателей обеих партий, как правило, выступает за сохранение «светско-религиозного статус-кво»).

Причем возможность лидеров этих партий сформировать и возглавить правительственную коалицию традиционно зависела от относительно небольшого числа «плавающих» голосов, способных изменить баланс в ту или иную сторону. Эти голоса, как правило, были «естественным объектом» притязаний разного рода центристских партий, пытавшихся помимо этого собрать (правда, не чаще, чем на одну-две каденции) возможно большую часть «правых» и «левых» избирателей под популяр-

ного лидера либо привлекательную идею. Помимо этого, «большим» партиям приходилось бороться за голоса избирателей и внутри своих лагерей с более радикальными и секторально-общинными движениями, особенно усилившимися в 90-е гг. прошлого века.

Ликуд находился у власти в 1977–1984 и 1990–1992 годах. (В октябре 1983 г. Менахема Бегина, ушедшего в отставку из-за общественной критики правительства в связи с Ливанской войной, во главе Ликуда и правительства сменил Ицхак Шамир). В 1992–1996 годах у власти было правительство Партии труда во главе с Ицхаком Рабином, а после его гибели в мае 1995 г. – Шимоном Пересом. В 1984–1990 гг. страной управляли правительства национального единства, возникавшие как итог соглашения обеих ведущих партий.

Эти политические изменения сопровождались и важными общественными процессами. Часть из них была связана с политикой либерализации, приватизации государственных и профсоюзных компаний и поощрения экономического роста, частной инициативы и иностранных вложений, которую проводили правительства Ликуда и, в меньших масштабах, правительства Аводы. В общественно-политической жизни страны в период с конца 70-х по первую половину 90-х гг. XX в. был временем укрепления гражданских, в том числе непартийных институтов, усиления роли СМИ и роста «прозрачности» работы законодательной, исполнительной и судебной власти.

В середине 90-х гг. израильский парламентаризм вступил в третий этап своего развития – эпоху «партийного полиморфизма», который стал ответом на глубокие изменения, произошедшие в Израильском обществе в последние десятилетия. В первую очередь, его превращение из «унитарного» в плюралистское, легитимация идеи мультикультурализма, возрастание политического веса новых элит и различных социальных, культурных и общинных групп²¹. Поворотным пунктом, по мнению многих экспертов, стало введение в 1996 году системы раздельного голосования за партийные списки и кандидата на пост премьер-министра. Это привело к резкому увеличению числа партий и списков, представленных в Кнессете, и неуклонному снижению представительства ведущих партий, эрозии

²¹ См.: *Новые элиты Израиля*/Под. ред. Э. Бен-Рафаэля, Б. Нойбергера и др. – Иерусалим: Дом Бялика, 2007 (на иврите).

«домашнего электората» Аводы и Ликуда и переходу их избирателей к идеологическим и секторальным «партиям спутникам» и центристским проектам.

На выборах 1999 г. две партии впервые набрали менее четверти голосов каждая, что при любых обстоятельствах делало их меньшинством даже в правящей коалиции. Как писали в своем исследовании ныне покойный Ашер Ариан и Михаль Шамир, «в то время как партии и партийные системы находятся в смятении, растет значение лидеров и идей, которые утверждаются в рамках левого и правого политических блоков в целом», причем эта ситуация, по мнению авторов, сохранялась и в последующее десятилетие²². (Добавим, за единственным исключением партии Ликуд, фракция которой в 2003–2006 гг. имела 38 мандатов). Итогом стала растущая зависимость лидеров этих партий при формировании правительства от средних и мелких политических фракций, каждая из которых, войдя в правительство, по сути, получала «ключ от коалиции», а вместе с ним – вес и влияние, непропорциональные их размерам и поддержке в обществе.

Трансформация партийных структур

Все это шло на фоне характерного не только для Израиля, но и большинства либерально-демократических стран постепенного «размывания» классических партийных идеологий и стирания принципиальных различий между двумя ведущими партиями страны – левоцентристской Аводой и правоцентристским Ликудом. Это сближение осуществлялось практически во всех сечениях политических конфликтов – как по главному вопросу израильской политики (арабо-израильский конфликт и проблемы безопасности), так и по другим сюжетам, включая вопросы экономической политики. В том числе, и поэтому обе партии, конкурируя за «умеренного» избирателя и голоса среднего класса (а это сегодня около 70% населения), закономерно

²² Asher Arian, Michal Shamir. Candidates, Parties and Blocs Israel in the 1990s // *Party Politics*. 2001. Vol. 7, No 6 (November), p. 689–710; Asher Arian, Michal Shamir. A Decade Later, the World Had Changed, the Cleavage Structure Remained: Israel 1996–2006 // *Party Politics*. 2008. Vol 14 (November 1), p. 685–705.

превращались из движений с очерченными социально-классовыми и политическими платформами в т.н. «партии для всех» (пользуясь термином американской политологии, catch all parties)²³, обращаясь к предельно широким кругам избирателей. По сути, эти организации – как «массовые», так и «кадровые» – являются уже не партиями в полном смысле этого слова, а прежде всего парламентскими списками, которые оперируют не столько сформулированными идеологическими принципами, сколько простыми и одновременно расплывчатыми символами.

Логично, что параллельно ускорилось и изменение принципов и характера партийной деятельности, которое началось еще на предыдущем этапе. С середины 70-х и до конца 90-х гг. XX в. партии постепенно переносили центр тяжести с работы с собственными членами и членами аффилированных с партиями общественных организаций и движений на работу по мобилизации электоральной поддержки широких масс населения²⁴. В результате в партиях постоянно снижалась роль формальных бюрократических институтов, фиксированного членства, членских взносов и т.д. И, соответственно шло снижение роли партийной бюрократии и возрастание значения политтехнологов, аналитиков и структур по формированию общественного мнения, которые сегодня играют не менее, а часто и более важную роль, чем аппаратчики и активисты, а также внепартийных, в том числе, неформальных механизмов политической мобилизации и внешних источников финансирования.

Фигура вождя таких «дигитальных» партий (как метко определил их популярный израильский радиоведущий Габи Газит) в этих условиях приобретает критическое значение. Именно лидеры партий становятся их главными символами, и именно взгляды и идеи лидеров (понятно, учитывающие позиции групп интересов, давления и власти в партии и вокруг нее), а не классические партийные идеологии постепенно стали формировать избирательные платформы их движений.

Этот процесс, судя по всему, достиг пика на рубеже веков, когда израильская партийно-политическая система из «двухпартийной» (две основные партии, в сумме получающие боль-

²³ André Krouwel. Otto Kirchheimer and the catch-all party // *West European Politics*. 2003. Vol. 26, No 2, с. 23–40.

²⁴ См.: Гиора Гольдберг. *Партии в Израиле: от массовых к электоральным*. – Тель-Авив: Рамот, 1992 (на иврите).

шинство мандатов в Кнессете, плюс периферийные партии правее Ликуда и левее Аводы с опцией для «партии центра» между ними) превратилась в «двухблочную». То есть система, при которой политический статус каждой из «основных» партий воспринимается в контексте сотрудничества с «естественными союзниками» по «широкому левому» или «широкому правому» лагерю.

Поэтому перед лидерами каждой из «основных партий» стояли две непростые задачи. Во-первых, сохранить «домашних» избирателей своих партий. И во-вторых, остаться, в качестве кандидата на пост премьер-министра, «центром притяжения» той части бывшего электората Аводы, Ликуда и их предшественников (соответственно, МАПАИ и блока херутников-ревизионистов и либералов – ГАХАЛ), которая, оставаясь в «широких» левом или правом лагере и даже в каком-то смысле «вращаясь» в орбите Аводы и Ликуда, на протяжении последних примерно двух десятилетий часто выбирала другие, соответственно, лево- или правоцентристские проекты.

Фокус этим «плавающим» голосам дали прямые выборы премьер-министра, впервые введенные в 1996 году, что, наконец, и позволило развести идеологические интересы и партийную лояльность. Уже в 1999 г. было очевидно, что оба тогдашних кандидата на пост премьера – и лидер Аводы Эхуд Барак, и лидер Ликуда Биньямин (Биби) Нетаньяху – были больше озабочены числом голосов, которые будут поданы за них лично, чем количеством мандатов, которые смогут собрать их партии. Соответственно, они были вполне готовы поделить эти мандаты, например, с секторальными движениями в том случае, если лидеры последних обеспечат им «правильный» выбор своих общин на голосовании за кандидата на пост премьер-министра страны. Этот процесс, вероятно, завершился в 2001 г., когда первый и пока последний раз в истории страны израильтяне не выбирали новый состав Кнессета, а голосовали только за одного из кандидатов на пост премьер-министра – «левого» Эхуда Барака и «правого» Ариэля Шарона. Именно в этот момент, насколько можно судить, несвязанные или слабосвязанные с партиями голоса окончательно структурировались в рамках двух лидерских лагерей – условно говоря, «баракистов» и «шаронистов», которые продолжают существовать и сегодня. И это несмотря на то, что ни умерший в январе 2014 года, а до того пролежавший восемь лет в коме Ариэль

Шарон, ни ушедший в 2001 году в отставку, вернувшийся в политику в 2007 и вновь ушедший из ее активной партийно-политической фазы в конце 2012 года Эхуд Барак их уже не возглавляют. Причем этот феномен был тесно связан с намного более глубокими процессами структурной трансформации возглавляемых этими политиками общенациональных партий.

Так, победив в 1999 г. на прямых выборах, Э. Барак, объявив себя «премьер-министром всех-всех-всех», весь период пребывания на посту премьер-министра Израиля в 1999–2001 годах последовательно укреплял структуры своей личной власти в рамках аморфного избирательного блока «Единый Израиль» за счет формальных структур своей Партии труда (Авода). Близкие тенденции имели место и в партии Ликуд, которая все больше превращалась в организационно рыхлую группировку, своего рода «политический супермаркет», под крышей которого в сложном симбиозе конкурентного сотрудничества функционировали исторически связанные с движением разнородные группы идеологических, политических, социально-экономических и общинных интересов²⁵. Закономерно, что в рамках движения постепенно сформировалась сложная комбинация формальных и неформальных структур власти. Ее ядром на определенном этапе стал «ближний круг» Ариэля Шарона, известный как «Форум Шикмим» (по имени фермы в Негеве, принадлежащей семье Шарона), который возник как группа поддержки будущего премьер-министра в борьбе за его лидерство в Ликуде после выборов 1999 года.

Заметим, что неформальные внутрипартийные группировки, поддерживающие тех или иных политических лидеров (и восходящие, по-видимому, к популярному до сих пор в Израиле институту т.н. «домашних кружков»), являются неотъемлемым атрибутом израильских «исторических» партий едва ли не с момента их зарождения в рамках сионистского движения начала прошлого века. Речь идет о достаточно аморфных, но сравнительно стабильных группах партийных политиков, связанных отношениями взаимной лояльности и обмена услугами. Кроме того, члены таких неформальных группировок (известных в литературе как «клики» или «политические

²⁵ David J. Samuels. Presidentialized Parties, the Separation of Powers and Party Organization and Behavior // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 35 No 4 (May), p. 461–483.

кланы»)²⁶ обычно замыкали на себя контакты с функционерами и активистами исторически связанных с партиями институтами. Последние включали деловые, производственные, образовательные, информационные, культурологические и другие подобные объединения, а также женские, молодежные, секторально-этнические и поселенческие движения, основывавшие коллективные поселки как внутри, так и за «зеленой чертой».

Идущий в последние два-три десятилетия процесс трансформации ведущих израильских партий из массовых движений в преимущественно парламентские организации привел к существенным изменениям структуры и неформальных группировок партийных политиков. Они все дальше выходили за рамки «материнских партий» и связанных с ними организаций и движений и становились ядром более широких сетей взаимоотношений с деловыми, управленческими, академическими, военными, информационными и прочими кругами, элитами и группами интересов.

Группировки типа «Форума Шикмим» Ариэля Шарона и «ближнего круга», который так и не смог сформировать Эхуд Барак, действовали вполне в духе этой тенденции. При этом они существенно отличались от «номенклатурных партократических кланов» в МАПАЙ, семейно-родовых группировок в арабских партиях или структур типа «Советов мудрецов Торы» в партиях, которыми руководят религиозные ультраортодоксы. Они представляли собой властные структуры нового типа, вплетенные в более сложную систему взаимоотношений с традиционными персональными лагерями, идеологическими фракциями и группами интересов в партиях, квазигосударственных органах (Гистадруте, Сохнута, Земельном Фонде и т.д.) и институтах исполнительной власти, что, понятно, было ответом на нынешние политические реалии. Тем не менее, и для «новых кланов» инфраструктура партий и прежде всего их «центры» (постоянные члены периодически созываемых партийных конференций, нечто вроде расширенного состава ЦК)

²⁶ Детальный анализ теории партийно-клановых группировок такого рода содержится в нашем исследовании: Vladimir (Ze'ev) Khanin. *Non-Formal Structures of Power (Clans) and Administration Models in the Post-Soviet and Post-Colonial World* / Gammer M. (ed.) // *Community, Identity and State: Comparing Africa, Eurasia, Latin America and the Middle East*. – London: Routledge, 2004, с. 42–68.

остаются главной политической «площадкой», где только и возможна реализация максимальных властных амбиций.

Именно с этим феноменом были связаны попытки сначала Эхуда Барака, а затем Ариэля Шарона вернуть политическую систему Израиля, которая пережила в 1977–1996 годах период соперничества двух сопоставимых по силе ведущих партий и период «партийного полиморфизма» 1996–2001 годов, к характерной для Израиля 50-х – начала 60-х годов «полуконкурентной» системе. То есть трансформировать свою организацию в однозначно доминирующий в политической системе страны политический центр, ядром которого должны стать структуры личной власти и влияния премьер-министра, практически полностью контролирующего процесс выработки национальных приоритетов, административных назначений, экономическую политику и т.д.

Ни тому, ни другому это так и не удалось. Конец попыткам создания «партии власти», которые предпринял Эхуд Барак на базе своего избирательного блока Партия труда/Единый Израиль, положил политический кризис 2000–2001 годов, развернувшийся уже через полтора года после его победы над лидером Ликуда Биньямином Нетаньяху на прямых выборах 1999 года. Этот кризис, как известно, был итогом осуществлённого Барак-ом одностороннего ухода ЦАХАЛа из Южного Ливана, провала его переговоров с главой ПНА/ООП Ясиром Арафатом в Кэмп-Дэвиде и прямого следствия этих шагов – новой волны палестино-арабского террора (т.н. «интифада Аль-Акса»). Инициативу закономерно перехватил сменивший Биньямина Нетаньяху на посту главы Ликуда Ариэль Шарон, который, переиграв Эхуда Барака на прямых выборах премьер-министра в 2001 году, попытался именно Ликуд сделать новой «партией власти».

Ситуация, казалось, способствовала подобному раскладу. С целью переломить тенденцию размывания электоральной базы «исторических» партий, на которые были и остаются «завязаны» властно-собственнические интересы традиционных израильских элит, Ариэль Шарон провел в 2002 году закон об отмене прямых выборов главы правительства и возвращении к системе «чистого парламентаризма». А это, по идее, должно было усилить основные партии и ослабить периферийные и секторально-общинные списки.

Прошедшие по «старо-новой модели» выборы 2003 г. действительно укрепили Ликуд – за него голосовали очень многие

из тех, кто поддержал в 2001 году Шарона на прямых выборах премьер-министра. В итоге фракция этой партии выросла вдвое – с 19 до 38 (а после присоединения «русской» партии Исраэль ба-Алия – 40) мест. Однако значительная часть «баракистов» (то есть тех, кто в 2001 г. голосовал за его тогдашнего соперника, Эхуда Барака) на парламентских выборах 2003 г. поддержала не столько Аводу, лидеры которой продолжали идентифицироваться с очевидно провальным «ословским процессом», сколько другой левоцентристский список – Шинуй. Последний в тот момент позиционировал себя в качестве очередной «партии центра» и завоевал 15 мандатов, выведя из контекста своей программы неудобные для левого лагеря в свете очевидного кризиса выдвинутых им упомянутых идей «Осло» сюжеты внешней политики и безопасности и продвигая темы светско-религиозного противостояния и защиты интересов «угнетенного среднего класса»

Но и Ариэль Шарон, который на глазах превращался из «ястреба» в «голубя мира», также не смог реализовать свою главную задачу – превратить Ликуд в центр, доминирующий в политической системе страны и инструмент своей личной власти премьер-министра. «Программа одностороннего размежевания с палестинскими арабами», сопровождавшаяся насильственной депортацией еврейских жителей сектора Газа и Северной Самарии, сделала такую трансформацию невозможной. Она буквально «взорвала» Ликуд изнутри, превратив правое крыло партии в непримиримую оппозицию Шарону, который в борьбе с «повстанцами» вынужден был опереться на все менее управляемый партаппарат.

Политический «центр» как эквивалент власти

Выход, получивший название «большого политического взрыва», был найден Ариэлем Шароном в конце того же 2005 года. В сентябре 2005 г. он покинул Ликуд и объявил о создании новой партии Кадима, под «зонтиком» которой Шарон попробовал объединить «плавающие голоса» обоих «умеренных» лагерей – и своих «шаронистов», и «баракистов» (претензии на лидерство которыми после временного ухода из политики Барака в 2001 г. заявил его бывший «патрон», многолетний лидер Аводы Шимон Перес, который в сентябре 2005 г. проиграл внутри-

партийные праймериз «профсоюзному лидеру» Амиру Перецу). Основатель Кадимы позиционировал ее наиболее удобным для решения своей задачи способом – в качестве «центристской» партии. Но уже изначально было понятно, что задуманная Шароном организация радикально отличается от классической «партии центра», пытающейся в израильских условиях «втиснуться» в узкий промежуток между левоцентристской Аводой и правоцентристским Ликудом.

«Естественным объектом» притязаний такого рода партий обычно являются «плавающие» между левым и правым лагерями 5–6 мандатов, каковыми потенциал «партии центра» в ее минималистском варианте, как правило, и ограничен. В другой, расширенной модели (12–15 мандатов) «партии центра» одновременно пытаются «отщипнуть» и какую-то часть собственно «правого» и «левого» электората. С этой целью они предлагают избирателю популярного лидера или целое «созвездие» таких лидеров, привлекательную идею (таковой может быть «правильная» интеграция репатриантов, борьба с коррупцией, преступностью или «религиозным засильем», экономические права среднего класса и т.п.) либо идею социального, гражданского или секторального «протеста против всех». И именно с этой целью они одновременно тщательно «выводят за скобки» тему арабо-израильского противостояния, которая может мгновенно развести их избирателей по привычным «правому» или «левому» политическим лагерям, – что постоянно и происходит.

Соответственно, они обращаются к предельно широким слоям избирателей (за исключением, понятно, тех, против кого в данном конкретном случае направлено острие их критики). Но их главный электоральный ресурс, помимо упомянутых «плавающих» мандатов, обычно находится в среде либо «левых», либо «правых» избирателей, которые по тем или иным причинам не готовы уже голосовать за свои исторические партии. Так, избирателями движения ДАШ (Демократия и мир) были в массе своей «разочарованные мапайники», и ровно та же ситуация повторилась четверть века спустя в отношении наследника ДАШ – «анти-клерикально-рыночной» партии Шинуй». Оба левоцентристских списка, которые соответственно в 1977 и 2003 гг. позиционировали себя в качестве «партий центра», получили максимум того, что такая партия может иметь в израильских условиях, – 15 мандатов. С другой стороны, избиратели таких соискателей центристской ниши, как

«русская» Исраэль ба-алия (ИБА) и «общезраильская» Партия центра, генетически были связаны, в массе своей, с умеренными фракциями правого лагеря.

Отметим, что в случае примерного паритета между правым и левым лагерем именно такие партии, которые готовы участвовать в любой, что «правой», что «левой» коалиции часто приобретают критическое значение как необходимый «довесок» при формировании парламентского большинства и, соответственно, вес и влияние, непропорциональные числу поданных за них голосов. Тем не менее, длинный список центристских партий, к которым, помимо упомянутых, можно отнести и Свободный центр, РАФИ, Телем, Омец, Яхад, Новую либеральную, Третий путь, и многие другие, — убеждает, что такие партии являются довольно «скоропортящимся продуктом» на израильском политическом рынке. Не будучи укорененными ни в одном из культурно-идеологических сообществ, центристские партии переживают, в лучшем случае, одну–две каденции и исчезают, как только уходят их лидеры, де-актуализируется поднятая ими тема или новый виток арабо-израильского противостояния разводит их избирателей по привычным «право-левым» квартирам.

Так, партия выходцев из бывшего СССР Исраэль ба-алия (ИБА), которая энергично стартовала в 1996 году (она тогда получила 7 мандатов), уже к 1999 г. дважды раскололась. Вышедшие из ИБА «правые» и «левые» фракции стали базой для новых «русских» партий, соответственно, Наш дом — Израиль (НДИ) и Демократический выбор. Сама же «центристская» ИБА, потерпев поражение на выборах 2003 г., влилась в Ликуд. Другое «центристское» движение — отколовшуюся накануне выборов 1999 г. от Партии труда «профсоюзную» партию А. Переса Ам Эхад постигла близкая судьба: два из трех ее депутатов вернулись в после выборов 2003 г. в Аводу (включая лидера партии Амира Переца, который потом победил на выборах председателя Аводы), а один перешел в лагерь Шарона в Ликуде.

Было вполне очевидно, что Шарон в отличие от своих «центристских» предшественников не собирался балансировать на границе левого и правого лагеря, «втиснув» свою партию Кадима в упомянутый узкий промежуток между левоцентристской Аводой и правоцентристским Ликудом. Напротив, он явно намеревался создать политическую конструкцию вместо

этих партий, отодвинув их на периферию партийно-политической системы страны. То есть коренным образом перекроить эту систему, поставив во главе свою «**партию власти**», а отнюдь не очередную партию центра. Иными словами, Шарон предпринял попытку возвращения израильской политики к «полуконкурентной» системе 50-х – начала 60-х годов с той лишь разницей, что место партии Мапай должна была занять Кадима.

И потому его электоральная заявка далеко не ограничивалась традиционными «плавающими» мандатами, а была направлена в сторону политического центра в самом широком смысле этого слова – от умеренно левого до умеренного правого. Речь идет о самом большом сегменте (от половины до более двух третей) израильских избирателей, политический вес которых соответствует 65–80 из имеющихся в Кнессете 120 мандатов, которые отличаются умеренными взглядами на основные проблемы внутриполитического противостояния. То есть они в принципе поддерживают разные варианты территориального и/или политического компромисса с разными силами в арабском мире, сохранение светско-религиозного статус-кво внутри страны и идею смешанной экономики («либеральный социализм» или «рыночная экономика с человеческим лицом») и классового сотрудничества.

Именно под продолжение процесса «одностороннего отделения от палестинских арабов», под флагом которого Шарон осуществил односторонний вывод еврейских поселений из Газы и Северной Самарии в августе 2005 г., он предполагал собрать под «политическим зонтиком» Кадимы максимально большую часть «умеренного» электората, превратив свое движение в своего рода «реинкарнацию исторической МАПАЙ» – новую «партию власти», господствующую в центре политического спектра²⁷. Эта заявка, несмотря на «победу по очкам» партии на выборах 2006 г., по-настоящему так и осталась не реализованной. Кадима стала быстро сдавать обороты тут же после ухода с политической арены ее основателя – Ариэля Шарона. Свою роль в кризисе Кадимы сыграли итоги попыток стоящих за ней «неоцентристских элит» решительно перекроить политическую систему страны, что привело к заметной

²⁷ Подробнее об этих идейно-политических процессах см. в статье: Shmuel Sandler, Jonathan Reihold. Introduction: From Centrism to Neo-Centrism // *Israel Affairs*. 2007. Vol. 13, No. 2 (April), p. 239.

«разбалансировке» устоявшихся в Израиле норм взаимоотношений правящей коалиции, оппозиции и гражданского общества²⁸.

Наконец, Вторая ливанская война и захват власти в секторе Газа, покинутом Израилем «в одностороннем порядке», радикальными исламистами, превратившими его в плацдарм для непрекращающихся обстрелов израильского юга, — все это сделало малорелевантной и саму шароновскую идею «одностороннего размежевания». Равно как и ее продолжение — «план свертывания», который предложил официальный наследник А. Шарона, глава правительства и лидер партии Кадима Эхуд Ольмерт. А это уже лишало партию ее идейной базы и обесмысливало ее претензии на власть.

На выборы 2009 года Кадима шла уже не в качестве «новой партии центра», а как главная политическая сила левого лагеря, сделав небезуспешную заявку вытеснить из этой ниши Партию труда (Авода). Но это уже была игра по совсем другим правилам, требовавшим преодоления «центристского ДНК», чего лидеры Кадимы сделать так и не смогли. Вся вторая парламентская каденция партии была периодом ослабления и распада Кадимы, которая, располагая по итогам выборов 2009 года крупнейшей фракцией в Кнессете, в январе 2013 года с трудом прошла электоральный барьер. Подтвердив тем самым, что «партии центра» в Израиле, даже такие безразмерно большие, как Кадима, имеют шанс на одну-две каденции. Это «железное правило», впрочем, не удерживает очередные группы политиков от искушения вновь и вновь заполнить соблазнительно пустую «центристскую» партийную нишу — с вполне предсказуемой перспективой.

Что же касается собственно партий центра, то в Кнессете 18-го созыва их роль фактически выполняли две партии. Это «русская» (по происхождению) партия НДИ, которая позиционировала себя в качестве общенациональной умеренно-правой партии. А также остатки лично преданных Эхиду Бараку «баракистов», на которых он опирался, пытаясь удержать власть и утверждать «центристскую линию» в своей партии Авода, и во главе которых он покинул ее в конце 2010 года и основал новую, уже собственно «центристскую» фракцию Ацмаут [независимость]. Однако изначально было понятно, что и лидер

²⁸ Подробнее см.: Ханин В. (З.). Израиль: состояние и перспективы развития гражданского общества // М.: Ин-т Ближнего Востока, 2007.

НДИ Авигдор Либерман, и Эхуд Барак, подобно Шарону, не были намерены ввязываться в очередной чисто центристский проект, имея перспективы, по сложившейся традиции, через одну-две каденции уйти вместе с ним в политическое небытие. Сразу же после выборов 2009 года стало понятно, что оба лидера, конкурируя с Ликудом и Кадимой, будут добиваться превращения своих партий в главную силу, соответственно, правого и левого лагеря, освободив со временем «узкую» центристскую нишу для новых соискателей. Что блестяще подтвердили выборы 2013 года.

Таким образом, к 2009 году израильская политическая система полностью преодолела последствия устроенного в 2005 году Ариэлем Шароном и Шимоном Пересом «большого взрыва». То есть вернулась к состоянию относительного паритета между правым и левым лагерями политического спектра, по-разному относящимися к базовым для израильского общества проблемам внешней политики и безопасности, экономической политики и гражданским вопросам. Причем в каждом из этих лагерей доминировала одна партия – в правом все тот же правоцентристский Ликуд, находившийся в состоянии «конкурентного сотрудничества» с партией НДИ, а в левом за эту роль боролись две партии – собственно Партия труда и «новая Авода», то есть Кадима.

Каждая из этих четырех партий (две «исторические» – Авода и Ликуд и две «нового поколения» – НДИ и Кадима) претендовала на то, чтобы вернуть себе, сохранить, утвердить или со временем получить статус «партии власти». Причем каждая из них выстроила свою модель достижения этой цели и пользовалась своими электорально-политическими ресурсами, включая функционирование в качестве «зонтика» для объявленных или необъявленных «секторальных» интересов.

Так, Партия труда была долгие годы правящей в Государстве Израиль, как было показано, во многом «выстроив» его институты из контролируемой Аводой управленческих, культурно-образовательных и экономических структур, созданных под руководством ее предшественников еще в период британского мандата на Палестину. И потому она долгие годы была партией «Первого Израиля» – членов первой-четвертой волн еврейской репатриации конца XIX и первой трети XX-го вв. и их потомков, творцов большинства израильских социальных и культурных кодов, составивших ядро культурного, политического и экономического истеблишмента страны. Соответственно, ядро изби-

рателей МАПАЙ/Авода всегда составляли представители ашкеназского среднего класса, населяющие благополучные кварталы городов и коллективных поселений центра страны.

Напротив, модель превращения в правящую партию Ликуда включала «завоевание» уже выстроенных государственных и общественных структур (Кнессет, правительство, профсоюзы, местные органы власти и т.д.) и превращение политической системы из «полуконкурентной» в плюралистическую в рамках утвердившихся в стране демократических правил политической игры. Пожалуй, важнейшим элементом успеха Ликуда было то, что он открыл свои рамки для т.н. «Второго Израиля» – населения социально неблагополучных, по израильским понятиям, кварталов и городов развития, в массе своей восточного («сефардского») происхождения.

Далее, Кадима предложила новую модель выстраивания партии власти, сделав заявку на «демонтаж» ведущих израильских движений и собственного структурирования, одновременно предлагая себя «высвобождающимся» элементам их инфраструктуры как «зонтик» для различных социальных, секторальных и общинных групп.

Наконец, лидеры партии НДИ предложили свою модель прихода к власти путем ее завоевания «на платформе» или в симбиозе «конкурентного сотрудничества» с одной из ведущих «исторических» партий (Ликуд). Будучи по происхождению преимущественно партией выходцев из бывшего СССР, НДИ не просто сделала общенациональную заявку. Она фактически выстраивается как партия т.н. «Третьего Израиля» – «нео-сионистских» по своей идеологии общественных групп, связанных со слабо контролируемыми «пост-социалистическим истеблишментом» сферами, где, кстати, широко представлены выходцы из бывшего СССР. А именно: немонополизированными секторами постиндустриальной экономики (такими, как хай-тек), альтернативными (особенно электронными и интернет) СМИ, складывающейся системой открытого образования, новыми гражданскими институтами, новым поколением поселенческого движения и т.д.

Умеренно «дрейфуя» в рамках идейно-политического спектра страны, эти движения за период своей истории также пережили существенную эволюцию своей внешней и внутренней структуры. Соответственно, каждая из них представляет самостоятельный социологический феномен, достойный специального рассмотрения.

Глава 2.

ЛИКУД: «ПОСТ-РЕВИЗИОНИЗМ», «ВТОРОЙ ИЗРАИЛЬ» И ПАРТИЙНО-КЛАНОВЫЕ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ

Формирование партии (формально именуемой «движением») Ликуд и ее приход к власти проходило в рамках классической демократической модели «конкурентного сотрудничества» и стало окончательным утверждением в «постсоциалистическом» израильском обществе полноценного конкурентно-многопартийного режима западного типа. Огромную роль в становлении Ликуда как правящей партии особого типа сыграл тот факт, что он стал платформой, во-первых, для продвижения в политический и управленческий истеблишмент страны элиты выходцев из стран Азии и Африки (т.н. «Второго Израиля»). И во-вторых, появление наиболее развернутых моделей неформальных и полупоформальных групп интересов, давления и власти, стало отражением присущего этому движению типа внутрипартийного плюрализма, отражающего соответствующие процессы в обществе.

Все эти обстоятельства оказались весьма значимыми в период существенной трансформации, которую пережила политическая система Израиля вследствие инициированного Шароном «большого политического взрыва», к организации которого оказалась причастна часть ликудовских элит, в то время как другая часть сыграла критическую роль в ликвидации его последствий.

Ликуд: формирование и развитие

Партия «Национальное либеральное движение Ликуд» (Сплоченность) была создана в 1988 г. на базе существовавшего с 1973 г. одноименного блока правых и либеральных партий, возникшего «с подачи» Ариэля Шарона, тогда лидера входившей в этот блок небольшой правоцентристской партии Шломцион.

Ядром блока, а затем партии Ликуд стала партия Херут (Свобода), которая вскоре после провозглашения Государства Израиль в 1948 г. объединила бывших бойцов Национальной военной организации – ЭЦЕЛ (командиры которого М. Бегин, а затем И. Шамир последовательно возглавляли партию) и участников ряда других политических организаций, исторически связанных с ревизионистским течением в сионизме. На выборах в первый Кнессет (1949 г.) Херут получила 14 мандатов, после выборов 1951 г. ее представительство упало до 8 мандатов, но в последующие годы партия постепенно увеличивала свое парламентское представительство, завершив свою последнюю избирательную кампанию в 1984 г. в качестве самостоятельной организации с итогом в 26 мандатов.

После Шестидневной войны 1967 г. Херут была единственной партией, последовательно отвергавшей территориальный компромисс в западной части Эрец-Исраэль. Напротив, социальная и экономическая платформа партии была изначально размытой и структурировалась позднее под влиянием союза с Либеральной партией. Последняя была основана в 1961 г. в результате объединения леволиберальной Прогрессивной партии и праволиберальной Партии общих сионистов, исторически восходящих к различным течениям внутри лагеря либеральных националистов в сионистском движении. Программа либеральной партии базировалась на принципах приоритета национальных интересов над классовыми, партийными, религиозными и социальными, а также поддержки частной деловой инициативы и свободной экономики. При этом либералы стремились вывести тему арабо-израильского конфликта за пределы партийной программы.

Это неоднократно приводило к расколам среди либеральных сионистов в прошлом, борьба по этой и другим темам продолжалась и после создания единой партии. «Прогрессисты» всегда автоматически поддерживали социалистическое правительство МАПАЙ в вопросах внешней политики и безопасности, часто – в вопросах экономической политики, равно как выступали против «религиозного засилья». Напротив, бывшие члены Партии общих сионистов испытывали недоверие к социалистическому руководству Израиля, были сторонниками более жесткой линии по отношению к арабским странам, поддерживали светско-религиозный статус-кво и выступали за решительную либерализацию экономики, школьного образования и социальной сферы.

Этот идеологический конфликт приобрел зримые рамки накануне выборов 1965 года, когда под давлением своего правого крыла партия совместно с ревизионистским движением Херут организовала парламентский блок ГАХАЛ. В 1973 г. на базе ГАХАЛ был образован блок Ликуд, к которому присоединились мелкие правые партии. Если экономическая программа Ликуда стала в основном тождественной платформе Либеральной партии, то либералы, в свою очередь, испытали сильное влияние «херутников» в вопросах внешней политики и безопасности. В итоге блок пошел на выборы (и получил на них 39 мандатов) с программой, которая включала идею распространения израильского суверенитета на всю территорию Эрец-Исраэль/Палестины западнее реки Иордан, а также пункты, касающиеся либерализации экономики, улучшения положения выходцев из восточных стран, уважения еврейской традиции и углубления ее изучения в школе, предоставления полных гражданских прав арабскому и другим меньшинствам²⁹.

Следующие выборы в Кнессет проходили под знаком травмы войны Судного дня и давно назревавшего в обществе недовольства правлением МАПАЙ вообще и правительством Рабина (1974–77 гг.), в частности. Результатом этих причин стал знаменитый «электоральный переворот» 1977 года: Ликуд получил 43 мандата, а М. Бегин, сумев заручиться поддержкой левоцентристской партии ДАШ (состоявшей в массе своей из бывших сторонников Партии труда, разочарованных политикой руководства), из лидера оппозиции стал премьер-министром.

Важную роль в победе Ликуда, как отмечалось, сыграла поддержка т. н. «Второго Израиля» – евреев восточного происхождения, которых в Израиле принято называть сефардами, лидеры которых на протяжении двух десятилетий не уставали подчеркивать дискриминацию этой группы европейско-ашкеназским истеблишментом страны. Если до конца 60-х гг. выходцы из стран Азии и Африки в массе своей голосовали за МАПАЙ прежде всего как за символ власти (в том числе, и благодаря «прикормленным» верхушкой МАПАЙ «электоральным посредникам» из числа сефардов и сефардским «партиям-спутникам»), то с начала 70-х гг. их симпатии качнулись в сторону Херута и блока Ликуд.

²⁹ См.: Yehi'am Vaits. The Road to the "Upheaval": A Capsule History of the Herut Movement, 1948–1977 // *Israel Studies*. 2005. Vol. 10, Number 3, p. 54–86.

Накануне и после «переворота» 1977 г. Ликуд стал активно выдвигать евреев восточного происхождения в муниципалитеты, Гистадрут, Кнессет, руководство госкомпаний и т. д. Со временем в руководстве партии образовалась влиятельная прослойка лидеров сефардского происхождения, включая занимавших в разное время министерские и другие высшие государственные посты Давида Леви, Меира Шитрита, Моше Кацава, Якова Шама, Шауля Амора и других.

Благодаря этим лидерам и их сторонникам к началу 90-х годов выходцы из стран Востока составляли 2/3 избирателей Ликуда, а в структуре партии образовалось влиятельное «социальное лобби», серьезно умерявшее ее изначально либерально-рыночную ориентацию. Это в немалой степени происходило и благодаря организационной слабости либералов по сравнению с «херутниками». Еще до образования единой партии в 1988 г. стала заметна тенденция постепенного сокращения участия либералов в общем списке Ликуда, причем эта тенденция продолжалась и в дальнейшем. (Заметим, что в 1990 г. часть бывших либералов, среди которых был и Э. Ольмерт, недовольных своей политической маргинализацией в Ликуде, вышла из него и баллотировалась в Кнессет в 1992 г. как Новая либеральная партия, но не прошла 1,5%-ный электоральный барьер).

После подписания правительством Ликуда в 1979 г. мирного договора с Египтом, в рамках которого предусматривался полный уход Израиля из Синаи и разрушение там еврейских поселений, многие члены Кнессета (и даже министры) от Ликуда проголосовали против указанного договора, а часть депутатов вышла из этого блока и создала новую партию – Тхия. Ликуд, объединив все свои составляющие накануне выборов 1988 г. в единую партию, продолжал тем не менее оставаться у власти до выборов 1992 г., на которых он получил только 32 мандата и перешел в оппозицию. Ушедшего в отставку лидера партии И. Шамира сменил в 1993 г. Биньямин Нетаньяху, который сумел в 1996 г. победить на первых в истории страны прямых выборах премьер-министра.

Возглавив правительство, Нетаньяху вынужден был считаться с «политическим наследством» предыдущего правительства Аводы Рабина-Переса, в том числе с подписанными соглашениями с ООП в рамках т.н. «процесса Осло». Попытки ревизии ряда негативных для Израиля последствий этих соглашений с одновременным признанием необратимости уже

сделанных в рамках данного процесса уступок сделали правительство Нетаньяху объектом критики как «слева», так и «справа». В результате выборы 1999 г., накануне которых Ликуд покинул ряд правых фракций, закончились для партии катастрофой: она получила только 19 мандатов, а Б. Нетаньяху проиграл вторые прямые выборы премьер-министра. После его ухода председателем партии был избран Ариэль Шарон (по инициативе которого Ликуд и был создан за четверть века до этого).

Ликуд: формальные и неформальные структуры власти

Встав во главе партии, подняв ее «из руин» после поражения на выборах 1999 г. и приведя ее к победе в 2003 г., А. Шарон, как было сказано, попробовал превратить Ликуд в инструмент становления режима своей личной власти и реализации главного политического проекта своей второй каденции – программы «одностороннего отделения» от палестинских арабов. На каком-то этапе казалось, что Шарон уже на пути к этому: руководство Ликуда, опираясь на прочное парламентское большинство созданной в 2003 г. коалиции, практически полностью контролировало ситуацию. В этих условиях инфраструктура правящей партии, прежде всего ее ЦК, превратилась в главную «площадку» общенациональной политики, причем большинство акторов политического процесса долгое время воспринимало это как некую неизбежную данность.

Эта ситуация во многом противоречила отмеченной выше многолетней тенденции трансформации Ликуда из «массовой» в «парламентскую» партию, работающую не столько со своими членами, сколько с «широкими кругами избирателей». Ликуд, который к тому времени уже почти три десятилетия функционировал как сложный симбиоз конкурентного сотрудничества исторически связанных с движением разнородных групп идеологических, политических, социально-экономических и общественных интересов, в 2003–2005 гг. переживал своего рода «обратную трансформацию».

В первую очередь это касалось статуса идеологических фракций, которые прежде естественным образом играли роль важного элемента ликудовского симбиоза. Занимая, по крайней

мере официально, одну из верхних позиций в иерархии формальных и неформальных партийных структур, эти фракции, как правило, действующие в виде «кружков» (*хугим*) или «форумов» (таких как Форум за сохранение идеологических ценностей Ликуда, блок Еврейское руководство и др.), очевидно влияли на расстановку политических сил и процесс принятия политических решений. Другой важнейшей функцией этих институтов было предоставление организационных рамок идеологическим платформам, существующим в массовой партии, которая, как отмечалось, почти неизбежно превращалась в некий «идейно-социально-политический супермаркет».

После победных для партии выборов 2003 г. таких идеологических платформ было три. Наиболее «левый» фланг в Ликуде занимали «центристы», к которым исторически примыкали правосоциалистические, праволиберальные и собственно центристские группы, вошедшие в Ликуд в период его формирования (такие, как партия А. Шарона Шломцион). В последние полтора десятилетия «центристский лагерь» Ликуда характеризовала поддержка идеи «два государства для двух народов» с границей между ними более-менее по «зеленой черте» и весьма размытая позиция по социально-экономическим и гражданским вопросам. (Это и останавливает, как мы уже писали в нашем исследовании на данную тему³⁰, от искушения считать лагерь «центристов-шаронистов» в Ликуде образца 2002–2005 гг. идейными наследниками соучредителя движения – Партии либералов, многие из оставшихся в политике деятелей которой к тому же находились среди противников поддерживавшегося Шароном и его преемниками «плана размежевания»).

Лагерь «центристов-шаронистов» стал в 2003–2005 гг. вместе с лагерем Ш. Переса в Аводе ядром неформальной «партии власти» и абсорбировал немало «плавающих» голосов из внеидеологического центра, а также ряд групп интересов (деловых, этнических, лично-политических и т.д.), идентифицирующих себя не столько с программой Шарона, сколько с ним лично как премьер-министром и лидером правящей партии. Противоположную позицию занимают т.н. «правые» – наследники неоревизионистской идеологии организационного ядра

³⁰ Ханин В. (З.). *Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 г.* – М.: Ин-т изучения Ближнего Востока, 2006 (гл. 11. Идеология, этнос и класс в Израиле в зеркале ликудовских праймериз).

партии – движения Херут М. Бегина. Исторически программа этого лагеря включала идею распространения израильского суверенитета на всю территорию Эрец-Исраэль/Палестины западнее реки Иордан, тезисы о либерализации экономики и уважении еврейской культурной традиции, но со временем появилось также положение о возможности территориального и политического компромисса с арабами. (Это неоднократно вынуждало часть последовательных «херутников» покидать партию и присоединяться к движениям правее Ликуда – МАФДАЛ, Тхия, Цомет, Моледет, НДИ, Ткума, Обновленный Херут, Ямин Исраэль, Еврейский национальный фронт, Оцма и т.д.). В нынешнем Ликуде «правый лагерь» представлен сторонниками бывших «повстанцев» – нынешних и бывших депутатов Кнессета, в свое время выступивших против шароновского «плана размежевания», и такими «идеологическими» фракциями, как Еврейское руководство Моше Фейглина, Форум за сохранение идеологических ценностей Ликуда, «поселенческое лобби» и прочими.

Наконец, «умеренно правые» традиционно занимают промежуточную позицию между двумя лагерями, проявляя готовность к территориальным уступкам в Западной Эрец-Исраэль в обмен на реальный выигрыш в сфере безопасности, а также политические, экономические и дипломатические дивиденды. Кульминацией этого подхода были озвученные Б. Нетаньяху в первое его премьерство и в начале второго (соответственно, в 1996–1999 гг. и 2009–2013 гг.) программы «Алон плюс» и «Бар-Иланской доктрины». Обе программы фактически предполагали отказ от ревизии соглашений в Осло, распространение израильского суверенитета на часть Западного берега р. Иордан и де-факто согласие на создание палестинского государства на остальной его части.

В условиях превращения партии в один из столпов «режима размежевания» бюрократические институты Ликуда и связанные с ними формальные и неформальные структуры неизбежно обрели «второе дыхание», резко усилившись за счет идеологических групп. Не случайно, что для завершения этого процесса Шарону оказалось недостаточно статуса «харизматического лидера» партии, чтобы выиграть внутрипартийный референдум по вопросу об «одностороннем отделении» и ряд голосований по связанным с ним темам в ЦК и на съездах Ликуда. Лишь поставив своих людей во главе Секретариата

Ликуда (партаппарат), Исполкома ЦК (органа политического руководства) и Политбюро, ответственного за выработку официальной идеологической линии движения, и усилив значение двух последних, А. Шарон сумел восстановить контроль над собственной партией.

Уже через год после выборов 2003 г., вернувших Ликуду статус крупнейшей фракции Кнессета, «обновленный» партаппарат и связанные с ним группы интересов стали главным инструментом по расколу и изоляции внутрипартийной оппозиции Шарону и его программе «одностороннего отделения» – т.н. «повстанцев», получивших почти однозначную поддержку идеологических фракций партии. Ариэль Шарон, эффективно манипулируя своими политическими ресурсами и превратив большую часть влиятельных ликудовских «кланов» в младших партнеров своего лагеря, фактически не оставил своим идеологически мощным, но организационно слабым противникам почти никакого шанса. В результате, выиграв внутрипартийный референдум и большинство голосований в ЦК, идеологическая оппозиция, практически отчужденная от контролируемого партаппаратом механизма распределения ресурсов и принятия стратегических решений, так и не сумела перевести эти успехи в практические шаги.

Одним из таких ресурсов являются контакты и поддержка третьей группы внутрипартийных структур, также оказывающих немалое влияние на расстановку политических сил в движении и связанных с ним структур и организаций. Речь идет о разного рода «лобби» (*шдулот*), «направлениях» (*хативот*) и других группах оформленных секторальных интересов: социальных, этнокультурных, профессиональных, региональных и т.д. Часть из этих, как правило, признанных уставом партии категорий (молодежь, репатрианты, женщины, интеллигенция, этнические меньшинства, «религиозные» группы, жители сельскохозяйственных поселений, городов развития и т.п.) имеют не только некоторые формальные организационные рамки, но и «забронированные» за представителями этих групп места в избирательных списках.

Одним из примеров такого рода структур, играющих немалую роль во внутрипартийной политике, может служить лобби, представляющие интересы «русских» членов партии (по имеющимся данным, около 10% состава Ликуда до его раскола в октябре 2005 года).

Исторически «русский Ликуд» восходит к двум группам. Певую составили правонастроенные репатрианты, прибывшие в Израиль в 70-х – 80-х гг. XX в. Многие из них были связаны с проликудовской «русской» организацией «Гешер Алия», основанной А. Либерманом в 1987 году. Вторая группа русскоязычных членов партии состоит в основном из репатриантов 90-х гг., многие из которых начали свою политическую карьеру в рамках движения Алия за Эрец Исраэль, возникшего в 1993 г. по инициативе группы правонастроенных активистов русскоязычной общины³¹.

Учитывая электоральный вес выходцев из СССР/СНГ и уровень поддержки, который они обеспечили Ликуду на выборах 2003 г. (по опросам, от 6 до 8 мандатов), почти каждый из действующих в Центре партии ведущих политических «кланов» («лагерей») имеет сегодня «своего русского», которого они продвигали в борьбе за место, выделяемое репатриантам в списке партии в Кнессет. Впоследствии на роль ядра «русского» крыла в партии и, соответственно, на «забронированное» для репатриантов место в ее парламентском списке претендовали, как минимум, три группы влияния. Во-первых, это т.н. «Русский форум» Ликуда, организованный вскоре после выборов 2003 г. на базе партийного «русского» избирательного штаба, который возглавлял Авиад Фридман (личный друг семьи Шарона и в прошлом генеральный директор Министерства по связям с еврейской диаспорой в правительстве Э. Барака, пользовавшийся прямым покровительством премьер-министра). Во-вторых, это «русская секция» правого внутрипартийного блока Еврейское руководство, во главе которой стоит известная «правая» активистка, журналист Ася Энтова (к группе примкнули и многие бывшие участники движения Алия за Эрец Исраэль)³².

Третьей группой стали лидеры и сторонники присоединившейся к Ликуду вскоре после выборов 2003 г. бывшей главной «русской» партии ИБА во главе с Н. Щаранским и Ю. Эдель-

³¹ Подробнее см.: Владимир (Зеэв) Ханин. *"Русские" и власть в современном Израиле: становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков.* – М.: ИИИБВ, 2004, с. 46–53.

³² Vladimir Khanin. Israeli "Russian" Community and Immigrants Party Politics in the 2003 Elections // *Israel Affairs*. 2004. Vol. 10, No 4, p. 178–180.

штейном. После окончательной интеграции структур ИБА и Ликуда и пополнения ее Центра 128 своими сторонниками группа Шаранского и Эдельштейна выдвинула ощутимые претензии не только на роль главного представителя интересов «русских» сторонников Ликуда, но и на более значительную роль в движении в целом.

Объясняя свое решение, Натан Щаранский заметил: «Мощная группа русскоговорящих израильтян в ЦК Ликуда – это огромный успех для алии... Теперь у нас появились совершенно иные возможности, и можно не сомневаться, что мы используем их во благо алии и Израиля ... Мы уже не будем партией со своей программой, но будем влиять на изменение программы Ликуда таким образом, чтобы она соответствовала интересам репатриантов»³³.

Следует заметить, что «русские» члены Ликуда тяготеют, как правило, к его правым идеологическим фракциям. Не случайно, что «русские» члены партии сыграли немалую роль в поражении Шарона на внутрипартийном референдуме, который должен был утвердить его план «одностороннего отделения» от Газы и Северной Самарии. Так, если коренные израильтяне в Ликуде согласно опросам института Дахаф, разделили свои голоса по этому вопросу почти поровну, то более 80% русскоязычных членов движения проголосовали против.

Наконец, четвертую и, пожалуй, наиболее влиятельную группу партийных институтов составляют персональные политические лагеря (*маханот*). Роль последних в структуре Ликуда (как и других израильских партий) особенно велика. Верхушку этих достаточно аморфных неформальных объединений (являющихся израильским вариантом группировок кланового типа) образует сравнительно узкая группа представителей политической и административной элиты национального и регионального уровня, связанных отношениями личной лояльности и взаимным обменом услугами. Процесс формирования таких структур в рамках движения Херут был начат еще первым поколением лидеров ревизионистов и продолжен вторым поколением, которое включало т.н. «ликудовских принцев», т.е., детей «отцов-основателей» партии (Биньямин Нетаньяху, Цахи Ханегби, Исразль Кац, Эхуд Ольмерт, Лимор Ливнат, Узи Ландау и др.), ли-

³³ Ликуд и “Исраэль Ба-Алия” слились воедино: Заявление Пресс-службы Министра по делам Иерусалима и диаспоры Н. Щаранского. Январь 2005.

деров влившихся в Ликуд партий (наиболее ярким примером этой группы был Ариэль Шарон), а также лидеров этно-общинных и социальных лобби и групп интересов, во многом благодаря поддержке которых Ликуд впервые стал правящей партией. Так, символом «Второго Израиля» в партии долгое время был Давид Леви, выдвинувшийся еще в 70-е гг. как представитель «социального лобби», некогда влиятельного лагеря, но который в начале первого десятилетия нового века уже занимал периферийное положение. Вместо него на первый план вышли сети политической поддержки Сильвана Шалома, продолжающего пользоваться большим влиянием в партии и сегодня, а также Шауля Мофаза и Меира Шитрита, которые покинув партию вместе с Шароном, оставили там немало своих сторонников.

Из представителей «новых» ликудовских элит второго поколения наиболее яркой фигурой был гендиректор партии и Министерства главы правительства Авидгор Либерман, который, даже уйдя из движения с тем, чтобы основать свою партию «Наш дом – Израиль» (НДИ), долгое время продолжал и во многом продолжает контролировать в Ликуде лагерь своих сторонников. (Показательно, что в парламентском списке «израильской с русским акцентом» НДИ сегодня больше «ликудовских принцев» – таких, как Узи Ландау, Яир Шамир и Орли Леви, чем в самом Ликуде).

Наконец, в последнее десятилетие в политической структуре Ликуда возникли неформальные политические лагеря поддержки третьего поколения ликудовских лидеров. (Заметим, что аналогичные процессы в то же десятилетие происходили и в Партии труда, что было связано с выдвижением «третьего поколения номенклатуры МАПАЙ» и приходом в эту партию представителей «новых левых элит» – Шели Яхимович и др.). В Ликуде это поколение включало таких деятелей, как Гилад Эрдан, Гидеон Саар, упомянутый Юлий Эдельштейн и лидер «новых сефардов» Моше Кахлон (покинувший партию накануне выборов 2013 года и, по некоторым данным, готовый начать собственный правоцентристский политический проект, с возможной перспективой возвращения в Ликуд на совсем другом уровне политического влияния). А также председатель правящей парламентской коалиции в 2009–2013 гг. и в феврале 2013 – июне 2014 гг. зам. министра иностранных дел Зеэв Элькин, который первоначально выстраивал сети своего персонального

влияния преимущественно в среде «русского Ликуда», но сегодня явно перерос эти рамки.

Особое место среди этого поколения ликудовских политиков занимает Моше Фейглин, глава правой внутрипартийной организации Еврейское руководство, который предпринял успешную попытку сколачивания собственного политического лагеря на основе близости идеологических взглядов. Последний стал объектом общественного внимания в середине 90-х гг. XX в., когда созданное Фейглиным движение «Зо арцейну» организовало массовые акции протеста (включая демонстрации, пикетирование и перекрытие шоссе́йных дорог) против проводимой правительством Рабина и Переса политики неоправданных, как считали тогда многие израильтяне, уступок палестинцам в рамках «процесса Осло». За организацию этих акций М. Фейглин был обвинен в бунте и приговорен к тюремному заключению, которое было заменено на общественные работы. В последствии М. Фейглин и его сторонники вступили в Ликуд, где образовали фракцию Манхигут йегудит [Еврейское руководство], предложившую, в духе идеологии «новых правых», концепцию национального развития, основанную на сочетании классических идей ревизионистского движения (идеи «единой Земли Израиля» к западу от реки Иордан) с укреплением национально-культурной идентичности Израиля как еврейского государства³⁴.

Среднее звено клановых структур Ликуда образуют сравнительно стабильные «неформальные политические группы», в большинстве состоящие из членов пленума ЦК, как правило, функционирующих на базе крупных отделений партии, муниципальных блоков и административно-хозяйственных структур. Из наиболее известных группировок такого рода в первом десятилетии XXI века стоит упомянуть «иерусалимские группы» Ицхака Койфмана, Игаля Амеди и Рафи Бар Хена; группу «профсоюзных бойцов» Хаима Каца (перешедших в Ликуд вслед за своим патроном из гистадрутовской партии Ам Эхад после ее присоединения к Аводе); «северные группы» братьев Леви, Гастона Малка и Ицхака Регева и т.д. Именно в руках этих групп фактически находились формирование основного состава Центра партии и функционирование его основных секторально-лоббистских институтов. Эту ситуацию проиллюстри-

³⁴ См.: Фейглин М. *Война идеалов. От государства евреев к еврейскому государству*. – Иерусалим, 2006. <http://gazeta.rjews.net/feigl0.html>

ровал тогдашний председатель молодежного движения Херут (исторического ядра Ликуда) Йоэль Хасон: «Меня избрали в отделении Ришон ле-Циона. Сначала я заручился поддержкой 100 членов движения. Перед самими выборами я присоединился к одной из групп в поисках более широкой поддержки и на свое счастье выиграл»³⁵.

Большая часть лидеров этих неформальных групп находится в отношениях взаимного обмена услугами с лидерами ведущих лагерей. Эти связи, однако, могут быть достаточно подвижными. Например, в ноябре 2005 г. ныне покойный глава влиятельной «йеменитской муниципальной группы» активистов и членов ЦК Ликуда Узи Коэн, тогда заместитель мэра города Раанана, покинул лагерь сторонников Биньямина Нетаньяху и открыто перешел на сторону Сильвана Шалома. «После смены власти в Аводе, – пояснил он, – появилось несколько вакантных мандатов, которые будут разыграны по исключительно этическим соображениям. Поэтому лучше, если во главе Ликуда встанет Шалом... У ашкеназа Биби (Нетаньяху – авт.) нет шансов победить сефарда Переца». Аналогичную позицию занял председатель горкома Ликуда в Кфар-Сабе Шломо Мадмон: «Я очень ценю и уважаю Биби, но сейчас мы должны кое-что противопоставить (лидеру Партии труда сефарду-авт.) Амиру Перецу»³⁶. Депутат Хаим Кац, который возглавляет группу из около 90 членов Центра, в массе своей членов рабочих советов авиационной промышленности, что традиционно резко повышает его шансы войти в парламентский список партии, вполне откровенно сказал о том, какой приказ он даст «своим верным солдатам». «Узи Ландау – что в нем хорошего? Дани Наве, Моше Кахалон, Исраэль Кац, Гидеон Саар, Лимор Ливнат, Лея Нес – что в них хорошего? Я поддерживаю только тех, кто должен быть в следующем Кнессете!»³⁷.

Наконец, нижнее звено ликудовских «кланов» образуют члены ЦК, известные как «электоральные посредники» (*кабланей колот*) – представители контролируемых Ликудом муниципальных органов и общественных организаций, политические

³⁵ Цит. по: *Гаарец*, 11.10.2005.

³⁶ Цит по: Нехемия Штраасслер. Конец эпохи ашкеназов // *Гаарец*, 25.11.2005 (на иврите).

³⁷ Цит по: Йоси Вертер. Ольмерт вместо Шарона – смешно или грустно? // *Гаарец*, 09.01.2006 (на иврите).

назначенцы в министерствах и госкомпаниях, а в арабоязычном секторе – вожди бедуинских племен и старейшины друзских деревень и т.д. К числу *кабланей колот*, суммируя мнения экспертов, следует отнести любого активиста партии, способного тем или иным способом ввести в ее ЦК 10–15 своих сторонников и эффективно обменять их голоса и другие услуги на поддержку групповых «патронов» и лидеров политических лагерей. Фактически к этой категории политиков, как вполне откровенно заметил тот же Йоэль Хасон, может быть отнесен «любой активист, который, будучи избранным в ЦК, становится местным боссом и делает карьеру»³⁸.

В итоге образуются широкие «патронажно-клиентельные сети», которые превращают политические «кланы» в более развернутые структуры и придают им значительную стабильность. Именно они контролируют как реальный механизм функционирования «партийных машин» (включая формирование избирательного списка и назначения в партаппарате), так и разветвленную систему связей с представителями различных общественных элит (бюрократической, силовой, хозяйственной, информационной, религиозной, академической, предпринимательской и т.д.). И именно поэтому они стоят, в конечном итоге, за успехами или неудачами тех или иных идеологических фракций и секторальных лобби.

В этом смысле персональные политические лагеря в Израиле типологически сближаются с неформальными структурами власти в странах «второго» и «третьего» мира (Попытка исследования этих структур была нами предпринята на примере сравнительного анализа партийно-клановых и этнорегиональных группировок в постколониальных и постсоветских странах)³⁹.

³⁸ Цит. по: Гидон Алон. Центр Ликуда – сообщество непотопляемых и бессмертных // *Гаарец*, 10.10.2005 (на иврите).

³⁹ См. Владимир Ханин. *Этнорегиональные группировки и политическая борьба в Нигерии*. – М.: ИААН, 1989; Владимир Ханин. Неформальные структуры власти: институт политических партий в африканских условиях // *Современная Африка: итоги и перспективы развития*. – М.: Наука, 1990, с. 60–73; Vladimir Khanin. Non-Formal Structures of Power (Clans) and Administration Models in the Post-Soviet and Post-Colonial World // Gammer M. (ed.) *Community, Identity and State: Comparing Africa, Eurasia, Latin America and the Middle East*. – London: Routledge, 2004, p. 42–68;

Подобно отмеченным структурам, партийно-политические «кланы» в Израиле являются институционализированной формой отношений политического клиентелизма. Их участники, как правило, тесно сплочены системой непосредственно-личностных (дружеских, родственных, этнических, земляческих) или превращенно-личностных (деловых, профессиональных, имущественных, административных и т.д.) взаимоотношений. Отношения членов политического «клана» с его лидером (как правило, политиком или бюрократом высокого ранга) строятся на принципах персональной лояльности последнему и взаимном обмена услугами. Лидер вправе рассчитывать на максимальное задействование его клиентами имеющихся у них связей и возможностей для укрепления положения патрона во властных структурах.

Как заметил бывший спикер парламента Реувен Ривлин, «если раньше [в Кнессет] приходили служить народу, то теперь лишь ублажают собственные амбиции ..., в Кнессете, увы, больше нет таких ярких личностей, как Давид Либаи и Амнон Рубинштейн. Они ушли, потому что не готовы были к обязательным походам на свадьбы и бар-мицвы детей членов ЦК (иначе – не поддержат на праймериз!)»⁴⁰.

Патрон, в свою очередь, обеспечивает своим сторонникам возможности карьерного продвижения (политические, административные и профессиональные назначения, например, в муниципалитетах, советах директоров госкомпаний, профсоюзных комитетах, судах по трудовым искам, религиозных советах и пр.). В его обязанности также входит обеспечить доступ к источникам материальных и социальных привилегий – от минимальных (типа анекдотических просьб членов Центра к министру обороны сократить сыну срок резервистской службы, министру здравоохранения – предоставить дипломированную медсестру в помощь недавно родившей дочери, министру

Vladimir (Ze'ev) Khanin. Political Clans and Political Conflicts in Contemporary Kyrgyzstan // Ro'i Y. (ed.) *Democracy and Pluralism in the Muslim Eurasia*. – London: Frank Cass, 2003, p. 215–232. См. также: Klarita Gërkhani, Arthur Schram. Albanian Political-Economics // LIKOS Discussion Paper 9200. – Amsterdam: Centre for Transition Economics, 2003; Kathleen A. Collins. The Political Role of Clans and Conflict in Central Asia // *Comparative Politics*. January 2003.

⁴⁰ Куда исчезают ветераны Кнессета? // *Гаарец*, 23.10.2005 (на иврите).

транспорта – помочь получить лицензию на такси) до вполне внушительных благ. Среди последних обычно доминируют деньги, официальные поездки за рубеж, гарантированные кредиты, лицензии, государственные контракты, участие в приватизации прибыльных госпредприятий и т.п., равно как и гарантии личной (юридической и политической) безопасности.

Главным аспектом этой деятельности была и остается раздача политических назначений. Так, по данным журналистских расследований, самую разветвленную систему политических назначений создали в свое время премьер-министр Ариэль Шарон и его сын Омри.

Как пишет «The Marker», если парламентская активность Омри Шарона приближалась к нулю, то «в СМИ, государственных компаниях, просто в тель-авивских кафе имя Омри Шарона обладало немалым весом. Оно обозначало политические комбинации, теплые места, назначения на высокие должности. Омри заключал подковерные сделки, он звонил куда нужно, одного продвигал, другого задвигал, и каждый понимал, что если не ублажить царевича Омри, то синекура отойдет к другому. У власти Омри был один-единственный источник – его отец, премьер-министр Израиля. Все его влияние заключалось в том, что в нужный момент Шарон-младший мог встретиться с Шароном-старшим и внушить нужные идеи»⁴¹.

Согласно журналистскому расследованию 10 канала израильского телевидения, большая часть этих назначений преследовала цель обеспечить поддержку отцу на ключевых голосованиях в ЦК Ликуда и в Кнессете. Например, когда в августе 2004 г. должно было состояться голосование в ЦК с целью утвердить согласие Ликуда на присоединение лейбористов к правящей коалиции, Омри Шарон организовал поддержку ряда членов Центра, соответствующим образом «вознаградив» их за услуги. Так, согласно упомянутой передаче, влиятельный «электоральный посредник» Шломо Бен-Амра был назначен директором госкампании, глава отделения Ликуда в Кфар-Сабе Рахамим Эден – членом совета директоров крупного правительственного агентства, а другой активист Ликуда, Овед Йехизкель получил должность регионального директора службы индустриального развития в министерстве торговли и промыш-

⁴¹ Гай Рольник. Сын отечества отправляется на нары // *The Marker*, 17.02.2006 (на иврите), перевод cursorinfo.co.il.

ленности⁴². По данным прессы, "перед судьбоносным голосованием в Центре Омри Шарон усиливал давление на членов Центра. Сотни активистов ловили момент и обращались к нему с бесчисленными просьбами. Перед проведением последней конференции Ликуда с участием Ариэля Шарона (голосование о проведении досрочных праймериз) верные помощники переговаривали почти со всеми тремя тысячами членов Центра и всем им обещали помощь"⁴³.

Массовые политические назначения активистов Центра Ликуда Омри организовал и через Министерство промышленности, торговли и труда, которое тогда возглавлял первый заместитель премьер-министра и «официальный наследник» А.Шарона (впоследствии премьер-министр и глава партии Кадима) Эхуд Ольмерт, который управлял тогда целой империей влиятельных организаций. Стремясь укрепить свои позиции в партии, он использовал Центр инвестиций, Управление малых бизнесов, Службу по трудоустройству, Отдел по выдаче разрешений на найм иностранных рабочих, Управление теле- и радиовещания, телефонную компанию «Безек» и другие подведомственные ему организации для продвижения интересов членов Центра партии⁴⁴.

По данным «*Едиот Ахронот*», другим каналом этой деятельности стало перешедшее в Министерство главы правительства управление религиозными учебными заведениями, предоставление религиозных услуг населению и контроль за деятельностью религиозных советов. В силу этого министерство получило возможность бесконтрольно заниматься перераспределением средств и назначать удобных членов Центра Ликуда в религиозные советы. Например, «поставщика голосов для Нетаньяху, Ицхака Койфмана, Омри Шарон переманил к себе, дав ему сытый и благополучный религиозный совет». Член Центра Ликуда из Бней-Брака Амрам Бенизри стал исполняющим обязанности председателя религиозного совета в Кирьят-Ате с «соответствующей его статусу зарплатой и оплатой расходов на содержание автомобиля». Шломо Йехезкель, отец

⁴² Израильское ТВ: 10-й канал, 5 марта 2006 г. См. также: Mazal Mualem. Omri Sharon cronyism expose shocks Kadima officials // *Haaretz*, 6.03.2006.

⁴³ *Седьмой канал*, 6 марта 2006 г. (<http://sedmoykanal.org/news.php3?id=100271>).

⁴⁴ Ольмерт и его люди помогали функционерам Ликуда // *NRG-Ma'ariv*, 1/03/2007 (на иврите).

Ави Йехезкеля, помощника премьер-министра по делам поселений, получил синекуру в виде исполняющего обязанности председателя религиозного совета в Лахише. 5 членов Центра Ликуда были введены в безр-шевский религиозный совет, а еще 2 члена Центра получили религиозный совет в Акко. Как отметил член Центра Ликуда, знакомый с этим явлением, «Шарону нужны люди на местах, а религиозные советы дают прекрасную возможность контроля над ситуацией»⁴⁵.

Чувствовал ли Омри Шарон, спрашивает политиков корреспондент «Едиот Ахронот», что не к лицу человеку в его положении заниматься такими делами? «Это немного неуместный вопрос, потому что, оглядываясь назад, это выглядит некрасиво. Но так было принято, и мы так и делали. Спросите меня сегодня, я отвечу вам очень четко: «Это возмутительно, это недопустимо, это коррупция, и все такое. Но чем он отличается от Лимор Ливнат, Дани Бенлулу или Моше Кахалона? Все они поступали точно так же. Каждый из них старался подружиться с наибольшим числом чиновников, чтобы заручиться поддержкой еще пары членов Центра. Все эти члены Центра сновали между канцеляриями министров и депутатов и передавали свои просьбы. Помните, как они роились в Кнессете? Ну, так что, что им что-то делали? Тот, кто пытается выставить себя здесь незапятнанным, просто лицемер»⁴⁶.

И действительно, Глава секретариата Ликуда Цахи Ханегби в бытность министром экологии стал объектом судебного разбирательства за массовую раздачу синекур своим приближенным из Центра партии. В отчете государственного контролера за 2005 г. утверждалось, что министр сельского хозяйства Израэль Кац также превратил министерство в место массового трудоустройства для своих союзников из членов Центра партии Ликуд и их родственников. По версии полиции, советник Каца отвечал за прием на работу в министерство нескольких десятков человек, связанных с министром и партией. В отчете сообщалось, что многие временные работники службы надзора сельского хозяйства также являлись политическими назначениями, связанными с министром Кацем и Ликудом⁴⁷.

⁴⁵ *Едиот Ахронот* (Приложение «7 дней»), 23.11.2005 (на иврите).

⁴⁶ Цит. по: *Едиот Ахронот-ynet*, 6.03.2006 (на иврите).

⁴⁷ Цит. по: *Едиот Ахронот*, 12.12.2005.

В июне 2006 г. внимание общественности привлек отчет Госконтролера Мики Линденштрауса, в котором он подверг жесткой критике политические назначения в МИДе, где процветала практика назначения влиятельных «людей со связями» на ответственные позиции в аппарате министерства и на должности послов в ключевые страны. По данным отчета, «многие годы назначения проводились без учета принятых стандартов, непрозрачно для общественности и в нарушение принципов корректного управления...»⁴⁸.

Комментируя эти данные, депутат Кнессета Моше Гафни заметил: «Человек, получающий чисто политическое назначение, обязательно присоединится к лагерю своего патрона»⁴⁹. Упомянутый лидер хайфской группы Ицхак Регев также считает, что «если на бар-мицу сына или на свадьбу дочери приходит министр финансов или министр иностранных дел, это повышает твой статус в обществе, в глазах семьи, друзей и сослуживцев. Но это не единственная причина. Каждому хочется быть избранным в Кнессет, стать мэром или депутатом местного совета, возглавить какую-нибудь государственную компанию». На протяжении тридцати лет заседавший в Центре и возглавлявший близкую по структуре территориальную группу в Раанане, ныне покойный Узи Коэн, бывший зам. мэра, а затем ставший мэром этого города, также не сомневался, что «желание партийных активистов на местах войти в ЦК проистекает прежде всего из надежды получить влияние на принятие решений в государственно-социальной сфере»⁵⁰.

Ядром этой сложной комбинации формальных и неформальных структур власти в свое время стал вышеупомянутый «ближний круг» премьер-министра в 2001–2005 гг. Ариэля Шарона, известный как «Форум Шикмим». В состав группы, членами которой были политтехнологи Эяль Арад, Реувен Адлер, Лиор Хорев и Кальман Гаер, а координаторами, по имеющимся данным, – личный советник Шарона адвокат Д. Вайсглас и сын А. Шарона Омри, вошли тщательно отобранные влиятельные (или ставшие влиятельными вследствие принадлежности к этой группе) представители политической, военной, профессио-

⁴⁸ Цит по: Aluf Benn. Comptroller: Old boys' network rules foreign service, *Haaretz* (English edition), 27.06.2006.

⁴⁹ Цит по: "7-й канал", <http://www.sedmoykanal.org/news.php3?id=94817>

⁵⁰ Цит. по: *Гаарец*, 10.10.2005 [на иврите].

нальной, административной, медиа и деловой элиты страны, сплоченные вокруг лидера отношениями персональной лояльности и взаимным обменом услугами.

«Форум Шикмим» окончательно сформировался в ходе подготовки и реализации плана «одностороннего отделения», подменив собой в процессе принятия стратегических решений целый ряд официальных структур. В каком-то смысле «ближний круг» стал вершиной зарождающихся властных структур нового типа, лишь частично совпадающих с традиционными персональными лагерями, идеологическими фракциями и группами интересов в партиях, квази-государственных органах (Гистадруте, Сохнуте, Земельном фонде и т.д.) и институтах исполнительной власти.

Однако полностью замкнуть на структуры своей персональной власти все сети влияния и контроля над процессом выработки и принятия административных, политических и социально-экономических решений, и интегрировать их в партийные институты Ликуда Шарону (равно как и ранее Бараку в рамках блока Единый Израиль) так и не удалось⁵¹.

В дальнейшем А.Шарон попробовал объединить «плавающие голоса» обоих «умеренных» лагерей – и своих «шаронистов», и «баракистов» (претензии на лидерство которыми после временного ухода из политики Эхуда Барака в 2001 г. заявил его бывший «патрон» Шимон Перес) под «зонтиком» новой «партии власти» – Кадимы, созданной в ноябре 2005 г., которая и должна была предоставить формальные рамки замкнутым на лидера и его «клан» патронажно-клиентельным сетям неформального влияния и власти. Однако после ухода с политической сцены Шарона и фактического провала, по сравнению с ожиданиями ее формативного этапа, Кадимы (которая формально все же стала правящей партией) на выборах 2006 г., «Форум Шикмим» был распущен, а наследник Шарона Эхуд Ольмерт приступил к формированию собственного политического «двора».

Большая часть выдвиженцев Шарона в течение 10–12 месяцев после тех выборов ушла с занимаемых ими постов в формальной или неформальной системе власти. Некоторые

⁵¹ Владимир (Зезв) Ханин. Партии и неформальные структуры власти современного Израиля. – М.: *Институт Ближнего Востока*, 5.10.2007. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/05-10-07b.htm>

из них это сделали тихо, получив синекуры в государственном и коммерческом секторах (например, Дов Вайсглас стал гендиректором национальной телекоммуникационной компании «Безек», Ури Шани – гендиректором крупнейшего строительного концерна «Шикун у-бинуй» в империи ведущего израильского «олигарха» Шери Арисон). Другие – среди них начальник Генштаба Дан Халуц и ряд других генералов, бывший президент страны (и в каком-то смысле тоже выдвиженец Шарона) Моше Кацав, начальник налогового управления Джекки Маца и генеральный инспектор полиции Моше Каради – были вынуждены уходить со скандалом. С досрочной отставкой с поста премьер-министра официального «наследника» А. Шарона Эхуда Ольмерта «эпоха фермы» в израильской политике была в основном закончена.

Очевидно, что большая часть этих людей вынуждена была оставить свои посты не столько из-за интриг политических противников (хотя и это имело место), сколько потому, что они провалились профессионально, причем не потому, что у них не было соответствующей квалификации. Главная проблема, вероятно, заключается в том, что политическая миссия, которая на этих политиков и управленцев была возложена продвигавшими их на эти посты патронами, оказалась в серьезном противоречии с ценностной системой израильской модели либеральной демократии вообще и политическими институтами, которыми они были поставлены руководить, в частности. Отсюда неизбежно следовали содержательные диспропорции, в свою очередь являющиеся, по логике жанра, питательной средой для коррупции, которая израильскими законодательной и судебной системами, а также общественным мейнстримом все же воспринимается как явление, однозначно неприемлемое в общественной жизни.

Позитив всей этой ситуации состоял, на наш взгляд, в том, что противоречия в израильских структурах власти вышли на поверхность и зафиксировались в общественном сознании в качестве первоочередных проблем, что в свою очередь открыло возможности для их адекватного решения. И действительно, в последующие годы и на законодательном, и на организационно-политическом уровне было сделано совсем немало для создания максимально благоприятных условий для того, чтобы консенсусный общественный интерес во всех случаях преобладал над корпоративными проектами различных фракций израильских элит.

Возвращение Биньямина Нетаньяху

На внутрипартийном ликудовском поле усилия по преодолению наследия «эпохи фермы» были связаны с деятельностью вернувшегося в конце 2005 года к власти в партии Биньямина Нетаньяху, который парадоксальным образом сумел извлечь некоторый позитив из тяжелого поражения, которое после раскола Ликуда и ухода из него Шарона и его сторонников эта партия понесла на выборах 2006 года. В частности, в этой ситуации его оппонентам было крайне сложно сопротивляться шагам ставшего главой оппозиции Нетаньяху по перегруппировке политических сил внутри и вокруг Ликуда, проводимым под лозунгом очевидной и для его союзников, и для конкурентов необходимости «поднять партию из руин». Что, в свою очередь, было критическим условием способности Ликуда вернуть себе не только бывших избирателей из числа умеренно-правых «шаронистов», но получить максимальное число голосов в других сегментах всего «широкого центра» израильского политического спектра. Где, как уже отмечалось, и сосредоточены от половины до двух третей избирателей, которые отличаются умеренными взглядами на основные проблемы внутриполитического противостояния (арабо-израильский конфликт, светско-религиозные противоречия и социально-экономическая проблематика).

Понятно, что наряду со способностью использовать благоприятную для умеренно правого лагеря общеполитическую ситуацию, сложившуюся в ходе и особенно к концу премьерства Эхуда Ольмерта, немалую роль в реализации главной цели Биньямина Нетаньяху (вернуть Ликуду власть, а себе кресло израильского премьер-министра, которое он уже занимал в 1996–1999 гг.) должна была сыграть эффективно работающая партийная машина. С этой целью Нетаньяху инициировал в рамках политики «наведения порядка и оптимизации инфраструктуры партии» серию реформ институтов Ликуда, очевидной целью которых было «перемешать» политическую мозаику на уровне неформальных структур власти.

В частности, переход к формированию избирательного списка в Кнессет голосованием всех членов партии имел явной целью переподчинить лидеру или, как минимум, ослабить ве-

дущие внутривнутрипартийные неформальные группировки. Методы, которые использовал Нетаньяху, при всей немалой харизме и авторитете в партии существенно отличались от методов жесткого подавления конкурентов и доктрины «take it or leave it», которая была присуща механизму персонального лидерства Ариэля Шарона. В большинстве случаев Нетаньяху предпочитал схему «конкурентного сотрудничества» и поиска общего знаменателя для присутствующих в партии идеологических платформ, политических интересов и личных амбиций соискателей тех или иных властно-управленческих функций.

В духе этой политики, как только разговоры о новых досрочных выборах в октябре 2008 г. перешли в практическую плоскость, глава Ликуда стал активно привлекать в партию заметные фигуры, которые являются или могли бы стать «знаковыми» для умеренно-центристского лагеря, а заодно и укрепить позиции внутривнутрипартийной группировки самого Нетаньяху. Среди них были бывший заместитель начальника Генштаба ЦАХАЛа Узи Даян, который присоединился к Ликуду во главе своей левоцентристской партии Тафнит (ее платформа включала «изменение социальных приоритетов» и борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти); известный «умеренный либерал», бывший министр юстиции от Ликуда Дан Меридор, бывшая пресс-секретарь ЦАХАЛа Мири Регев, бывший Генеральный инспектор полиции Асаф Хейфец, известный своей близостью к левоцентристским кругам, и другие деятели такого же рода. В этом же ряду находилась и политика «возвращения домой» некоторых из нужных Нетаньяху «ликудовских звезд», ранее ушедших с Шароном в Кадиму, таких, например, как Цахи Ханегби. Среди прочего эта тенденция должна была символизировать идею того, что бывшим «ликудникам-шаронистам» после того, как «полевевшего» Эхуда Ольмерта у руля Кадимы сменила еще более «левая» Ципи Ливни, нечего делать в партии, руководство которой, по их пониманию, имеет шанс превратиться в «группировку левонастроенной элиты», равно как и естественное движение «по домам» людей, «командированных» в свое время в Кадиму ликудовскими «кланами» для того, чтобы иметь «запасную политическую опцию», а также влиять на ситуацию в правящей партии.

Впрочем, Нетаньяху должен был учитывать и позицию правого фланга Ликуда, весьма критично относящегося к «неэквивалентным уступкам» Израиля арабской стороне в рамках

«ближневосточного политического процесса», как и в целом к «левой» по происхождению концепции «мир в обмен на территории» (которой Биби де-факто вынужден был следовать в период своего первого премьерства в 1996–1999 гг.). Именно поэтому он поспешил «сбалансировать» список Ликуда такими «звездами» правого лагеря, как бывший начальник Генштаба ЦАХАЛа Моше (Буги) Яалон, внук основателя ревизионистского движения Владимира (Зезва) Жаботинского Зезв Жаботинский-младший и сын легендарного основателя Ликуда Менахема Бегина, «эталон» политической этики и кумир «идеологических правых» Бени Бегин. Последние два наряду с Даном Меридором также символизировали «примерение» Нетаньяху с «ликудовскими принцами» — детьми отцов-основателей Херут, с которыми у нынешнего лидера партии имеется долгая история отношений соперничества и личной неприязни.

Все эти политические приобретения, большинство из которых позднее получили посты во втором правительстве Биньямина Нетаньяху, тогда несомненно придали дополнительную динамику продолжавшемуся к тому времени уже более двух лет росту электорального рейтинга Ликуда, которому опросы прочили в среднем 33 мандата в будущем Кнессете.

При этом на внутрипартийном поле успех реформаторской деятельности Нетаньяху был ограничен: в ряде случаев «прорваться» к рядовым активистам через плотные ряды местных и региональных «манипуляторов» ему оказалось крайне непросто. И именно этим объясняется провал на праймериз накануне следующих выборов в Кнессет 2009 года ряда «фаворитов» Биби, которых он лично пригласил в список и обеспечил им поддержку своего лагеря (хотя в некоторых случаях они «административными методами» все же получили реальные места в списке).

Другим вызовом организационно-политической доктрине Нетаньяху, исходившей не столько из необходимости «революционного слома» механизмов неформального политического регулирования, сколько их введения в легитимные контролируемые рамки и очищения от коррупционных перекосов, стал глава правой ликудовской фракции Еврейское руководство Моше Фейглин. Начиная с 2002 года Фейглин выставлял свою кандидатуру на пост главы Ликуда на всех внутрипартийных выборах, причем его поддержка постоянно росла: с примерно 3% в 2002 г. до около четверти в 2007 г.

Понятно, что в «феномене Фейглина» старая партийная гвардия (и Нетаньяху здесь не стал исключением) видела раздражающую их опасность смены «правил игры», согласно которым успехи и неудачи партийных политиков есть во многом результат деятельности выстроенных годами и контролируемых влиятельными «кланами» сетей взаимной поддержки и обмена услугами. «Еврейское руководство», которое практически не имело доступа к этим ресурсам, сумело обеспечить электоральный успех своего лидера почти на голом идеологическом энтузиазме. И потому превратилось в фактор, с которым было совершенно непонятно, что делать, даже если он, укрепляя позиции партии на правом фланге, отнюдь не ослаблял, вопреки опасениям, ее влияние среди умеренного избирателя. Так, несмотря на бурную риторику ведущих израильских СМИ, массово публиковавших «интерактивные опросы» и «оценки авторитетных экспертов», однозначно предвещавших немедленное падение (на 5, а то и 6 мандатов) рейтинга Ликуда в случае, если на реальных местах в его списке будут Моше Фейглин и другие правые активисты, на практике вначале ничего подобного не произошло. Судя по профессиональным опросам, опубликованным в следующие дни после ликудовских праймериз, «фактор Фейглина» практически не сказался на позициях Ликуда: сводные данные опросов четырех социологических агентств, опубликованных тремя ведущими газетами («Едиот Ахронот», «Гаарец» и «Маарив») и радиостанцией «Решет Бет», показали, что Ликуд по-прежнему котируется на уровне все тех же 33 (от 31 до 36) мандатов и бесспорно побеждает на следующих выборах.

Несмотря на это, Биби не удержался от искушения включить и «административный ресурс», дав «зеленый свет» потоку судебных апелляций своих сторонников. В итоге Фейглин вылетел с 20-го, реального места в списке, полученного им по итогам внутрипартийных праймериз накануне выборов 2009 года, на 36-е, оказавшееся совершенно нереальным. Это, не слишком усилив левый фланг партии, в свою очередь привело к некоторой инфляции имиджа Ликуда среди правонастроенных избирателей и возможной потере 2–3 потенциальных мандатов⁵².

⁵² Yossi Verter. Despite Netanyahu's fears, latest poll shows Likud gaining strength // Haaretz, 11.12.2008.

Как бы там ни было, по итогам выборов в Кнессет 18-го созыва фракция Ликуда увеличилась с 12 до 27 мандатов, что и позволило его лидеру Биньямину Нетаньяху сменить кресло лидера оппозиции на офис главы правительства. Но уже в тот момент многим было понятно, что эта захватывающая политическая драма далека от завершения, и процесс перегруппировки внутрипартийных сил, смены элит, «нормализации» примкнувших, подобно Еврейскому руководству, к движению фракций и трансформаций официальных и неформальных структур власти в Ликуде только начинается.

Глава 3.

КАДИМА: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «ПАРТИИ ЦЕНТРА»

Как отмечалось, история партии Кадима [Вперед] началась ранней осенью 2005 года, когда тогдашний премьер-министр Израиля Ариэль Шарон покинул со своими сторонниками правящую партию Ликуд, чтобы образовать новую центристскую партию. Драматические события ночи с 4 на 5 января 2006 г. (срочная госпитализация Ариэля Шарона) прервали политическую карьеру – как представляется многим, на самом ее пике – этого, без сомнения, одного из самых незаурядных политиков конца XX – начала XXI века. Уход А. Шарона из власти не только смешал уже почти сложившийся предвыборный расклад в самом Израиле, но и перепутал сложные политико-дипломатические конструкции вокруг него, а также поставил большой знак вопроса на перспективах его партийно-политического детища.

«Партия центра» или «партия власти»?

Уже в момент создания Кадимы было понятно, что Шарон в отличие от своих «центристских» предшественников не собирался балансировать на границе левого и правого лагеря, но планировал построить новую «президентскую» (точнее «премьерскую») «партию власти» в центре политического спектра страны. Предпринятая Шароном попытка создания такой партии является очевидным продолжением традиции, которая так же, как и двупартийность или «партийный полиморфизм», имеет прецеденты в израильской истории. Первой «партией власти», как отмечалось, была непосредственная предшественница Аводы – Рабочая партия Израиля (МАПАЙ), которая очевидно доминировала в первые десятилетия израильской независимости. Новую, хотя и по ряду причин неудачную попытку создания «партии власти» предпринял Эхуд Барак на базе избирательного блока Партия труда/Единый Израиль, во главе которого он

переиграл лидера Ликуда Биньямина Нетаньяху на прямых выборах премьер-министра в 1999 году.

Какое-то время казалось, что такой «партией власти» под руководством Шарона станет Ликуд. Однако проводимая Шароном «программа размежевания» сделала такую трансформацию невозможной. Она буквально «взорвала» Ликуд изнутри, превратив правое крыло партии в непримиримую оппозицию Шарону, который в борьбе с «повстанцами» вынужден был опереться на все менее управляемый партаппарат.

Оптимальным, как в тот момент казалось премьер-министру и членам его описанного выше «ближнего круга» из «Форума Шикмим», выходом из ситуации стало конструирование новой «партии власти» за пределами Ликуда. Смысл этого шага был все тот же: попытаться построить партию, которая стала бы механизмом трансформации общественной популярности и политической харизмы Шарона непосредственно в его личный властно-управленческий ресурс. Причем механизмом более удобным, чем Ликуд или любая другая «историческая партия» с их оформленными группами интересов, давления и власти, сложившимися за многие годы правилами игры и другими составляющими системы «сдержек и противовесов». Соответственно, она изначально мыслилась не столько как партия «идеологического центра», сколько как «партия власти», нацеленная не только на традиционную нишу центристских проектов, но и на максимально большие сегменты умеренных флангов правого и левого лагерей политического спектра страны. В сумме речь, таким образом, идет о самом большом сегменте (от половины до более двух третей) израильских избирателей, которые отличаются умеренными взглядами на основные проблемы внутривнутриполитического противостояния и политический вес которых соответствует 65–80 из имеющихся в Кнессете 120 мандатов. То есть, в принципе, они поддерживают разные варианты территориального и/или политического компромисса с разными силами в арабском мире, сохранение светско-религиозного статус-кво внутри страны и идеи смешанной экономики («либеральный социализм» или «рыночная экономика с человеческим лицом») и классового сотрудничества.

Идеологической базой для такого движения должна была стать идея одностороннего фиксирования оптимальных (в понимании сторонников А. Шарона) границ Израиля, которая была явной альтернативой и принципу территориального компромисса

с арабами «левых» («мир в обмен на территории»), и официально принятому у «правых» принципу геополитического статус-кво («мир в обмен на мир»). Иными словами, в отличие от партий «одной специфической идеи», каковыми и является большинство израильских «партий центра», чаще всего старательно «обходящих» тему арабо-израильского конфликта, «партия шаронистов» изначально позиционировала себя как имеющая вполне сформулированную оригинальную программу по наиболее животрепещущему для израильского общества вопросу и именно потому претендующая на общенациональное лидерство.

Парадоксальным образом концепция Шарона, которая выглядела как воплощение самых сокровенных мечтаний левого лагеря, одновременно была и своеобразным продолжением идеи основателя ревизионистского (правоконсервативного) течения в сионизме Владимира (Зезва) Жаботинского. Последний, как известно, также утверждал принципиальную невозможность договориться с арабскими лидерами о чем бы то ни было и предлагал поставить их перед «железной стеной фактов» (эту последнюю заповедь Шарон, возведя «забор безопасности», выполнил чуть ли не буквально).

Кадиму, пожалуй, более чем любую другую партию, можно назвать лидерской: она строилась исключительно «под Шарона». Именно лидер в соответствии с Уставом партии пользовался исключительным правом распределять места в предвыборном списке, сообразуясь с их весом и возможностями тех или иных функционеров и активистов. В итоге в составе руководства и парламентского списка партии оказались четыре группы политиков. Во-первых, пришедшие с Шароном из Ликуда министры Э. Ольмерт, Ц. Ливни, Ш. Мофаз и Ц. Ханегби. Во-вторых, главный партнер Шарона по «правительству размежевания» и многолетний лидер Партии труда Ш. Перес, который перешел из этой партии в Кадиму вместе с бывшими министрами Д. Ицик и Х. Рамоном (последний считается автором идеи Кадимы, которой он смог заинтересовать премьер-министра). В-третьих, мобилизованные Шароном «звезды» различной величины (такие, например, как бывший глава ШАБАКа Ави Дихтер, бывший «идеолог» Шиную профессор Уриэль Райхман и т.д.). Наконец, авторитетные «электоральные посредники» — лидеры и активисты, призванные мобилизовать голоса избирателей из различных социальных, секторальных и общинных групп.

Так, покинувшие ради Кадимы «русские» движения Марина Солодкина и Михаил Нудельман, а также другие заметные в общине фигуры (Шамалова-Беркович, З. Элькин и др.), по замыслу, должны были обеспечить поддержку новой партии со стороны выходцев из СССР/СНГ. Крайне важные для успеха любой партии на выборах муниципальные ресурсы должен был контролировать вступивший в партию Кадима председатель Форума региональных советов Шмуэль Рифман. Бывший председатель регионального совета Шаар а-Негев и глава кибуцного движения партии Авода Шай Хермеш должен был привлечь к Кадиме голоса традиционно голосующих за Аводу или МЕРЕЦ жителей кибуцев и мошавов и т.д. В списке Кадимы не оказалось израильских арабов и бедуинов, но их голоса, как надеялись политтехнологи Кадимы, могли, соответственно, принести примкнувшие к Шарону популярный в своем секторе глава местного совета Кафр-Касема Сами Исса и руководитель «штаба нацменьшинств» Кадимы Маджид Ваххаби.

Все эти фигуры были тщательно отобраны приближенными Шарона и распределены по местам в предвыборном списке партии, сообразуясь с их весом и возможностями. По замыслу «Форума Шикмим», эти лидеры и их связи должны были переключить на Кадиму голоса умеренно центристских фракций Аводы и Ликуда. А также обеспечить «плавающие» собственно центристские мандаты, которые, по закону жанра, в тот момент покидали отбывшую свои две каденции (и развалившуюся на куски перед выборами 2006 г.) очередную «партию центра» — антиклерикально-рыночный Шинуй. И наконец, помимо «идеологических» голосов среднего класса, подтянуть и «социально ориентированных» избирателей секторальных партий. То есть часть из тех «сефардов», «русских», арабов и ультра-религиозных ашкеназских евреев, которые обычно предпочитали «голосовать за своих», но пока Шарон был в «игре», готовы были взвесить возможность на этот раз поддержать его Кадиму.

Особый интерес в этом смысле для Кадимы представляли традиционные избиратели Ликуда и ШАС: сефарды-традиционалисты из малообеспеченных кварталов и периферийных городов развития, которые обычно делят свои симпатии между Ликудом (где есть мощное «социальное лобби») и ультраортодоксально-социальной партией ШАС. (С целью привлечения голосов малообеспеченных групп населения незадолго до своего первого инсульта Ариэль Шарон в срочном порядке поручил

подготовить «чрезвычайную программу борьбы с бедностью», на финансирование которой они предполагали выделить около 3 млрд. долларов).

Таким образом, «партия шаронистов» Кадима, как и другие проекты такого рода в Израиле и иных западных странах, стала строиться как крупное, обращающееся к предельно широким кругам израильского общества, идеологически аморфное, но вертикально структурированное движение. Лидер такого движения по определению становится его «идеологией», консенсусным символом и его главным организационным компонентом, который вместе с группой своих ближайших «соратников» замыкает всю развернутую систему формальных связей и неформальных политических сетей.

«Шаронисты» без Шарона

Именно такую функцию и выполнял Ариэль Шарон, на которого, если верить тогдашним опросам, до трети израильских избирателей на исходе 2005 года были готовы без особых рассуждений положиться и в дальнейшем. Это тем более удивительно, что основные параметры изначального шароновского «плана размежевания» — односторонность шагов, физическое отделение от арабских массивов и жесткое фиксирование максимальной глубины израильского отступления — к тому моменту оказались практически выхолощены. Не говоря уже о том, что позиция партии по другим военно-политическим, равно как и социально-экономическим вопросам была сформулирована весьма невнятно.

Потому первоначально взмыв в опросах, Кадима стала быстро сдавать обороты тут же после ухода с политической арены ее основателя — Ариэля Шарона. Шарон ушел с политической арены неожиданно для всех, так и не успев обнародовать детали своих дальнейших планов. Впрочем, как отмечали обозреватели, не факт, что они были известны ему самому. Шарон был известен как мастер «решать проблемы по мере их поступления», не оставляя при этом у наблюдателей сомнения в том, что он следует продуманной и выверенной стратегической линии. Понятно, что эта плотно завязанная лично на лидера партийная структура стала давать трещины через считанные часы после того, как его соратникам стало понятно, что политическая карьера Шарона завершилась.

При всем значении, которое Шарон придавал конструированию новой партийной реальности в Израиле, он, тем не менее, фактически превратил предвыборную кампанию в противостояние не партий, а лидеров: главе Партии труда Амиру Перецу и Ликуда Биньямину Нетаньяху он, как замечают обозреватели, противопоставлял не столько Кадиму, сколько самого себя. Вынужденный уход Шарона трансформировал эту ситуацию в противостояние между Кадимой, Ликудом и Аводой. Шлейф харизмы и сочувствие к «сгоревшему на работе» премьер-министру какое-то время удерживали созданную им партию в первых рядах предвыборной кампании. Так, партия продолжала использовать лозунг «Кадима, Шарон!», принятый еще до госпитализации Ариэля Шарона, а глава фракции Кадимы в Кнессете Рони Бар-Он на состоявшемся 16 января 2006 г. первом со дня госпитализации Ариэля Шарона заседании фракции заявил, что «Кадима безусловно является детищем Шарона, который создал ее с характерным для него умом, мощью, смелостью и твердостью». Э. Ольмерт, представляя программу партии 26 января 2006 года, изо всех сил пытался произвести впечатление «Шарона сегодня». Стремление убедить в этом общественность заставляла лидеров партии предпринимать нетривиальные шаги. Последние варьировались от внесенного депутатом Кнесета Мариной Солодкиной предложения изменить название партии на «Кадима – партия Шарона», до вызывающих разве что грустную улыбку идей включить лежащего в коме премьер-министра первым номером в избирательный список партии, либо объявить его «Почетным председателем» Кадимы.

Таким образом, вопрос – сможет ли Кадима удержать заданную Шароном динамику и уже без него продолжить восхождение к власти или же вернет своим соперникам их традиционных избирателей – оставался совсем не праздным. Список «Кадима во главе с Шароном», если бы выборы состоялись в конце декабря 2005 г., мог получить 40–43 мандата, причем лишь 12–15 из этих потенциальных мандатов являлись бы ее «законной центристской добычей». Остальные составляли «привлеченные голоса»: примерно 40% (15–16 мандатов) из потенциала Ликуда, 30% (5–6 мандатов) Аводы и 3–5 мандатов этнических партий.

Отток потенциальных избирателей от Кадимы начался сразу же после драматического ухода Шарона с политической арены и продолжился после выборов 2006 года, которые Кадима

хотя и выиграла по заданной лидером инерции «по очкам» и смогла сформировать правительство, но получив только 29, то есть менее четверти мандатов в Кнессете, становилась меньшинством в любой коалиции. Правый фланг электората Кадимы составили избиратели, поддержавшие в 2001 г. на прямых выборах премьера лично А. Шарона, а в 2003 г. – возглавляемый им Ликуд. Соответственно, расколов партию в октябре 2005 г., Шарон забрал эти 15–17 мандатов, которые он в свое время собрал из разных центристских и секторальных движений, с собой в Кадиму. Партии, как отмечалось, также удалось «обвалить» левоцентристский Шинуй, «освоив» большую часть его электорального наследства (в прошлом – тех же «мапайников», которые уже две-три каденции по разным причинам не голосовали за «свою» партию Авода. Что же касается следующего поколения «аводинцев», то хотя немало традиционных умеренных левых избирателей этой партии из числа ашкеназского среднего класса также покинули ее вслед за Шимоном Пересом, до «партии шаронистов» они в массе своей тогда не дошли, предпочтя остаться в рамках левого лагеря, поддержав ставшую сюрпризом тех выборов партию пенсионеров Гиль.

Этих ресурсов оказалось недостаточно для того, чтобы структурировать Кадиму в качестве задуманной Шароном новой «партии власти». Можно назвать, как минимум, 4 базовые причины, по которым «пост-шаронистскому истеблишменту» так и не удалось этого сделать.

Во-первых, Кадима стала «жертвой» спровоцированного ею самой структурного политического кризиса, вследствие попыток стоящих за ней «неоцентристских элит» решительно перекроить политическую систему страны, что привело к заметной разбалансировке устоявшихся в Израиле норм взаимоотношений правящей коалиции, оппозиции и гражданского общества⁵³. Уход с политической арены Шарона привел к постепенному демонтажу системы личной власти и влияния, которую последовательно выстраивал Ариэль Шарон с помощью своего «ближнего круга» (т. н. «Форум Шикмим»), который, как отмечалось, подменил собой в процессе принятия стратегических решений целый ряд официальных структур. С описанным в пре-

⁵³ Подробнее см.: Владимир (Зеев) Ханин. Израиль: состояние и перспективы развития гражданского общества. – М.: Ин-т Ближнего Востока, 2.10.2007.

дыдущей главе демонтажом этой структуры в первые месяцы после выборов 2006 года и уходом ее ключевых членов с занимаемых ими постов в формальной или неформальной системе власти надстройка Кадимы осталась без релевантного фундамента. Тем более, что вся эта система неформального регулирования властных процессов оказалась мало легитимной в глазах не только правой оппозиции, но и традиционных группировок политических элит «Первого Израиля», ранее готовых мириться с существованием этой конструкции «ради высокой цели прекращения оккупации территорий».

Во-вторых, с уходом Шарона назрел лидерский кризис: хотя главные претенденты на руководство в партии – Перес, Ливни и Мофаз не раз заявляли о готовности сплотиться вокруг «официального наследника» премьер-министра – Эхуда Ольмерта, занимавшего в правительстве А. Шарона пост его первого заместителя, было очевидно, что никто из них не был готов надолго оставить свои лидерские амбиции, что, в конечном итоге, могло привести к организационной и политической фрагментации партии.

Эта перспектива немедленно реализовалась, как только выяснилось, что немногим более полугода спустя после выборов в Кнессет 17-го созыва деятельностью Ольмерта на посту премьера и лидера Кадимы недовольны более половины тех, кто проголосовал за него в марте 2006 г. Так, согласно регулярным опросам, которые проводит компания «Диалог» под руководством проф. Камиля Фукса по заказу газеты «Гаарец», действиями Ольмерта довольны лишь 20–22% населения, в то время как 68–70% опрошенных однозначно требовали его отставки⁵⁴.

Сильный удар по авторитету Ольмерта нанесло его столкновение с госконтролером Михаэлем Линденштраусом, которому глава правительства попытался помешать представить Кнессету отчет о провалах правительства в обеспечении безопасности тыла во время Второй ливанской войны⁵⁵, а также публикация отчета комиссии под председательством Элияху Винограда, созданной для расследования причин и результатов ливанской

⁵⁴ *Гаарец*, 21.09.2006 и 3.11.2006 [на иврите].

⁵⁵ Версию Госконтролера в этом конфликте, по данным опроса, заказанного интернет-изданием Ynet, поддержали 58% опрошенных израильтян. См.: 58 percent of public don't believe Olmert, poll says // *Ynet*, 07.03.2007.

кампании. Этот отчет содержал жесткую критику политического руководства страны⁵⁶.

О настроениях общественности можно было судить хотя бы по комментариям в израильских СМИ накануне публикации отчета комиссии Элиягу Винограда, согласно которым любые его выводы (как жесткая критика просчетов в военно-организационном и дипломатическом обеспечении кампании, так и комплиментарные для правительства) будут использованы оппозицией против Ольмерта. В первом случае глава правительства и ключевые министры будут обвинены в профессиональном и служебном несоответствии, а во втором – в назначении «карманной комиссии», призванной «спустить дело на тормозах». Именно такое мнение о целях комиссии по расследованию обстоятельств войны в Ливане высказали участники митинга протеста, собравшиеся вскоре после ее назначения возле дома Эхуда Ольмерта. Показательно, что среди демонстрантов были представители как правого, так и левого политических лагерей, резервисты ЦАХАЛа, родители погибших солдат, молодежь из организаций Хашомер ха-цаир и Бней-Акива, раввины и поселенцы. Выступившие на митинге деятели призывали к формированию независимой государственной комиссии, а также к немедленной отставке главы правительства Ольмерта, министра обороны Переца и начальника генерального штаба ЦАХАЛа Халуца⁵⁷.

И все это происходило на фоне растущего недовольства граждан структурами власти вообще. Помимо общественного разочарования невнятными итогами Второй ливанской войны, примирительной позицией военно-политического руководства по отношению к криминально-террористическому анклаву ХАМАСа в Газе, израильтяне были раздражены многочисленными коррупционными скандалами, в которые оказались вовлечены глава партии Эхуд Ольмерт и ряд его ближайших сподвижников. Так, опрос, проведенный агентством «Диалог» в начале ноября 2006 г., показал, что жители страны весьма обеспокоены уровнем коррупции властных структур (73% называли этот уровень «высоким» или «очень высоким»), причем именно Эхуда Ольмерта граждане называли «самым коррумпированным политиком в стране»⁵⁸.

⁵⁶ Herb Keinin. Winograd report may attack officials // *Jerusalem Post*, 8.03.2007.

⁵⁷ См.: Moshe Arens. They have to go // *Haaretz*, 7.11.2006.

⁵⁸ *Едиот Ахронот*, 7.11.2006 [на иврите].

В итоге личный рейтинг премьер-министра снизился с почти 70% в момент его вступления в должность до чуть более 40% после окончания Второй ливанской войны и до беспрецедентных в израильской истории 3% в конце февраля и начале марта 2007 г. Согласно опросу, проведенному по заказу 10-го телеканала, 72% израильтян считают, что Ольмерт утратил право руководить страной, причем 44% из них пришли к такому выводу после войны в Ливане, а 45% – после коррупционных скандалов, в которых оказался замешан премьер-министр⁵⁹.

Вместе с Ольмертом круто пошел вниз и рейтинг его партии, которая, судя по данным опросов, проведенных в начале 2007 года, пользовалась поддержкой не более 40% своих прежних избирателей, что соответствовало 9–12 мандатам – по сравнению с 29 полученными на выборах в марте 2006 г.⁶⁰ Причем главные потери Кадима несли за счет «лагеря шаронистов» – избирателей, которые поддерживали в 2001 г. на прямых выборах премьера лично А. Шарона, а в 2003 г. – возглавляемый им Ликуд, и большинство которых, расколов партию в октябре 2005 г., Шарон забрал с собой в Кадиму. Более того, по данным израильской прессы, за избирателями мог уйти и ряд членов парламентской фракции Кадимы, поскольку шансы большинства из них пройти в следующий Кнессет на платформе этой партии становились невелики. И тут призыв «вернуть домой блудных детей Ликуда», с которым выступил глава этой партии и тогдашний лидер оппозиции Биньямин (Биби) Нетаньяху, прозвучал более чем кстати⁶¹. По его заявлению, несколько депутатов Кадимы, сигналом для которых стал уход из партии племянника главы правительства Яира Ольмерта и переход в Ликуд брата министра иностранных дел Эли Ливни, также стали проверять возможность своего возвращения в Ликуд⁶².

⁵⁹ Опрос кампании "Галь Шахад" был представлен в эфире 10-го канала ТВ Израиля 7 марта 2007 г.

⁶⁰ См., например, опрос, проведенный в начале января 2007 г. по заказу радиостанции "Коль Исраэль" (Цит. по: newsru.co.il, 04.01.07), и опрос центра социологических исследований "Диалог" по заказу газеты «Гаарец» (Yossi Verter. "Haaretz" poll: Olmert's Kadima sinks to 12 seats, Likud up to 29 // *Haaretz*, 11.01.2007).

⁶¹ Mazal Mualem, Gideon Alon. Likud defectors in talks over return // *Haaretz*, 8.03.2007.

⁶² Ensher Pfeffer. Analysis: Bibi's strategy based on his need for speed // *Jerusalem Post*, 8.03.2007.

Не случайно в руководстве Кадимы появилось требование немедленно сменить ее дискредитированного руководителя на более привлекательную фигуру и тем самым поправить пошатнувшийся имидж партии. Из 4–5 претендентов на эту роль лидировали тогдашние министр иностранных дел Ципи Ливни и министр транспорта (в прошлом – министр обороны в правительстве Шарона) Шауль Мофаз, активно структурировавшие в тот момент собственные внутрипартийные группы влияния, условно идентифицируемые с «левой» и «правой» фракциями в партии. Именно Ливни (работой которой, по данным того же опроса компании «Диалог», был доволен 51% респондентов против 33% недовольных, и которая, по мнению инициаторов смены власти в Кадиме, была способна «спасти партию от раскола и тотального поражения на будущих выборах»⁶³) считалась наиболее опасным конкурентом Эхуда Ольмерта.

В-третьих, даже такая безразмерно большая центристская партия, сделавшая заявку на роль «партии власти», как Кадима, не смогла избежать проблемы, заложенной в сам «генетический код» центристских партий – противоречий между активистами и избирателями, пришедшими из разных политических лагерей и секторальных групп и нашедшими свой временный «общий знаменатель» под флагом одного лидера или одной идеи. С известной долей условности можно сказать, что в Кадиме под одной крышей оказались активисты и избиратели двух структурировавшихся в 1999 г., но уже реально исчезнувших партий. Одна – это недавние сторонники левоцентристского «антиклерикально-рыночного» Шинуя, в массе своей бывшие «мапайники», которые, несмотря на все усилия лидеров Аводы, так и не вернулись в «материнскую партию», хотя в 2001 г. на последних в истории страны прямых выборах премьер-министра в основном голосовали за ее тогдашнего главу Эхуда Барака. Другая «партия» внутри Кадимы – это бывшие избиратели и активисты Партии центра, которые, поддержав на выборах 2001 г. Ариэля Шарона, вернулись по его призыву в Ликуд, а затем вместе со многими другими «ликудниками-шаронистами» последовали за ним в Кадиму.

Как и следовало ожидать, в течение всей каденции нахождения партии у власти опросы не раз фиксировали практически равный раскол среди ее избирателей и членов по большинству

⁶³ *News First Class*, 9.10.2006 [на иврите].

критических сюжетов внешней и внутренней политики, обнажая существующее и постепенно растущее расхождение между ее «левым» и «правым» флангами, с которыми со временем стали ассоциироваться, соответственно, Ципи Ливни и Шауль Мофаз. (Мофаз стал центром притяжения части «умеренных шаронистов», а Ливни – бывших «шинуйников» и бывших «аводинцев», перешедших в свое время в Кадиму вслед за Шимоном Пересом, который был намерен закончить карьеру «почетной отставкой» на посту президента Израиля, что вскоре и случилось. При этом шансы на лидерство остальных «беженцев» из Партии труда – Хаима Рамона, Амира Переца и Далии Ицик были крайне невысоки).

И самое главное: политические итоги масштабного конфликта с ливанской шиитской радикальной организацией «Хизбалла» на севере были неутешительны, в покинутом Израилем в «одностороннем порядке» секторе Газы власть захватили радикальные исламисты, превратившие его в плацдарм для непрекращающихся обстрелов израильского юга. Все эти события сделали нерелевантными шароновскую идею «одностороннего размежевания», равно как и ее продолжение – ольмертовский план «свертывания» (предполагавший ликвидацию еврейских поселений на Западном берегу р. Иордан). А это уже лишало партию ее идейной базы и обесмысливало ее претензии на власть.

От «новой МАПАЙ» к «новой Аводе»

В условиях опасного для лидеров Кадимы идеологического вакуума, у них не было иной возможности, кроме как вернуться к традиционным для израильской политики концепциям. То есть либо позаимствовать у левого лагеря идею «двух государств для двух народов», либо сдвинуться вправо, согласившись с подходом лидера Ликуда Биньямина Нетаньяху о необходимости сохранения на территории между рекой Иордан и Средиземным морем существующего геостратегического статус-кво. Выбор, на причинах которого мы подробно останавливались ранее⁶⁴, был явно сделан в пользу «левой» опции. Уже

⁶⁴ См.: Владимир (Зеэв) Ханин. Зачем Ольмерту Саудовская инициатива? – М.: Ин-т Ближнего Востока, 9.04.2007.

в начале 2007 г. премьер-министр Эхуд Ольмерт, глава МИД Ципи Ливни и другие лидеры правящей Кадимы сделали ряд заявлений и практических шагов, свидетельствующих о принципиальной готовности «постшаронистского истеблишмента» принять концепцию «два государства для двух народов», причем в варианте, более актуальной идеи «Женевской инициативы»⁶⁵, являющейся официальной платформой леворадикальной партии МЕРЕЦ и «новых левых» в Партии труда⁶⁶.

Очевидно, что очень многие из избирателей-«шаронистов» (т.е. тех, которые поддержали в 2001 г. на прямых выборах премьера лично А. Шарона, а в 2003 г. – возглавляемый им Ликуд), давших себя увлечь радужными перспективами «одностороннего размежевания» и внявших призыву Шарона оставить Ликуд и другие умеренно правые партии ради Кадимы, поддержать подобный сдвиг ее лидеров были не слишком готовы. Соответственно, уже в том же 2007 г. началась тенденция массового возвращения этого электората «домой», в правоцентристскую часть политического спектра, в первую очередь в Ликуд, а также ШАС и НДИ⁶⁷. Эта тенденция резко усилилась после того, как в духе этой «новой партийной платформы» возглавляющие правительство Израиля лидеры Кадимы пошли в январе 2008 года на подписание Анаполисской декларации, которая требовала от Израиля скорейшего достижения политического урегулирования с палестинскими арабами на основе его серьезных уступок в вопросах границ, статуса Иерусалима и проблемы палестинских беженцев⁶⁸.

⁶⁵ "Женевская инициатива", выдвинутая в 2002 г. тогдашним лидером партии МЕРЕЦ (а перед этим – бывшим лидером левого крыла Аводы) Йосси Бейлиным совместно с палестинским политиком Ясиром Абд-Рабо, предполагает переговоры "без предварительных условий" с любым палестинским руководством на основе идеи "двух государств для двух народов", почти полного ухода Израиля к "границам 1948 года", согласия с идеей возвращения "палестинских беженцев" внутрь "зеленой черты" и раздела Иерусалима.

⁶⁶ Владимир (Зеэв) Ханин. Иран в обмен на мир: израильский взгляд на арабские интересы в свете Саудовской мирной инициативы. – М.: *Институт Ближнего Востока*, 10.04.2007 г.

⁶⁷ Yossi Verter. Haaretz poll: Olmert's Kadima sinks to 12 seats, Likud up to 29 // *Haaretz*, 11.01.2007.

⁶⁸ Подробнее см.: Владимир (Зеэв) Ханин. Визит Дж. Буша в Израиль: некоторые внутривнутриполитические итоги и перспективы. – М.: *Институт Ближнего Востока*, январь 2008.

В итоге, опросы общественного мнения, проведенные на протяжении 2007 и первой половины 2008 г. стабильно фиксировали одну и ту же ситуацию: Кадима продолжала контролировать от трети до двух пятых голосов тех, кто поддержал ее на выборах в прошлый Кнессет, что примерно соответствовало 9–12 мандатам. Несложный анализ показывает, что основную массу сохраняющих верность Кадиме избирателей составляли бывшие «мапайники» из электорального наследства партии Шинуй – представители ашкеназского среднего класса из благополучных кварталов городов и коллективных поселков центра страны.

Иными словами, было понятно, что Кадима так и не смогла стать «новой МАПАЙ» – «партией власти», почти безраздельно доминирующей в центре политического спектра, и что ее первая каденция в качестве правящей партии имеет все шансы стать последней. По данным опубликованного радиостанцией «Решет Бет» в конце ноября 2009 года опроса, только треть избирателей, отдавших за Кадиму свои голоса в марте 2006 г., продолжали поддерживать эту партию (причем большинство из них – это голоса, которые пришли в Кадиму «слева»). Было понятно, что Кадима в лучшем случае могла продолжить свою карьеру в качестве «нового Шинуй» – очередной «партии центра», занимающей узкий промежуток между левоцентристской Аводой и правоцентристским Ликудом. Разумеется, только в том случае, если партия вообще не развалится и не исчезнет с политической арены, учитывая опыт «партий центра» прошлого, реально претендовавших на власть только на одну или две каденции. Понятно, что подобный сценарий явно не устраивал стремительно левеющих израильских «неоцентристов», и на каком-то этапе у их руководителей возникла иная идея: стать не «новой партией центра», а главной политической силой левого лагеря, вытеснив из этой ниши лидеров «аводинцев».

Первоначально казалось, что этот дерзкий проект имеет мало шансов на реализацию. За первые полтора года своей истории Кадима успела сильно разочаровать тех представителей властных элит «Первого Израиля» (в среде которых, собственно, и родилась реализованная Шароном и Пересом идея новой «партии власти»), которые поставили свои экономические и политические интересы на кон продолжения «ближневосточного политического процесса». Когда в июне 2007 года

«духовный отец» Кадимы — президент Междисциплинарного академического центра в Герцелии (интеллектуального центра и кузницы нового поколения израильских левых элит) Уриэль Райхман заявил, что «ради блага страны и собственной партии премьер-министр Эхуд Ольмерт должен подать в отставку»⁶⁹, стало понятно, что левый истеблишмент принял решение о бесперспективности данного проекта. В качестве альтернативы было решено раскручивать новый политический «бренд» — «нового-старого лидера» Аводы Эхуда Барака. Многочисленные обзоры, которые стали публиковать СМИ, ссылаясь на проведенные после победы Барака на внутренних выборах в партии Авода опросы, «однозначно убеждали» публику в том, что если бы выборы в Кнессет проводились в тот момент, то Партия труда поднялась бы с тогдашних 19 до 25–30 мандатов и тем самым могла стать «реальной альтернативой» «правым» и Ликуду.

Однако уже очень скоро выяснилось, что Барак играет в явном отрыве от этого сценария. Получив в «пакете» с лидерством в Аводе также и пост министра обороны, он сосредоточился на реорганизации ЦАХАЛа после Второй ливанской войны (и сделал это, как показали итоги операции «Литой свинец» в Газе, надо признать, блестяще). Что же касается обещанного им «политического товара» (прорыв в переговорах на «сирийском треке»; предоставление правительству рычагов «управлять кризисом» в Газе без необходимости рано или поздно вернуться к «управлению сектором», а также удержание «умеренного центра» в сфере влияния левых элит), то его он поставить оказался абсолютно не в состоянии. В итоге уже в конце 2007 г. рейтинг Эхуда Барака как потенциального главы правительства стал снижаться (согласно опросам, с примерно 30% весной 2007 г. до 20–23% осенью того же года, с продолжением этой негативной тенденции и в следующем 2008 г.). Причем его потенциальные голоса, как можно было заметить, уходили не к главному сопернику — Нетаньяху, а на «свободный электоральный рынок»⁷⁰.

В этих условиях немалая часть все еще чрезвычайно политически влиятельных, несмотря на очевидную эрозию инициированного ими «процесса Осло», экономически и культурно

⁶⁹ Цит. по: Маарив, 28.06.2007.

⁷⁰ Подробнее см. Владимир (Зеэв) Ханин. Израиль: политическое лидерство в зеркале общественного мнения. ИБВ, 8.10.2007.

доминирующих левых фракций израильского истеблишмента постепенно стали приходить к мысли, что Кадима может быть и не вполне отработанный ресурс, особенно если заменить «погрязшего в коррупционных скандалах» и «неоправдавшего доверия народа» Ольмерта на «свежее политическое лицо» главы МИД – «социально ответственную» и «морально устойчивую» Ципи Ливни. Именно она примерно с лета 2008 г. стала фигурировать в левых СМИ как «умеренный лидер», единственно способный «остановить правого ястреба» Биньямина Нетаньяху, рейтинг которого как лидера оппозиции, равно как и рейтинг его партии Ликуд, на протяжении почти всего электорального межсезонья демонстрировал стабильную позитивную динамику. Тогда как за время нахождения у власти стремительно ползевшая правящая Кадима столь же последовательно теряла потенциальных избирателей. (Так, по данным опубликованного радиостанцией «Решет Бет» в конце ноября 2008 г. опроса, более четверти электората Кадимы 2006 г. были готовы вернуться в Ликуд, еще почти 20% прежнего электората Кадимы заняли выжидательную позицию, а еще какую-то часть этих голосов вполне могли получить две другие право-центристские партии – НДИ А. Либермана и партия сефардов-традиционалистов ШАС)⁷¹.

Понятно, что левонастроенные правящие элиты «Первого Израиля», которые крайне болезненно восприняли эту тенденцию, тем охотнее сделали ставку на Ципи Ливни, которая обещала продолжить «ближневосточный мирный политический процесс», полтора десятилетия назад инициированный этим лагерем с целью возвращения утерянной в 1977 г. монополии власти в стране. В конечном итоге, отчаянно и не без успеха боровшегося за свое политическое выживание на протяжении последних лет своей каденции Эхуда Ольмерта убедили подать в отставку с поста лидера Кадимы и главы правительства, запустив тем самым механизм праймериз в правящей партии, новый виток коалиционных переговоров, а с их вполне ожидаемым провалом – и новых досрочных выборов в Кнессет.

Помимо вице-премьера и главы МИД Ливни, претензии на наследство выдвинули еще три кандидата: министр транспорта Шауль Мофаз, глава МВД Меир Шитрит и министр внутренней безопасности Ави Дихтер. В то время как два последних почти никем не принимались всерьез с самого начала,

⁷¹ Радиостанция "Решет Бет", 22 ноября 2008.

исход соперничества Ливни и Мофаза был непредсказуем. Регулярно проводимые опросы членов Кадимы то давали неоспоримое (в 10, 15, а то и 20 процентных пунктов) преимущество Ливни, то показывали, что Мофаз сокращает этот разрыв до минимума.

В помощь Ципи Ливни была привлечена команда высококвалифицированных политтехнологов «Форума Шикмим» ближнего властного круга Ариэля Шарона, во главе с Эялем Арадом, которая получила в свое распоряжение почти безлимитный финансовый и административный ресурс. Сделавшие ставку на Ливни соответствующие круги израильского левого истеблишмента (который, собственно, и составляет ядро так называемого «Первого Израиля») привлекли СМИ и другие средства воздействия, чтобы представить Ливни в качестве «бесспорного блага» для партии и Израиля в целом в противовес «правому» Мофазу (который имел более основательную поддержку среди «Второго Израиля» – потомков евреев-выходцев из стран Востока, в массе своей населяющих города периферии и этнических меньшинств).

Вложение было вполне удачным. Команда Арада выиграла для Ливни праймериз в Кадиме, дав ей возможность обойти на один процент на завершающем этапе кампании уверенно лидировавшего по всем предварительным опросам Шауля Мофаза (сделав тем самым невозможным формирование правоцентристской коалиции с участием Кадимы и правых партий уже в действующем Кнессете и без досрочных выборов).

Этот же сценарий политтехнологи Кадимы были намерены реализовать и на общенациональных выборах, старт которым был дан после неудачной попытки новоизбранного лидера Кадимы Ципи Ливни в октябре 2008 года убедить ультраортодоксальных лидеров партии сефардов-традиционалистов ШАС присоединиться к формируемой ею новой коалиции. (Ливни тогда объяснила случившееся «своей непреклонной позицией не уступать вымогательству религиозных ортодоксов», а люди из ее окружения тут же обвинили во всем лидера Ликуда Биньямина Нетаньяху, который якобы убедил вождей ШАС сорвать коалиционные переговоры, обещая им после выборов весомые портфели в своем будущем правительстве и удовлетворение их «самых далеко идущих» бюджетных требований. Заметим, что далеко не все аналитики были готовы принять эту объявленную лидером Кадимы версию).

Как бы то ни было, за абсолютно нереалистичную цель – победу всех левых – соратники Эяля Арада, что называется, не брались. Их единственной целью было, как и на праймериз, обеспечить хотя бы минимальный перевес в числе поданных голосов Кадимы над Ликудом, что в условиях фактической «персональности» выборов (ибо на выборах в Кнессет партии предлагали избирателям не столько свои платформы и списки, сколько своих вождей) давало бы Ливни формальное право объявить о своей победе.

Для достижения этой цели у политтехнологов «Форума Шикмим» было только три опции. Во-первых, вернуть ушедшие «вправо» голоса «центристов-шаронистов», сделав все возможное для того, чтобы убедить «умеренного избирателя» в том, что «Биби, если он станет премьер-министром, приведет к власти "ультраправых экстремистов", положит конец перспективам мирного урегулирования ближневосточной проблемы и поставит под угрозу экономическое и социальное благополучие в стране». Отражая настроения влиятельных левых кругов, ведущие израильские СМИ много недель перед праймериз в Ликуде в изобилии снабжали будущих избирателей расчетами и выкладками, что доминирующей группой в парламентском списке (и в правительстве Нетаньяху, если он-таки станет премьером) будут т. н. «повстанцы» – члены фракции Ликуда в 2003–2006 гг. (Реувен Ривлин, Юваль Штайниц, Юлий Эдельштейн, Михаэль Рацон, Эхуд Ятом, Аюб Кара и т.д., некоторые из которых не прошли в нынешний Кнессет из-за малого числа полученных Ликудом в 2006 г. мандатов), являвшиеся жесткими противниками шароновского плана спасения «идеологии Осло» методом «одностороннего размежевания с палестинскими арабами», в конечном итоге «вынудившие» Шарона уйти со своими сторонниками из Ликуда в Кадиму. Но пожалуй, главным объектом нападков политических противников Ликуда и его лидера, как и следовало ожидать, стал глава правой ликудовской фракции Еврейское руководство Моше Фейглин. В результате контролируемые этими элитами ведущие израильские СМИ, как только были опубликованы результаты выборов в Ликуде, принялись убеждать общественность, что именно такой ультраправый список Нетаньяху и получил.

На самом же деле избранный на праймериз список Ликуда, как было показано выше, оказался вполне сбалансированным между «центристами», «правыми» и «умеренно правыми». Таким образом, массированная кампания запугивания умеренно правого

избирателя «ультраправым Ликудом Нетаньяху-Фейглина» и перспективами «правительства безответственных ястребов Нетаньяху-Либермана» особого эффекта не произвела. Было похоже, что ликудовский список в своем тогдашнем составе – это именно то, что устраивало значительную часть умеренных израильских избирателей, «поправевших» на фоне обстрелов палестинскими террористами поселков Западного Негева и явного провала «мирного процесса».

Вторым ресурсом была примерно четверть до последнего момента не определившихся русскоязычных избирателей (эквивалентных примерно 3–5 из общего числа 20 «русских» мандатов). Их следовало либо приблизить к Кадиме, либо, по крайней мере, не дать «освоить» Ликуду, убедив на худой конец голосовать за партии, которые, теоретически, могут быть партнерами Ливни по коалиции, либо неперспективные списки, а самое лучшее – вообще не пойти на выборы. Успех этой деятельности был также, мягко говоря, не слишком велик, хотя какое-то количество «русских» голосов Кадима все же, видимо, получила.

Третьим моментом и главной возможностью было отобрать голоса у остальных левых партий, будируя идею сплочения сил левого лагеря вокруг Кадимы и Ливни, убеждая его членов, что только Кадима, которая «стремительно сокращает разрыв с Ликудом», имеет какой-то шанс остановить «ликудовских ястребов». И вот как раз эта задача была выполнена блестяще. Партия труда потеряла в пользу Кадимы около трети своих избирателей, снизив свой потенциал с 19 до 13 мандатов. Ультралевый МЕРЕЦ с 3 (против 5 в прошлом Кнессете) мандатами оказался на грани прохождения электорального барьера. Что касается партии «пенсионеров», имевших 7 мандатов после прошлых выборов, и предполагаемого «сюрприза» этих выборов – партии «зеленых», то они вообще не попали в Кнессет.

Иными словами, искомый результат – 28 мандатов против 27 у Ликуда (то есть как и на праймериз, на процент больше, чем у ближайшего противника) Ципи Ливни сумела получить за счет радикального перераспределения в пользу Кадимы голосов внутри левого лагеря. Голоса «умеренных шаронистов» и других правоцентристских избирателей, в сумме составляющие примерно 15 мандатов, в массе своей бывших «ликудников», Кадима вынуждена была «вернуть» умеренно правым партиям. Львиную долю этих мандатов (примерно 2/3) получил сам Ли-

куд, и около трети – «русская» по происхождению партия НДИ, которая позиционировала себя в качестве общенациональной умеренно правой партии. Потенциал НДИ в итоге вырос с 11 до 15 мандатов (На практике происходило более сложное перераспределение голосов между НДИ и Ликудом, которые на завершающих этапах кампании боролись за одну и ту же категорию «ивритоязычных» и «русских» голосов).

Таким образом, израильская политическая система, полностью преодолев последствия устроенного в 2005 году Ариэлем Шароном и Шимоном Пересом «большого взрыва», вернулась к состоянию относительного паритета между правым и левым лагерями политического спектра, по-разному относящимися к базовым для израильского общества проблемам внешней политики и безопасности, экономической политики и гражданским вопросам. Причем в каждом из этих лагерей доминирует одна партия: в правом – все тот же правоцентристский Ликуд, а в левом – «новая Авода», то есть Кадима.

Каждая из них получила менее четверти мандатов в Кнессете, что делало их при любом раскладе меньшинством в любой коалиции – будь то широкой или узкой. Это само по себе являлось залогом правительственной нестабильности. Хорошая новость состояла в том, что соперничество двух сопоставимых по силе партий и их блоков – абсолютно «естественное» состояние для политической системы страны, что вселяло надежды на будущее.

От «новой Аводы» к «партии центра»

Итак, сделав в момент своего создания заявку на роль партии «широкого центра», Кадима в период своего пребывания у власти в качестве правящей партии в 2006–2009 гг., сдвинулась «влево», постепенно вытеснив Аводу с функции главной партии левого лагеря. Именно в этом качестве Кадима, а не Партия труда, ответственная за, мягко говоря, неоднозначные итоги инициированного ее лидерами и практически исчерпавшего себя, по мнению многих израильтян, «процесса Осло», стала надеждой леволиберальных политических и выросших из государственно-профсоюзного сектора экономики корпоративно-деловых элит «Первого Израиля». А Ципи Ливни в их глазах приобрела статус «единственной реальной "голу-

биной" и социально-либеральной» альтернативы лидеру Ликуда – «внешнеполитическому ястребу» и «радикальному рыночнику» Биньямину Нетаньяху.

Как показали дальнейшие события, этот «политический кредит» Ливни отработать так и не смогла. Кадима, используя предоставленный ей почти безграничный информационно-пропагандистский и финансовый ресурс, сумела отобрать у Аводы, ультралевого МЕРЕЦа и иных партнеров-соперников по левому лагерю массу голосов и смогла на выборах 2009 г. обойти Ликуд на один мандат (28 против 27), став самой большой фракцией в Кнессете. Однако выполнить свою главную задачу – составить коалицию и сделаться премьер-министром (или войти в коалицию Нетаньяху со статусом «главного партнера с правом вето») к глубокому разочарованию теряющих власть «старых» элит «Первого (леволиберального) Израиля», политическим проектом которых, собственно, и была Кадима, Ципи Ливни так и не смогла – так же, как не смогла этого сделать до выборов 2009 года.

Кадима ушла в оппозицию, где она, созданная в качестве «партии власти» и более ни на что не пригодная, стала, как и предполагалось, демонстрировать тенденции к распаду на элементы, из которых она и была в свое время сконструирована. Судя по данным различных исследований, в течение 2009–2010 гг. произошел окончательный распад некогда сформировавшего правое крыло Кадимы «лагеря центристов-шаронистов». Инфляция этого лагеря началась задолго до выборов 2009 г., а после них последние «умеренные шаронисты» в массе своей стали либо возвращаться в Ликуд, либо переходить в две другие право-центристские партии – НДИ и ШАС.

В любом случае доля этих избирателей в электорате бывшей правящей партии была невелика (не более двух мандатов), и потому главной проблемой Кадимы в период ее пребывания во главе оппозиции, помимо углубляющегося раскола ее парламентской фракции, стал «обвал» ее центристского и левого флангов, потери которых к середине 2010 г. составили, согласно разным оценкам, от 8 до 10 мандатов. Причем этот процесс затронул не только проголосовавших за Кадиму в 2009 г. бывших избирателей левых партий, но и электоральное ядро Кадимы – бывших «мапайников», перешедших в нее в 2005–2006 гг. вслед за Шимоном Пересом из Партии труда, и особенно бывших избирателей левоцентристского Шинуя (что, как

отмечалось, и привело к исчезновению этой некогда популярной «антиклерикально-рыночной» партии с политической арены страны).

Переломить эту тенденцию за время нахождения на посту лидера главной оппозиционной партии Ливни так и не смогла. Практически полная исчерпанность двух проектов, рожденных в левой части политического спектра («процесса Осло» и программы «одностороннего размежевания»), привела к тому, что хотя Ципи Ливни не упускала случая, как и положено главе оппозиции, остро критиковать Нетаньяху и его кабинет за те или иные тактические ляпы, но по сути не предлагала никакой серьезной стратегической альтернативы. Например, представители оппозиции в резких тонах отметили «несвоевременность» совпавшего с визитом в Израиль вице-президента США объявления о возведении 1600 единиц жилья в иерусалимском квартале Рамат Шломо (часть ранее незаселенной территории западноиерусалимского района Рамот, которую мировые СМИ «ошибочно» поместили в Восточный Иерусалим), но, естественно, не подвергали сомнению право правительства строить в любом районе суверенной столицы Израиля.

Попытка парламентариев Кадимы включиться в новый виток дискуссии о взаимоотношениях светского и религиозного сообществ страны, привлечшей внимание общественности в начале 2010 года в связи с имевшими место акциями протеста ультраортодоксов в Иерусалиме и других городах со смешанным светско-религиозным населением, тоже имела ограниченный успех. Ни критика Кадимой «право-религиозной коалиции» и действующего премьера за его неспособность, как представлялось ее лидерам, противостоять «религиозному диктату», ни очередные напоминания Ливни о «ее непреклонной позиции не уступать требованиям религиозных ортодоксов» во время коалиционных переговоров осенью 2009 г. не смогли остановить отток как «привлеченного» (бывшие избиратели других партий левого лагеря, желавшие поддержать Ливни в ее борьбе за пост премьер-министра), так и «коренного» электората. Потому к началу 2012 года общие потери Кадимы, согласно опросам, составляли от почти трети до едва ли не половины полученных ею в 2009 г. 28 мандатов.

К тому же у Кадимы было и немало своих внутренних трудностей, ограничивающих ее способность создавать проблемы правящей коалиции. Во всей полноте это проявилось в ходе прошедших в партии 27 марта 2012 года внутренних вы-

боров (праймериз). «Действующие лица» были те же, что и в сентябре 2008 года: Ципи (Ципора) Ливни и «номер два» в партии Шауль Мофаз, занимавший в прошлом Кнессете должность председателя парламентской комиссии по иностранным делам и обороне. Мофаз, который, как отмечалось, с разрывом в один процент проиграл Ливни в сентябре 2008 года прошлые праймериз, на этот раз выиграл у нее с большим отрывом. По официальным данным, за Мофаза проголосовали 24780, или 61,89% принявших участие в выборах членов Кадимы, за Ливни – 14857 голосов, что составило 37,11% от общего числа избирателей.

Чем же можно объяснить подобный переворот?

Классическое (уходящее корнями в американскую политическую социологию) объяснение обычно сводится к тому, что избиратели, определяя фигуру лидера главной оппозиционной партии, исходят прежде всего из его потенциальной способности составить «привлекательную идеологическую и моральную альтернативу» действующему главе правительства и правящей коалиции. Действительно, несмотря на утверждения ряда обозревателей, что различия между идеологическими платформами Ливни и Мофаза нужно искать под микроскопом, такие различия все же есть, в первую очередь в критичных для израильского общества вопросах внешней политики и безопасности.

Так, комментаторы предлагали обратить внимание на разногласия между соискателями по вопросу военной составляющей иранской ядерной программы. Мофаз, как и действующий премьер-министр Израиля, Биньямин Нетаньяху, полагал, что при определенных обстоятельствах для решения проблемы Израилю придется прибегнуть к «силовым методам», Ливни считала необходимым дать приоритет экономическим санкциям и политико-дипломатическому давлению на режим аятолл. На «палестинском треке» Ливни все это время продвигала идею возобновления переговорного процесса с ПНА на платформе предложений, выдвинутых в 2008 ею после встречи в Аннаполисе вместе с тогдашним главой правительства Эхудом Ольмертом. Эти предложения учитывали идеи т.н. «Саудовской мирной инициативы», которые потом были четко акцентированы в «каирской речи» президента США Барака Обамы. («Саудовская инициатива по урегулированию арабо-израильского конфликта», напомним, предполагает «нормализацию отношений» Израиля со всеми арабскими странами в обмен на его отступление к «границам 1967 года», создание палестинского госу-

дарства и признание Израилем права на иммиграцию и/или финансовую компенсацию почти 5 миллионам лиц, которые претендуют на статус «палестинских беженцев»).

В свою очередь Мофаз весьма скептически относился к перспективам немедленного достижения окончательного урегулирования с палестинскими арабами, и в этом смысле его позиция мало отличалась от платформы других «центристских» политических групп. Прежде всего, от лагеря министра обороны Эхуда Барака в Партии труда, ставшего независимой фракцией Ацмаут после раскола Аводы в январе прошлого года, и левого фланга в правящем Ликуде. Иными словами, если члены Кадимы были действительно озабочены поиском «идеологической альтернативы» правящей коалиции, то им, вероятно, следовало бы остановить свой выбор на Циппи Ливни, чего отнюдь не случилось.

Не исключено, что немало партийцев посчитали, что, как показали события последних трех лет, на палестинской стороне у Израиля нет партнера для переговоров ни на «умеренной» платформе Мофаза, ни на базе «радикальных уступок», предлагаемых Ливни, в силу чего идеологическое противостояние этих политиков в нынешней ситуации носит скорее умозрительный характер.

Если дело не только и не столько в идеологии, то тогда правы те, кто предлагает ответ на поставленный вопрос, прежде всего в сфере управления организационными ресурсами.

Уже на праймериз 2008 года было видно, что сила Мофаза (благодаря которой он имел все шансы уже тогда одержать и, действительно, чуть было не одержал победу), заключалась в выстраивании эффективной системы персональных связей, в том числе с помощью контактов в ранее возглавляемых им ведомствах, создании сети «электоральных посредников», организованной записи новых членов, структурировании групп сторонников на местах и поддержки ряда влиятельных глав крупных городов страны. В свою очередь Ливни имела формальное преимущество среди масс неорганизованных партийцев, в основном бывших «шинуйников», электоральная активность которых сильно уступала таковой среди сторонников Шауля Мофаза. Потому ее главным ресурсом были политические технологии, обеспечивающие «правильное волеизъявление» неорганизованных партийных масс, почти абсолютная поддержка партаппарата Кадимы, мобилизо-

вавшего поддержку всех «заинтересованных инстанций» и эффективная работа в СМИ.

Учтя ошибки и преимущества друг друга, за прошедшие после прошлых праймериз 42 месяца и Ливни, и Мофаз сделали немало для формирования собственных сетей «электоральных посредников», которые записали в партию тысячи новых членов. Примерно тем же были заняты и поддерживающие этих политиков ведущие члены фракции Кадимы. И тот факт, что стратегия «работы на местах» бывшего министра обороны на этот раз оказалась эффективнее, чем сочетание пропагандистского ресурса и политических технологий, на которые традиционно делала ставку бывшая глава МИД, действительно объясняют многое, но далеко не все.

Важно заметить, что и в 2008, и в 2012 годах инфраструктура поддержки Мофаза базировалась на филиалах партии в периферийных городах развития, в массе своей населенных выходцами (как и сам уроженец Ирана Шауль Мофаз) из стран Азии и Африки и их потомками, а также среди членов партии из числа этнических меньшинств, особенно арабов, бедуинов и друзов, составляющих четверть членов партии. В то же время Ципи Ливни, рожденная в известной семье «поколения основателей» представительница восточноевропейских евреев-ашкеназов, имела основную поддержку в филиалах Кадимы в центральных городах Израиля.

Иными словами, конкуренция Ливни и Мофаза во многом стала отражением углубляющегося противостояния между вышеописанными базовыми этнополитическими блоками, из которых некогда «центристская» Кадима была создана в 2005–2006 г. Ариэлем Шароном и Шимоном Пересом. То есть между бывшими сторонниками умеренно левой «антиклерикально-рыночной» партии Шинуй, в прошлом, в массе своей избирателями и активистами МАПАЙ и ее наследницы Партии труда (Авода), составившими основу «левой фракции» Кадимы и одновременно – ее «твердое электоральное ядро», с одной стороны, и с другой – бывшими членами и приверженцами «умеренной» фракции Ликуда и идеологически близких к ним правоцентристских проектов. Если первая группа состояла в основном из представителей "Первого Израиля" (выходцы из ашкеназского среднего класса, проживавшие в благополучных кварталах городов и коллективных поселениях центра страны), вторая в массе своей со-

стояла из израильтян восточного ("сефардского") происхождения и представителей меньшинств.

Убедительная победа, которую Мофаз одержал на «сефардской периферии» и в арабоязычном секторе, не стала сюрпризом. Но он добился успеха и в некоторых крупных городах – например, в Иерусалиме и Ришон ле-Ционе, которые по определению являются «ашкеназской вотчиной» Ливни. То, что «естественные избиратели» последней просто не пришли голосовать, невозможно объяснить только тем фактом, что штаб «дня выборов» Мофаза сработал лучше, чем штаб Ливни. Так, в общем, было и в прошлый раз, что не помешало Ливни победить Мофаза «по очкам».

Провал Ливни на внутрипартийных выборах 2012 года стал внешним отражением «обвала» центристского и левого фланга ее партии в целом. Причем речь идет не только об оттоке проголосовавших за Кадиму в 2009 г. бывших избирателей левых партий, ныне в массе своей возвращающихся «по домам», но и об «инфляции» упомянутого «твердого ядра» Кадимы – бывших «мапайниках», перешедших в нее в 2005–2006 гг. вслед за Шимоном Пересом из Партии труда, и особенно бывших избирателях левоцентристского Шинуя.

В любом случае проигрыш Ливни еще не означал однозначного выигрыша ее соперника, ибо одного внутрипартийного поля для утверждения в статусе лидера национального уровня недостаточно. У Ш. Мофаза на пути к этому статусу было множество иных проблем. В ночь своего избрания лидером Кадимы Шауль Мофаз заявил, что именно возглавляемая им партия станет ведущей альтернативой правящему Ликуду, а себя он видит следующим премьер-министром Израиля. (Собственно, именно так и звучал его предвыборный лозунг: «Мофаз – премьер-министр, и точка!»).

Понятно, что в свете обстоятельств, в которых оказалась Кадима, это звучало не более, чем общая декларация. Ибо судя по данным различных опросов, если бы выборы проходили в тот момент, Кадима, вне зависимости от того, кто возглавляет ее список – Мофаз или Ливни, набрала бы не более 12–15 мандатов (вместо 28 по итогам выборов 2009 года).

После победы на праймериз в окружении Мофаза немедленно заявили, что все его усилия будут направлены на консолидацию сил внутри партии (именно в таком смысле сразу после объявления результатов выборов высказалась в эфире

Второго канала ИТВ одна из его приближенных, депутат Кнессета Рухама Авраам). Тем не менее «примирение» Ливни с Мофазом и согласие заменить его в статусе «номера два» в партийной иерархии, по мнению комментаторов, являлось маловероятным. И действительно, вскоре Ливни вышла из Кадимы, и уже в тот момент комментаторы утверждали, что следующим ее шагом станет вывод группы поддерживающих ее депутатов из Кадимы и формирование новой фракции в Кнессете и нового «левоцентристского» движения «на местах», — что и состоялось после объявления избирательной кампании в Кнессет 19-го созыва.

На этом история Кадимы в том виде, как ее задумал Ариэль Шарон, фактически завершилась, но его сформулированная концепция «партии центра как партии власти», как показали дальнейшие события, никоим образом не сошла с общенациональной повестки дня.

Глава 4.

ПАРТИЯ ТРУДА (АВОДА): БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ЛЕВОЙ ИДЕИ

Вопрос о простом политическом выживании Партии труда (Авода) в отличие от ее конкурентов по левому лагерю сегодня не стоит. Однако не менее острой для лидеров этой партии является другая проблема – обоснованность ее претензий на возвращение в близком или отдаленном будущем к руководству страной, а для этого – сохранение релевантности Аводы в глазах ее основного электората – ашкеназского среднего класса и в целом избирателей умеренной части политического спектра страны. Этот вопрос был далеко не праздным, ибо положение этой одной из старейших политических партий еврейского ишува в Эрец-Исраэль и Государства Израиль незадолго до выборов 2013 года было едва ли не самым тяжелым за всю ее более чем столетнюю историю.

Партия труда: краткий курс

Прямой «предок» Аводы – партия Поалей Цион («Рабочие Сиона») была основана на съезде социалистов-сионистов в Полтаве в 1906 году. Многочисленные реинкарнации этой партии сумели выдвинуться на лидирующие позиции в организованной еврейской общине Палестины/Эрец Исраэль в первой половине 20-го века, сыграв критическую роль в формировании политической системы еврейского государства. В итоге левоцентристская Партия труда вместе со своей непосредственной предшественницей МАПАЙ (Рабочая партия Страны Израиля) доминировала практически во всех системах власти в Израиле в первые десятилетия его истории.

Однако после электорального переворота 1977 года, приведшего к власти до того «вечно оппозиционный» правоцен-

тристский блок Ликуд, Авода, как уже отмечалось, стала стабильно терять свое парламентское представительство и политический вес в целом. Причем эрозии подверглись не только ранее широкие сферы влияния этой бывшей правящей партии среди этнообщинных групп (выходцы из стран Востока, новые репатрианты, израильские арабы и т.п.), большая часть которых постепенно перешла к поддержке «своих» секторальных партий, но и «твердое ядро» избирателей МАПАЙ/Аводы – представители причастного к власти умеренно-левого ашкеназского среднего класса. С течением времени эти избиратели (в массе своей т.н. «ахусалим» – давно живущие в стране светские ашкеназы-социалисты, являющиеся израильским аналогом американских WASP) все чаще демонстрировали желание поддерживать иные левые и левоцентристские проекты. Их симпатии прошли от ДАШ конца 70-х – начала 80-х гг., Третьего пути и Партии центра 90-х до Шинуйя и Кадимы в самом конце прошлого и в первом десятилетии нынешнего века.

На то было много причин, главными из которых, на наш взгляд, были две. Первая связана с постепенным усилением в израильской «смешанной экономике» де-монополизированного постиндустриального сектора (в первую очередь индустрии hi-tech) и снижением роли связанных с традиционным умеренно-социалистическим истеблишментом крупных квази-рыночных и «регулируемых коммерческих» структур. Еще более важным оказался кризис внешнеполитической платформы Партии труда, которая под влиянием идеологии «новых левых» в начале 90-х годов адаптировала ранее чуждую ей идею создания еще одного арабского государства к западу от реки Иордан и, возглавив в 1992 году правительство, пошла на подписание с палестинскими арабами «договоров Осло».

Идея палестино-израильского урегулирования путем перенесения концепции «территории в обмен на мир», ранее проповедуемой лидерами Аводы лишь в отношении «устойчивых прозападных арабских государств» (типа Египта и Иордании), на отношения с изначально террористической ООП Я. Арафата, как и предупреждали критики Норвежских соглашений, оказалась несостоятельной. Волна палестинского арабского террора, которая в общественном сознании стала прямым следствием непропорциональных, как казалось многим, израильских уступок в рамках этих соглашений, привела к резкому укреплению правого лагеря, которому теряющие влияние левые партии,

запутавшиеся в противоречиях инициированного ими «мирного процесса», уже мало что могли противопоставить.

В итоге Авода и ее конкуренты по левому блоку (типа леворадикального движения МЕРЕЦ) стали последовательно терять мандаты. А исторически связанные с Партией труда «старые» деловые, управленческие, академические, военные, информационные, «рабочие», поселенческие (кибуцы и мошавы) и прочие элиты «Первого Израиля» срочно озаботились поиском более перспективного варианта реализации своих политических интересов.

На выборах 2003 и 2006 гг. не менее половины старых «мапайников» и их потомков (которые, как отмечалось, в 1999–2001 гг. структурировались в рамках неформального «лагеря баракистов» – сторонников кандидатуры Эхуда Барака на пост премьер-министра) поддержали отнюдь не Аводу, а центристские и левоцентристские проекты. «Хитом» 2003 года в этой среде стала партия Шинуй, корни которой восходят к возникшему еще в 1974 г. внепарламентскому Движению за перемены (ДАШ). Шинуй в отличие от своих конкурентов по левому лагерю сумел удачно «замести под ковер» тему арабо-израильского конфликта, акцентируя внимание на проблемах ограниченных рыночных реформ и «защиты прав угнетенного среднего класса», круто приправленных пропагандой против «паразитирующих на экономике религиозных ультра-ортодоксов». Благодаря всему этому партия и получила на выборах 2003 года поддержку почти трети бывших избирателей Аводы, давших Шиную больше половины из его тогдашних 15 мандатов.

А на выборах в 2006 года многие «старые мапайники» поддержали новый перспективный, как им тогда казалось, политический проект «Первого Израиля» – партию Кадима, о которой речь уже шла выше. Именно эта быстро левеющая «партия центра» сумела привлечь бывших избирателей Шинуя и очередную «группу беженцев» из электората Аводы, покинувших ее вслед за проигравшим там праймериз многолетним лидером партии Шимоном Пересом, и со временем фактически заместила Партию труда в качестве главной силы левого лагеря. (Другие «мапайники», которые не желали более поддерживать Аводу, но у которых при этом «не поднялась рука» голосовать за порождение Ариэля Шарона – Кадиму, в 2006 году предпочли партию пенсионеров Гиль или не прошедшие электоральный барьер мелкие левоцентристские списки). В итоге на вы-

борах 2003 и 2006 гг. Авода получила по 19 мандатов – треть того числа (56), которое она имела на пике своей карьеры.

Именно поэтому стандартной целью лидеров Аводы, сменяющих друг друга у власти в партии после временного ухода из политики Э. Барака в 2001 году, было возвращение своих традиционных избирателей. А также попытка скомпенсировать электоральные потери за счет обращения к социально неблагополучным слоям «Второго Израиля» и к группам, которые по статистике занимают 3/4 той части жителей страны, официальные доходы которых находятся ниже черты бедности – пенсионерам-репатриантам из СССР/СНГ, израильским арабам и ашкеназам-ультраортодоксам.

Успехи этой линии, однако, были весьма ограничены, в том числе, из-за незатихающей внутренней борьбы в Аводе, которая унаследовала от своего прежнего статуса нормальный для «большой партии», но проблематичный для движения «средней руки» характер своего рода «политического супермаркета». Фактически Партия труда уже немало лет выглядит не столько как единое движение, сколько как конгломерат многочисленных политических фракций: персональных «кланов» партийных лидеров «старшей когорты», соискателей власти в партии из числа выходцев из связанных с нею военных, академических, информационных, профсоюзных и муниципальных кругов, и «третьего поколения номенклатуры МАПАЙ», а также структур и институтов оформленных секторальных, территориальных, профессиональных и этноконфессиональных интересов и прочих организованных и неорганизованных групп.

В дополнение к этому партия в свете, как минимум, неоднозначных итогов «мирного» (ныне именуемого «политическим») процесса оказалась расколота и на политико-идеологические лагеря. До последнего на момент написания этой книги раскола Аводы главными из этих течений были три. Первое – это т. н. «новые левые», которые настаивают на уходе Израиля «по этическим соображениям», вне зависимости от последствий этого шага для его безопасности и дипломатических активов, со всех территорий за «зеленой чертой» и, соответственно, ликвидации всех созданных там еврейских населенных пунктов, а также на переговорах «без предварительных условий» со всеми палестинскими арабскими фракциями, включая исламистов из террористического движения ХАМАС. «Новые левые», благодаря которым партия, как отмечалось,

в свое время пошла на соглашение в Осло, и сегодня продолжают руководствоваться идеями, близкими к «Женевской инициативе» бывшего лидера левого крыла Аводы, а затем – ультралевого блока МЕРЕЦ Йосси Бейлина.

На противоположном полюсе находился «центристский» лагерь бывшего начальника генштаба ЦАХАЛа Эхуда Барака, впервые возглавившего Партию труда в 1998–2001 гг. В сентябре 2000 года Барак сделал лидеру ООП Я. Арафату «беспрецедентно щедрые» уступки и предложения (отвергнутые последним как «недостаточные»), но затем вполне разделял скепсис лидеров других фракций умеренного, в том числе правого центра в плане возможностей (точнее, отсутствия таковых) достижения договоренностей с палестинскими арабами. (Хотя в отличие от своих правых оппонентов Барак использует для изложения этой идеи менее резкие выражения). Промежуточное место между этими течениями занимал «умеренно левый» лагерь, чья весьма размытая идеологическая платформа представляла собой довольно аморфное сочетание прежней идеологической доктрины «старой Аводы» с различными инициативами в духе «идей Осло».

Противоречия между всеми этими группами препятствовали выдвижению из элиты Аводы популярного лидера «левого консенсуса», который был бы в состоянии представить обществу «обновленное лицо» этой партии, равно как и наиболее адекватное для его «целевых групп» сочетание идеологических и социальных символов. На практике к рулю Аводы регулярно приходили лидеры, выдвижение которых было итогом часто случайного и временного и потому неустойчивого компромисса противоборствующих групп, что оставляло в руках этих лидеров не слишком много временных ресурсов для решения стратегических задач движения.

Эпоха Амира Переца

Одной из таких фигур был Амир Перец – уроженец Марокко, бывший мэр города Сдерот, в основном населенного выходцами из Северной Африки и другими представителями сефардов, а затем бывший президент Гистадрута (Всеизраильского профобъединения) – исторического домена классической Аводы. А также член форума «Кфар ха-Ярок» – группы из 8 видных

активистов партии «нового левого» направления, под влиянием которых тогдашние лидеры Аводы И. Рабин и Ш. Перес пошли на признание ООП и подписание с ней договоров в Осло. В 1999 году Перец с группой сторонников, недовольных неготовностью партийного истеблишмента активно противостоять идее либерализации госсектора, распродаже собственности Гистадрута и «департизации» его структур, вышел из Аводы и основал партию Ам эхад (Единый народ), костяк которой образовали влиятельные рабочие комитеты крупных государственных и профсоюзных компаний. Пять лет спустя по инициативе тогдашнего лидера Аводы Шимона Переса Ам Эхад снова воссоединился с «материнской партией», а Амир Перец переиграл своего патрона на внутрипартийных выборах 2005 года.

Под стать весьма колоритной фигуре нового лидера Партии труда была и выдвинутая им политическая платформа. Последняя была причудливой комбинацией популистских идей «социальной справедливости» и борьбы с бедностью и внешнеполитических лозунгов в стиле Осло и Женевы. Эта платформа, которая вновь оттолкнув немало традиционных умеренно левых избирателей партии из числа ашкеназского среднего класса, не смогла привлечь к Авуде заметное число новых голосов⁷². В частности, минимальный эффект принесла «социальная» пропаганда, основными адресатами которой стали традиционалистски настроенные жители городов развития и неблагополучных столичных кварталов, в массе своей сефардского, как и сам Амир Перец, происхождения, которые обычно делят свои симпатии между Ликудом и ШАС, а в 2006–2009 гг. – также между НДИ и Кадимой.

В итоге несмотря на то, что число мандатов, полученных Аводой во главе с Амиром Перцем на выборах в Кнессет 17-го созыва, было равно числу мандатов, полученных на предыдущих выборах, в атмосфере связанных с Перцем завышенных надежд на «электоральный прорыв» данный результат воспринимался как неудача партии и личный провал ее лидера.

Дальнейшие события лишь усложнили эту ситуацию. Приведя в 2006 году свою партию в качестве главного коалиционного партнера правящей Кадимы в правительство Эхуда Ольмерта (где сам Амир Перец занял пост министра обороны),

⁷² Подробнее об этих событиях см. Владимир (Зеэв) Ханин. *Вокруг "размежевания": общество и политика Израиля в 2005 году*. – М.: ИБВ, 2006.

лидер Аводы, не принеся ей особых политических дивидендов, сделал ее в глазах общественного мнения ответственной за все провалы и неудачи правящего кабинета. И в первую очередь – за невнятные итоги Второй ливанской войны и крах ольмертовского плана «свертывания», а с ним и всей шаронистской концепции «одностороннего отделения от палестинских арабов. Начавшее «тонуть» менее чем через год после своего формирования правительство Эхуда Ольмерта (кризис которого многие считали лишь частным случаем структурного кризиса политической системы) потащило за собой и лидера Аводы. Так, согласно регулярным замерам, которые проводила кампания «Диалог» по заказу газеты «Гаарец», действия Переца были довольны не более 14% населения при 79–82% недовольных⁷³.

Эти процессы шли на фоне постепенной потери левоцентристскими элитами «Первого Израиля» интереса к Кадиме и массового оттока избирателей этой партии – как бывших «ликудников», так и бывших «мапайников». Причем, как показывают опросы тех месяцев, если первые в основном либо возвращались в «свои» партии Ликуд и ШАС, либо склонялись к поддержке НДИ А. Либермана, то бывшие избиратели Партии труда и Шинуй уходили на свободный электоральный рынок. Именно поэтому лидеры лейбористов в тот момент делали максимум, чтобы убедить релевантные группы интересов в том, что именно Партия труда может привлечь этих избирателей, представив им харизматического лидера и наиболее адекватное сочетание привлекательных идеологических и социальных символов.

В результате, новый виток борьбы за власть в партии начался уже в конце 2006 – начале 2007 гг., причем, как показали события, тогдашний лидер Партии труда и министр обороны Амир Перец с самого начала принадлежал к группе аутсайдеров. Уже в начале внутрипартийной избирательной кампании выяснилось, что коалиция из бывших активистов «профсоюзной» партии Ам Эхад, части «твердого ядра» мапайников-ашкеназов и политиков «перецовского призыва» (Ами Аялон, Авишай Браверман, Шели Яхимович и т.д.), которая в свое время обеспечила избрание Амира Переца лидером Аводы, более не существует. Естественный, казалось бы, для нее резерв – малообеспеченные жители городов развития, к тому времени также был уже практически исчерпан: те 2–3 мандата,

⁷³ См. *Гаарец*, 21.09.2006 и 3.11.2006.

которые Авода смогла собрать в этом секторе в марте 2006 г., более не готовы были поддержать Партию труда. В том числе, и потому, что находясь в статусе министра обороны и требуя многомиллиардных добавок в бюджет его ведомства⁷⁴, которые негде было взять, кроме как счет сокращения социальных статей, Перец уже не мог с былой легкостью произносить прежние популистские лозунги. (Такие, как: «Мы не можем предпочесть танки нуждам голодных детей» или «Партия труда будет нести два флага – оборонный и социальный»). Поэтому, согласно опросам тех месяцев, Переца были готовы поддержать не более 12% опрошенных членов партии.

Чтобы поправить это положение, Перец тогда мог рассчитывать лишь на три ресурса. Во-первых, на отлаженность механизма работы своего лагеря – членов рабочих комитетов государственных и профсоюзных кампаний и активистов бывшей партии Ам Эхад, которые лучше других могли обеспечить массовую запись в Аводу потенциальных сторонников Амира Переца, которые смогли бы составить оппозицию тем 60% партийцев-старожилов, которые не хотели видеть его во главе партии. Во-вторых, на поддержку арабского сектора, чьи представители составляли тогда от четверти до трети членов Аводы, в интересах которых Перец активно использовал свой статус главы правительственного кабинета по делам арабского меньшинства. А также немногочисленных «новых левых», лидер которых профессор Юли (Яэль) Тамир занимала благодаря Перецу кресло министра просвещения в правительстве Ольмерта. Именно в духе идеологии этой группы Перец, будучи в прошлом, как отмечалось, членом «восьмерки Осло», предлагал включить в платформу Аводы большинство пунктов т. н. «Саудовской мирной инициативы»⁷⁵. План самого Переца

⁷⁴ Именно Амир Перец, как считается, настоял, несмотря на жесткую критику социального лобби и ряда военных экспертов, на разработке противоракетной системы "Железный купол" и реализации других дорогостоящих военных технологий, которые несколько лет спустя доказали свою эффективность и расширили стратегические и оперативно-тактические возможности ЦАХАЛа.

⁷⁵ «Саудовская мирная инициатива» предлагала нормализацию отношений арабских стран с Израилем в обмен на его отступление к границам 1967 года и возвращение всех палестинских беженцев. В практическом плане эта инициатива, как и тогдашний американский план ближневосточного урегулирования, предполагала принцип "поэтапного" воплоще-

состоял из трех основных этапов: упрочение и стабилизация экономики и безопасности ПНА; переговоры на тему окончательного урегулирования конфликта и создание палестинского государства; детальная проработка плана мирного урегулирования и его реализация⁷⁶.

Понятно, что подобные идеи уже тогда были в явном разрезе с настроениями большинства израильтян, и потому план Переца сразу же вызвал резкую критику со стороны его конкурентов. Ведущими из них были бывший премьер-министр и экс-лидер Аводы Эхуд Барак, именно в этот момент принявший решение вновь вернуться в политику, и Ами Аялон, ранее последовательно занимавший должности главкома ВМС и директора Службы общей безопасности (ШАБАК).

Опросы общественного мнения, проведенные в декабре 2006 и январе 2007 гг. по заказу различных израильских газет, первоначально показывали преимущество Ами Аялона, которое постепенно менялось с пользу Э. Барака⁷⁷. По шансам победить на всеобщих выборах и вновь стать премьер-министром отрыв Барака, по данным опроса, проведенного агентством «Телесекер», был еще более значителен⁷⁸.

Обращаясь, по сути, к одной и той же категории «старых активистов» – жителей ашкеназских сельскохозяйственных поселков и благополучных кварталов городов центра страны – Эхуд Барак и Ами Аялон пытались предложить им достаточно различающиеся между собой идейные платформы. Платформой лагеря Барака был предложенный еще в 2003 г. план Гилада Шера и Ури Саги по «одностороннему размежеванию» с палестинскими арабами, в духе осуществленного Барак в мае 2000 г. одностороннего вывода ЦАХАЛа из «зоны безопасности» в Южном Ливане, с оставлением за Израилем крупных поселенческих блоков и «интернационализацией» проблемы Восточного Иерусалима⁷⁹.

ния заложенных в ней идей и вынесения наиболее острых вопросов на завершающую стадию политического процесса.

⁷⁶ Цит. по: Peretz: Saudi initiative must serve as basis for talks with Palestinians // *Haaretz*, 10.12.2006.

⁷⁷ См.: Poll: Barak has much to labor // *Ynet*, 22.12.2006; *Глобс* (Израиль) 12.01.2007.

⁷⁸ *Маарив*, 10.01.2007 [на иврите].

⁷⁹ См. *Программы урегулирования Палестино-Израильского конфликта*. Сборник статей и документов / Под. ред. А. Эпштейна. – М.: ИИИБВ, 2004.

И именно эту идею своего бывшего конкурента принял на вооружение Ариэль Шарон, проведя в августе 2005 г. односторонний вывод еврейских поселений из сектора Газа и Северной Самарии, а затем сделав эту программу официальной платформой своей партии Кадима. Концепция «односторонности» практически рухнула после победы на выборах в законодательное собрание ПНА, а затем прихода к власти в секторе Газа исламистских террористов из ХАМАСа и особенно после войны с ливанской «Хизбаллой» летом 2006 года. Потому сторонники Барака тогда были готовы воплотить свои идеи в виде более сложной многосторонней комбинации в рамках ожидаемого «нового витка» урегулирования конфликта на Ближнем Востоке. Так в речи, произнесенной Эхудом Барак на первом после выдвижения его кандидатуры на пост главы Аводы съезде, он отверг дальнейшие односторонние шаги, однако отметил, что уход из Ливана «был правильным и необходимым»⁸⁰.

В свою очередь, программой Ами Аялона оставалась сформулированная им в 2004 г. совместно с видным палестинским «умеренным» политиком Сарри Нуссейбой т. н. «Декларация принципов» (по оценкам политологов, очень близкая к «Женевской инициативе» лидера ультралевого блока МЕРЕЦ Й. Бейлина). Она исходила из необходимости достижения «окончательного и всеобъемлющего политического соглашения» между Израилем и палестинскими арабами на основе установления границы примерно по «зеленой черте», а также раздела Иерусалима и решения проблемы «палестинских беженцев»⁸¹.

Как бы то ни было, успех любого из кандидатов на праймериз Аводы зависел на этом этапе не столько от привлекательности их идеологии, сколько от их способности заручиться поддержкой влиятельных партийных «кланов», часть из которых поддерживали Ами Аялона, особенно на уровне низовых структур⁸². В свою очередь, Эхуд Барак смог привлечь на свою сторону министра сельского хозяйства Шалом Симхона, который помимо своего лагеря поддержки задействовал свои связи с руководством Объединенного киббуцного движения (ТАКАМ), представители которого составляли около 40% постоянных членов

⁸⁰ Цит. по: *Маарив*, 15.01.2007 [на иврите].

⁸¹ См.: *Программы урегулирования Палестино-Израильского конфликта*; Attila Somfalvi. "Ayalon: Livni's plan better than Peretz's" // *Ynet*, 8.01.2007.

⁸² Mazal Mualem. Barak kicks off campaign – unofficially // *Haaretz*, 7.01.2007.

Аводы. Союзником Барака был также влиятельный министр национальных инфраструктур Биньямин Бен-Элизер, прямо призывавший своих сторонников голосовать за Барака и использовавший возможности своего министерства, чтобы «поощрить» население тех населенных пунктов (например, отдал распоряжение подключить к электросети сотни домов в арабских населенных пунктах), где местные члены Аводы дружно проголосовали за Эхуда Барака⁸³. В свою очередь, Первый канал ИТВ рассказал о попытке подкупа избирателей в Цфате со стороны лагеря Амира Переца, тоже участвовавшего в первом туре праймериз. Перец предлагал погасить долг Министерства обороны по муниципальному налогу, «подкинуть деньжат» в городскую казну и поддержать местный спортивный клуб Апоэль. (Так что, заметим в скобках, описанные выше подобные схемы, в которых были замешаны некоторые деятели Ликуда, отнюдь не были эксклюзивом той партии).

Кроме того, Барак пытался добиться расположения «третьего поколения номенклатуры МАПАЙ», два видных представителя которого – тогдашний министр туризма Ицхак Герцог и Генсек Аводы Эйтан Кабель именно Бараку пообещали, что он получит поддержку их лагерей на предстоящих праймериз⁸⁴. Этого нельзя сказать об еще одном представителе той же группы – Офире Пинесе, который вышел из правительства в знак протеста против включения в правящую коалицию партии НДИ во главе с Авидгором Либерманом и заявил о своих претензиях на пост председателя Аводы. Этот демарш мог бы принести Офиру Пинесу немалые политические дивиденды, если бы за ним последовали остальные министры от Партии труда. Именно этого активно добивался Пинес, обращая внимание однопартийцев на отказ правительства выполнять столь близкие сердцу левого крыла Аводы предвыборные обещания об эвакуации «незаконных поселенческих форпостов» в Иудее и Самарии, вследствие чего, по мнению Пинеса, «правительство [Ольмерта] потеряло право на существо-

⁸³ 10 канал ИТВ и NRG-"Маарив", 7 июня 2007 г. Сам Бен-Элизер, разумеется, категорически опроверг все подозрения в свой адрес, а в его офисе объяснили, что "процесс подключения зданий к энергосистеме сопряжен с длительной бюрократической процедурой, которую невозможно было инициировать в считанные недели" (Цит.по: *Jerusalem Post*, 9.06.2007).

⁸⁴ Ehud Barak rallying support // *Ynet*, 8.01.2007.

вание»⁸⁵. Но лидеры влиятельных «кланов» Аводы, занимающие министерские посты, отнюдь не поспешили отказаться от этого мощного административного ресурса в преддверии внутрипартийных выборов, которые, вопреки требованию Пинеса, не были перенесены с конца мая на начало марта 2007 года.

В итоге Офир Пинес практически «сжег» без особой пользы свой ранее немалый потенциал и вместе с бывшим главой «Мосада» Дани Ятомом оказался в группе аутсайдеров, как и официальный на тот момент руководитель партии Амир Перец. Показательно, что выдвинутая им внешнеполитическая платформа при всех различиях в деталях (методы, темпы, сроки и т.д.) была чрезвычайно близка к идеям его соперников, например, «Декларации принципов», которую защищал Ами Аялон. Взгляды Переца и его конкурентов по поводу другой темы будущих выборов – необходимости проведения социально ориентированной экономической политики – также практически совпадали. (В лагере Аялона эту линию символизировал № 2 в его команде, бывший ректор Университета им. Бен-Гуриона, видный экономист проф. Авишай Браверман).

Таким образом, разница в уровне поддержки Переца и его соперников проистекала отнюдь не из идеологических различий между ними, а в том, что сефард Амир Перец так и не смог сблизиться с «твердым ядром» мапайников-ашкеназов Аводы, которых представляли остальные его конкуренты. Вопреки надеждам этих кругов, Перец не сумел вернуть партии былое величие, завоевав для нее поддержку «Второго Израиля», не говоря уже о провальной деятельности на посту министра обороны. В итоге проведенный в конце декабря опрос избирателей Аводы показал, что в том случае, если новым председателем партии станет Аялон, Барак или Пинес, партия сможет рассчитывать на 20–23 мандата; если же главой останется Перец – не более 12.

Эпоха Барака: дубль два

Победу на праймериз в конечном итоге одержал Эхуд Барак, ознаменовав тем самым начало нового короткого, но бурного этапа истории партии израильских лейбористов. Новый политический старт Барака проходил в благоприятной для него

⁸⁵ Цит. по: *Ynet*, 18.12.2006.

ситуации: немалая часть левого истеблишмента, разочарованного в проекте Кадимы, была готова в качестве альтернативы раскручивать политический бренд «нового-старого лидера» Авода. Многочисленные обзоры, которые стали публиковать СМИ, ссылаясь на проведенные после победы Барака на внутренних выборах в партии Авода опросы, «однозначно убеждали» публику в том, что если бы выборы в Кнессет проводились в тот момент, то Партия труда поднялась бы с тогдашних 19 до 25–30 мандатов, и тем самым могла стать «реальной альтернативой» Ликуду.

Однако уже очень скоро выяснилось, что Барак играет в явном отрыве от этого сценария. Получив в «пакете» с лидерством в Аводе также и пост министра обороны, он сосредоточился на реорганизации ЦАХАЛа после Второй ливанской войны (и сделал это, как показали итоги операции в Газе, надо признать, блестяще). Что же касается обещанного им «политического товара» (прорыв в переговорах на «сирийском треке»; предоставление правительству рычагов «управления кризисом» в Газе без необходимости рано или поздно вернуться к «управлению сектором», а также удержание «умеренного центра» в сфере влияния левых элит), то его он реализовать оказался абсолютно не в состоянии. Соответственно уже в конце 2007 г. рейтинг Эхуда Барака как потенциального главы правительства стал снижаться (согласно опросам, с примерно 30% весной 2007 г. до 20–23% осенью того же года, и с продолжением этой негативной тенденции и в следующем 2008 г.). Причем его потенциальные голоса, как можно было заметить, уходили не к главному сопернику — Нетаньяху, а на «свободный электоральный рынок», где они в конечном итоге и были вновь подобраны Кадимой⁸⁶.

В итоге на выборах в Кнессет 2009 года Авода получила лишь 13 мандатов, что, однако, отнюдь не стало для Барака поводом для смены его прежнего курса на очистку партийной платформы от идеологии «новых левых» и превращение (а точнее, возвращение) в «партию умеренного центра». И именно в этом качестве Партия труда вошла в 2009 году в правительство Б. Нетаньяху, где Э. Барак вновь возглавил военное ведомство. Лидер партии, временами слегка фрондируя, на протяжении всего периода его пребывания в правительстве вполне

⁸⁶ Подробнее см.: Владимир (Зеэв) Ханин. Израиль: политическое лидерство в зеркале общественного мнения. – М.: ИБВ, 8.10.2007.

солидаризировался с внешнеполитической и экономической стратегией Нетаньяху и демонстрировал очевидное желание при любом варианте развития событий сохранить за партией место в коалиции, а за собой – должность министра обороны.

Подобный курс главы партии вызвал серьезную оппозицию в ее рядах и активизировал противоречия между сторонниками различных подходов, которые, поддерживая личные конфликты и политические амбиции руководящих деятелей Аводы, ввергли партию в состояние перманентного внутреннего кризиса, который нарастал с момента избрания Барака лидером Партии труда в 2007 году и резко усилился после выборов 2009 года и вхождения Аводы в правительство Нетаньяху. Противники Барака, среди которых выделялись члены Кнессета Эйтан Кабель, Офир Пинес, Амир Перец и Шели Яхимович (т.н. «повстанцы»), формально будучи членами коалиционной партии, изначально функционировали как часть оппозиции. К концу 2010 года возникла патовая ситуация: Барак не мог «выдавить» своих противников из Аводы. Но и «повстанцы» не были в состоянии ни сместить чересчур, по их мнению, «поцентревшего» Эхуда Барака и вывести Аводу из коалиции Нетаньяху, ни собрать (особенно после ухода из Кнессета неформального лидера «новых левых» Аводы Офира Пинеса) достаточное число сторонников, чтобы расколоть Аводу и образовать новую парламентскую фракцию.

Барак оказался первым, у кого лопнуло терпение: 17 января 2011 г. он объявил о своей отставке с поста председателя партии Авода, выходе с еще 4 соратниками (Матан Вильнаи, Шалом Симхон, Эйнат Вильф и Орит Нокед) из самой партии, и создании новой центристской парламентской фракции Ацмаут [Независимость]. Оставшиеся восемь депутатов, сохранивших за собой партийный бренд Партии труда, немедленно перешли уже в формальную оппозицию правительству и вступили в ожесточенную борьбу друг с другом за лидерство. А обозреватели следующие полгода с увлечением обсуждали неутешительное, по их мнению, будущее партии, споря лишь о том, расколется ли Авода на новые фракции, сократится ли до периферийной организации с «одноцифровым» числом мандатов, или вообще исчезнет с политической арены страны, подкрепляя свои прогнозы столь же малоутешительными для Партии труда опросами общественного мнения.

Все это происходило, несмотря на то, что основной конкурент Аводы – партия Кадима, которая, как отмечалось, сумела на вы-

борах 2009 года отобрать еще треть голосов Аводы, параллельно поставив на грань прохождения электорального барьера или отправив в небытие других своих левых конкурентов, также находилась в состоянии кризиса. От Кадимы, как показывали регулярные опросы общественного мнения, шел постоянный отток потенциальных голосов, причем не только остатков бывших «умеренных» ликудников, приведенных в свое время Шароном, но и «привлеченного электората» левых партий. Одновременно шла и быстрая эрозия «электорального ядра» Кадимы из числа бывших «мапайников», отправлявшихся в основном «на забор», где к ним в течение первых двух лет после выборов постоянно присоединялись и избиратели Аводы, чей электоральный потенциал к концу 2010 – началу 2011 г. сократился с 13 до 6–9 мандатов. Шансы Аводы, равно как и еще более левого ее конкурента МЕРЕЦ, прочно идентифицированных в общественном сознании с негативными последствиями «политики Осло», вернуть себе этих в массе своей политически умеренно настроенных избирателей, все это время оценивались как минимальные.

Поэтому в среде правящих элит «Первого Израиля» постоянно витала идея нового левоцентристского проекта, способного, несколько затушевав неудобную для левых тему арабизраильского противостояния, «абсорбировать» голоса, уплывшие после выборов «на забор» из Кадимы и Аводы. Первое время представлялось, что если левая оппозиция действительно стремится вернуться к власти, то единственным для нее способом привлечь избирателей может быть продвижение тематики религиозно-светского противостояния и других социально-гражданских вопросов.

Однако прокатившиеся по стране летом 2011 года массовые протесты против повышения стоимости жизни, наиболее радикальная часть участников которых выдвинула лозунг борьбы против «свинского капитализма Биби и [министра финансов Юваля] Штайница», выдвинули на первый план иную тему, а с ней – и новых соискателей статуса «главной надежды» левого лагеря.

В отличие от прошлых выступлений такого рода инициаторами нынешнего «социального» движения стали не столько малообеспеченные слои, сколько представители периферийных категорий среднего класса. Ядро последнего в Израиле составляют представители исторически господствующего в стране т.н. «Первого Израиля».

Не секрет, что политические и экономические интересы этой группы были и во многом остаются тесно связанными с государственно-профсоюзным сектором народного хозяйства и выросшими из него крупными частными финансово-промышленными корпорациями. И именно эти люди, которые в наименьшей степени приветствуют «неоконсервативный» курс действующего, как и ряда предыдущих, правительств на демополизацию и либерализацию экономики, составляли традиционный электорат израильских левых партий, и в первую очередь «социал-демократической» МАПАЙ/Аводы.

Было понятно, что социальные протесты, которые на своем пике вывели на улицы Тель-Авива и ряда других городов Израиля сотни тысяч демонстрантов, по всем оценкам, должны почти неизбежно стать платформой для продвижения старых или новых партийно-политических инициатив. На эту роль поступали многочисленные заявки, но именно Партия труда «раскручивалась» в (преимущественно левонастроенных) израильских СМИ как едва ли не наиболее перспективный кандидат. Когда на пике протестного движения были опубликованы первые опросы общественного мнения, выяснилось, что рейтинг Кадимы вновь упал, а катастрофический к тому времени рейтинг Аводы ощутимо поднялся. Это заставило некоторую часть заинтересованных кругов «Первого Израиля» предположить, что их «историческая партия» — еще, возможно, и не совсем отработанный материал.

Иными словами, кампания социального протеста под лозунгами борьбы за права среднего класса в этой ситуации оказалась для Аводы подарком судьбы, но и одновременно нелегким вызовом для соискателей власти в этой партии. Каждому из них предстояло убедить членов Партии труда в том, что именно он способен наилучшим образом распорядиться этим «счастливым билетом» и радикально улучшить ее электоральные позиции.

Итоги борьбы за партийное лидерство

С уходом из Аводы Эхуда Барака и его сторонников в партии практически не осталось организованного «центристского» лагеря. Из четырех членов Кнессета, выдвинувших свои кандидатуры на пост председателя партии, двое (бывший мэр Хайфы

и глава комиссии по управлению Йерухахом Амрам Мицна, типичный представитель «старой Аводы», возглавлявший ее на выборах 2003 года, и яркий представитель «третьего поколения аристократии МАПАЙ», бывший министр соцобеспечения Ицхак Герцог) идентифицировались с «левоцентристским» идеологическим лагерем. Они, набрав соответственно 12 и 25% голосов в первом туре, вышли из предвыборной гонки и не попали в финал, куда почти с равным счетом (32 на 31%) вышли их соперники Шели Яхимович и Амир Перец.

И Амир Перец – один из членов «Форума Кфар ха-Ярок», под влиянием которого, как отмечалось, тогдашние лидеры Аводы И. Рабин и Ш. Перес в свое время пошли на признание ООП и подписание с ней договоров в Осло, и никогда не скрывавшая своих прокоммунистических симпатий бывшая лево-радикальная журналистка Шели Яхимович, соидаризировались с идеологией «новых левых». Поэтому, на первый взгляд, платформа для идеологических разногласий двух лидеров отсутствует, и их соперничество обусловлено сугубо личными амбициями.

Острый личный конфликт между Перцем, который в 2005–2007 гг. уже занимал пост председателя партии, и Шели Яхимович, которую именно Перец накануне выборов 2006 года привел в Аводу, действительно имел место, но их расхождения этим, однако не исчерпывались. Так, оба кандидата были вполне солидарны с тем, что тема «социальной справедливости» должна стать визитной карточкой Аводы, но если Перец настаивал, что эта «старо-новая платформа» партии должна продвигаться в «одном пакете» с внешнеполитической программой в духе «идеологии Осло», то Яхимович была готова до поры до времени «замести под ковер» эту электорально не слишком выигрышную тему.

Интересно, что накануне голосования член руководства Аводы и дочь покойного лидера Партии труда Ицхака Рабина – Далия Рабин выступила со специальным заявлением, призвав членов партии отдать голоса Амиру Перцу, который, по ее мнению, «лучше, чем кто бы то ни было, готов воплотить в жизнь политическое наследие ее отца». То есть «довести до конца мирный процесс и вернуть к жизни социальные предпочтения во внутренней политике правительства». В свою очередь Яхимович назвала своей задачей «приведение традиционных ценностей партии в соответствие с современными реалиями». Соответственно, в отличие от Перца, который, по мнению

обозревателей, в случае победы взял бы курс к союзу, а возможно, и слиянию с леворадикальным МЕРЕЦем, Яхимович четко заявила, что Авода имеет собственную программу, «в существенных аспектах отличную от МЕРЕЦ», и не отрицала своего возможного сотрудничества с Ликудом, как до, так и после новых выборов.

Далее при внимательном рассмотрении выясняется, что будируя тему «социальной справедливости», два кандидата на лидерство в Аводе имели в виду интересы различных целевых групп. Пропаганда «социальной революции» Переца была в первую очередь адресована малообеспеченным слоям – жителям городов развития и неблагополучных столичных кварталов, в массе своей «сефардского» (то есть восточного, как и сам Амир Перец) происхождения, а также израильским арабам и прочим национальным меньшинствам. А Шели Яхимович в основном позиционировала себя как выразитель интересов «угнетенного среднего класса», заявленного участниками «палаточного» протеста лета 2001 года, в массе своей (как и сама Яхимович) – ашкеназского происхождения. Этот «этнический» аспект соперничества между выходцем из Марокко Амиром Перцем и потомком восточноевропейских ашкеназов Шели Яхимович, вопреки заявлениям кандидатов о том, что они выступают от имени «всех членов партии вне зависимости от их происхождения», нашел четкое воплощение и в результатах праймериз.

Так, кандидаты поровну разделили симпатии 10 «мигзарим» (секторов) Партии труда – социально-демографических и территориальных категорий членов партии, за которыми, согласно уставу, бронируется представительство в руководящих органах Аводы и ее списке на выборах в Кнессет. Амир Перец получил абсолютное большинство голосов в партийных отделениях юга страны (где и расположены основные «города развития», населенные в массе своей малообеспеченными, по израильским понятиям, евреями-выходцами из стран Азии и Африки и их потомками), а также в арабском и друзском секторах. Яхимович победила с большим отрывом в оплоте израильской «старой социал-демократии» – «красной Хайфе» и центральном округе (где и сосредоточена большая часть «старых активистов» из числа экономически благополучного ашкеназского населения), а также в молодежном секторе и партийных ячейках кибуцев и «исторических» (основанных преимущественно выходцами из Восточной Европы) мошавов.

По тому же принципу разделились и симпатии членов Аводы, возглавляющих группы «внепартийных» институционализированных интересов. Перец был поддержан главой Центра местной власти (где численно доминируют «города развития» и местные советы с большими кластерами «сефардских» населенных пунктов) Шломо Бухбутом, а Яхимович – Офером Эйни, сменившим Амира Перца на посту главы Гистадрута, и рядом влиятельных «рабочих комитетов» крупнейших государственных и профсоюзных компаний.

Так что сефард Амир Перец вновь не смог убедить лидеров «твердого ядра» мапайников-ашкеназов Аводы, что он, получив, как говорится, «второй шанс», на этот раз сумеет вернуть партии былое величие, завоевав для нее поддержку непривилегированных слоев «Второго Израиля», в обычном состоянии поддерживающих Ликуд, партию сефардов-традиционалистов ШАС, а в последнее время – также и НДИ. В итоге лидеры влиятельных «кланов» Аводы поддержали Шели Яхимович, что и позволило ей (со счетом 54 на 46%) одержать победу над Амиром Перцем.

На первый взгляд, их ставка могла оправдаться. Опросы, осуществленные сразу после второго тура праймериз, зафиксировали резкий рост популярности Аводы среди избирателей. Так, согласно исследованию, проведенному по заказу газеты «Гаарец» копанией «Диалог» проф. Камиля Фукса, если бы выборы проводились тогда, Авода во главе с Яхимович была бы способна получить 22 мандата вместо 13, завоеванных по итогам выборов в нынешний Кнессет 18-го созыва. Что и позволило Яхимович в интервью Второму каналу ТВ Израиля несколько позднее заявить, что «уход из партии Эхуда Барака – это лучшее, что он мог сделать для рабочего движения». Очевидно, что эти данные все же не следовало понимать буквально. Опросы такого рода обычно игнорируют неопределившихся (число которых, как правило, весьма значительно – 30–40%), снижая тем самым «цену мандата» для партий, проходящих электоральный барьер. Кроме того, общественный интерес, который вызывают праймериз в основных израильских политических движениях, часто сказывается на росте их электорального рейтинга, вслед за чем чаще всего наступает «коррекция» в сторону снижения потенциального числа мандатов. Но тенденция, тем не менее, была очевидна.

Если бы эта тенденция сохранилась до следующих выборов, то Авода имела бы шанс вернуть себе статус главной по-

литической силы израильских левых, причем не столько за счет оттока мандатов из правого центра, сколько за счет нового перераспределения мандатов внутри левого лагеря, в первую очередь «возвращения» в Аводу ее «исторического» электората из Кадимы.

На уровне «макро», тем не менее, ситуация оставалась неизменной: если верить тогдашним опросам, разрыв между совокупным потенциалом левых партий (Авода, Кадима, МЕРЕЦ и арабские партии) и партий «национального лагеря» (Ликуд, НДИ и праворелигиозные партии) по-прежнему составлял 10–11 мандатов в пользу последнего. Тем не менее выдвижение Аводы на смену исчерпавшему себя, как, видимо, считают инициаторы «мирного процесса», кадимовскому проекту Шарона-Переса оживило надежды левого лагеря, которые неплохо выразил левый публицист Анар Шалев в статье, опубликованной в рупоре «левых интеллектуалов» – газете «Гаарец». По его мнению, «Авода фактически отказалась от продвижения социал-демократической идеологии государства всеобщего благосостояния и в течение многих лет не предлагала никакой альтернативной [правым партиям] политики. Все это должно измениться в ближайшее время... Авода под руководством Шели Яхимович, согласно опросам общественного мнения, имеет все шансы стать второй партией в Кнессете. В Израиле появится подлинная оппозиция. И это будет невероятным успехом для движения, которое, по всем прогнозам, ждал полный крах».

Дальнейшие события показали, что эти ожидания оказались серьезно завышены.

Глава 5.

«НАШ ДОМ – ИЗРАИЛЬ»: ФЕНОМЕН А.ЛИБЕРМАНА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ «РУССКОЙ УЛИЦЫ»

В отличие от представленных выше трех политических организаций, уже имеющих опыт пребывания в статусе «партии власти», «Исразль Бейтейну» (Наш дом – Израиль, НДИ) пока лишь претендует, хотя и с вполне очевидными для этого основаниями, на данную роль – если не сейчас, то в будущем. Особенностью предложенной НДИ модели завоевания власти была параллельная реализация двух тесно связанных стратегий. Во-первых, выработка и воплощение адекватного механизма «конкурентного сотрудничества» с одной из ведущих «исторических» партий. И во-вторых, постепенная внутренняя трансформация из квази-секторальной партии «русского Израиля» в общенациональное политическое движение, способное предложить национально востребованную идеологическую платформу на фоне трансформации «русской» политики в Израиле в целом.

Происхождение и эволюция платформы НДИ в 1999–2006 годах

Создание НДИ было провозглашено 30 декабря 1998 года по инициативе Авигдора Либермана – репатрианта 70-х гг. из тогдашней советской республики Молдовы, многолетнего соратника Биньямину Нетаньяху, в прошлом – гендиректора Ликуда, а затем гендиректора Министерства (то есть, руководителя администрации) главы правительства. На фоне углубляющегося конфликта с традиционным ликудовским истеблишментом, прежде всего с возглавлявшими влиятельные внутрипартийные кланы «ликудовскими принцами», не полу-

чив поддержки Нетаньяху, он вынужден был покинуть этот пост в 1997 году⁸⁷.

Вместе с ним Ликуд покинули многие активисты его «русского крыла», которые были разочарованы политикой уступок палестинцам, которую проводило первое правительство Биньямина Нетаньяху, равно как и пренебрежительным, как им казалось, отношением руководства Ликуда к интересам его «русских» членов. С ними также ушло и некоторое число сторонников Либермана из числа коренных израильтян. Позднее к ним присоединилась часть членов правого крыла «русской» центристской партии Исраэль ба-алия во главе с ныне покойным Юрием Штерном и Михаилом Нудельманом, вышедшим из нее из-за идеологического и личного конфликта с председателем партии Натаном Щаранским и председателем партийного центра Юлием (Йозлем) Эдельштейном. В январе 1999 г. сторонники Юрия Штерна и Михаила Нудельмана объявили о воссоздании конкурировавшей с ИБА на выборах 1996 года и практически исчезнувшей после этого другой секторальной репатриантской партии – Алия («С нами за обновленный Израиль») и уже на этой платформе вместе со своими сторонниками вступили в НДИ⁸⁸.

Третьей группой, принявшей участие в создании НДИ стали альтернативные ИБА независимые общинные репатриантские списки, крупнейшим из которых был «Наш дом – Ашдод» Семена Каценельсона. По ряду мнений, именно успех этого списка, завоевавшего 9 мандатов (общенациональный муниципальный рекорд) в городском совете этой «русской столицы» Израиля, подтолкнул Авиغدора Либермана использовать этот бренд и опыт, равно как и инфраструктуру данного и подобных списков в общенациональном масштабе.

Именно эти группы активистов составили костяк «лагеря Либермана» и основу инфраструктуры его новой партии⁸⁹. Та-

⁸⁷ Подробнее об этих событиях см.: Владимир (Зеэв) Ханин. *"Русские" и власть*. – М., 2004.

⁸⁸ О "русских партиях" Израиля первого поколения и данных событиях см. подробнее: Владимир (Зеэв) Ханин. *"Русские" и власть в современном Израиле*. – М.: ИБВ, 2004; Vladimir Khanin. Israeli "Russian" Parties and the New Immigrant Vote. p. 109–114.

⁸⁹ См.: Vladimir (Ze'ev) Khanin. The New Russian Jewish Diaspora and "Russian" Party Politics in Israel // *Nationalism & Ethnic Politics*. Boulder. December 2002. Vol. 8, No 4, p. 38–51, 81–83.

ким образом, НДИ уже в момент своего образования стала «зонтиком» для трех основных культурно-политических групп избирателей. Во-первых, Либерман сумел сделать свой политический проект привлекательным для тех право-настроенных «русских» репатриантов разных волн алии, которые, будучи убежденными националистами-государственниками, в принципе не были готовы голосовать за «открыто-этнический» список, такой как ИБА. Но они же вполне разделяли идею интеграции в местный истеблишмент с «позиции силы» и привнесении русско-еврейских ценностей в «поистрепавшийся» израильский национальный дискурс – во всяком случае, именно так был ими понят посыл лидера НДИ. И потому они легко приняли выдвинутую Авигдором Либерманом идею «русской партии с израильским акцентом». Электоральный потенциал этого блока, составившего в 1999–2001 гг. ядро персонального лагеря Авигдора Либермана, равнялся 3,5–5 мандатам, и большинство этих голосов Либерман, несмотря на все перипетии его политической карьеры, сумел сохранить.

Второй блок сторонников НДИ составил некоторое число (равное от 0,5 до 1,5 мандата) коренных израильтян и старожилов, в основном из числа умеренно правых бывших избирателей Ликуда, в глазах которых Либерман символизировал «классические ревизионистские» ценности, утраченные, как им казалось, традиционным правым лагерем. Наконец, Либермана уже изначально поддерживала часть из тех русскоязычных избирателей, которые, будучи в массе своей, с политической точки зрения умеренно правыми, тем не менее в электоральных приоритетах предпочитали социально-экономическую и гражданскую проблематику над вопросами внешней политики. И потому «при любой погоде» считали необходимым голосовать «за своих», давая в этом смысле приоритет Либерману над его конкурентами «на русской улице». Причем по мере углубления кризиса партии ИБА и снижения популярности идеи «русской чисто секторальной партии» в целом эта категория сторонников НДИ, как единственной оставшейся на «русском рынке» внятной политической силы, увеличивалась.

Кроме того, уже в момент создания НДИ имела вполне ощутимый протестный потенциал. Так, в основании партии, помимо альтернативных ИБА групп городских активистов, которые, как уже отмечалось, «взбунтовались» против местного муниципального истеблишмента (в основном восточного проис-

хождения), там были еще три протестные группы. Во-первых, уже изначально в самом лагере Либермана было немало правонастроенных «русских», которые протестовали против отношения к ним лидеров партий национального лагеря и религиозно-поселенческого истеблишмента как к «соратникам второго сорта». Кроме того, Либермана поддержала небольшая, но идеологически влиятельная группа «старых сионистских бойцов», протестующих против своего маргинального положения в «русской» общинной политике 90-х гг. и установившегося в ИБА внутрипартийного режима, напоминавшего им, как они полагали, стиль «демократического централизма» советской эпохи. Наконец, к электорату НДИ не раз примыкало и некоторое количество коренных израильтян и репатриантов разного происхождения, оказавшихся восприимчивыми к либермановской критике израильской судебно-полицейской и бюрократической «олигархии» и монополизации власти в стране старыми элитами «Первого Израиля».

Таким образом, с самого начала у Либермана была – и она же остается и поныне – задача разрешения трех фундаментальных дилемм, заставлявших лидеров НДИ постоянно пересматривать ее идентичность. Первая проистекала из изначальной разнородности ее электората и состояла в нахождении *modus vivendi* между претензиями партии на общенациональный статус и лидерство и преимущественно «русским» общинным характером ее массовой базы. Вторая была связана с общенациональными лидерскими амбициями самого Либермана. Эти амбиции постоянно заставляли его делать нелегкий стратегический выбор между двумя моделями «конкурентного сотрудничества» НДИ с Ликудом и/или иными правыми блоками. Например, выстраиванием своей партии как платформы для завоевания инфраструктуры и интеграции «с позиции силы» со своими партнерами и соперниками, либо, напротив, продвижением НДИ самостоятельно или в блоке с иными партиями как альтернативы Ликуду на роль ведущей силы «широкого правого лагеря».

Соответственно, третья дилемма была связана с поиском адекватной идеологической платформы, которая бы позволила бренду «Либерман во главе НДИ», сохранив твердое правое и «рыночное» ядро своего лагеря, привлечь социально ориентированных избирателей и голоса политического центра, который отличается умеренными взглядами на основные проблемы внутривнутриполитического противостояния, то есть те электораль-

ные ресурсы, без которых политик в Израиле не может рассчитывать на высший пост в исполнительной власти.

Вся последующая деятельность НДИ и ее лидеров была историей многочисленных попыток решения этих дилемм методом «проб и ошибок». Так, лидер НДИ изначально позиционировал ее как «общенациональную правую партию, большинство избирателей которой в силу исторических причин говорит по-русски»; в 2001–2003 гг. он представил ее как «русскую не-секторальную партию», а в 2004–2006 годах НДИ функционировала в статусе «русской партии с израильским акцентом»⁹⁰. Наконец, в преддверии выборов 2009 года НДИ объявила о себе как о «"русской" по происхождению общенациональной партии», или, как определил ее на одном из мероприятий сам Либерман, «израильская либеральная ревизионистская партия, платформа которой включает интеграцию новых репатриантов как приоритетную задачу сионизма»⁹¹.

Что касается партийной идеологии, первоначально НДИ делила с Ликудом умеренно правую нишу, одновременно конкурируя на общинной улице с «центристской» ИБА, в 2001–2003 гг. сдвинулась резко вправо. В выборах в Кнессет 16-го созыва НДИ принимала участие в составе правого блока «Национальное единство», главой объединенного парламентского списка которого стал А. Либерман. После выборов 2003 г., признав эксперимент с объединением неудачным, НДИ вновь выходит в самостоятельное плавание и возвращается в умеренно правую нишу, сумев, как показали выборы 2006 г., сохранить большую часть своего «твердого правого общинного ядра».

Примерно те же причины, надо полагать, лежат и в основе эволюции политической тактики НДИ, которая на протяжении первого десятилетия своей истории то присоединялась к правящей коалиции, то выходила из нее, вызывая в каждом случае восторг одной части своих сторонников и разочарование других⁹². Так, удачно дебютировав на выборах 1999 года, НДИ

⁹⁰ Подробнее об этом см.: Vladimir Khanin. Israel's 'Russian' Parties / Robert O. Freedman (Ed.) // *Contemporary Israel: Domestic Politics, Foreign Policy, and Security Challenges*. – Boulder, Colorado: Westview Press, 2008, p. 97–114.

⁹¹ Цит. по: *Маарив*, 02.12.2005.

⁹² Владимир (Зеэв) Ханин. Коалиция имени Либермана: партийно-политический расклад в послевоенном Израиле. – М.: ИБВ, 27.11.2006, http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

сразу же после выборов присоединилась к блоку правых партий «Национальное единство», оставшись вместе с ним в оппозиции к левоцентристскому правительству тогдашнего главы партии Авода Эхуда Барака.

Ситуация изменилась после того, как Барак проиграл в феврале 2001 года прямые выборы премьер-министра лидеру Ликуда и тогдашнему кандидату «консенсуса правых» Ариэлю Шарону. Либерман и его коллеги по партии и правому блоку входили в первое (2001–2003) и второе (2003–2005) правительство Шарона, равно как и в правительство лидера Кадимы Эхуда Ольмерта в 2006–2008 гг. И с той же регулярностью НДИ покидала эти коалиции через год-полтора после своего вступления в них. В первый раз это случилось из-за разногласий с решением правительства Ариэля Шарона принять план тогдашнего президента США Дж. Буша-младшего по урегулированию конфликта Израиля и ООП/ПНА «Дорожная карта». В следующий раз лидеры НДИ протестовали против выдвинутого и реализованного тем же А. Шароном в его вторую премьерскую каденцию плана «одностороннего размежевания с сектором Газа и северной Самарией» в 2005 году. Наконец, в 2008 году Либерман и его партия покинули правительство Ольмерта в знак протеста против предложенного Израилем тем же президентом США Дж. Бушем и принятого Ольмертом и главой МИД в его правительстве Ципи Ливни «процесса Аннаполиса».

Несмотря на все эти весьма сложные эволюции, а возможно, и благодаря им, электоральный потенциал партии постоянно возрастал, чем она в немалой степени была обязана эффективному политическому маневрированию самого главы НДИ А. Либермана. В момент своего электорального дебюта в 1999 году партия завоевала 4 мандата в Кнессете, включая, как минимум, 3,5 из них в «русском» секторе. На выборах 2003 года объединённый блок НДИ – «Национальное Единство» завоевал уже 7 мандатов, включая почти 5 благодаря НДИ, как минимум, 4 из которых были получены в русскоязычном секторе. На следующих выборах в Кнессет 2006 г. партия, действуя опять самостоятельно, добилась беспрецедентного успеха, вновь выступив и как секторальное, и как общенациональное движение, что позволило ей завоевать уже 11 мандатов, как минимум, 9 из которых ей дали русскоязычные избиратели. Несмотря на ощутимое движение в сторону центра в лозунгах и политической платформе партии, Либерман, как показали итоги этих выборов, сумел сохранить большую часть

своего «твердого» и «привлеченного» электората из числа «русских» и коренных израильтян.

Предложенная Либерманом концепция обмена еврейских поселенческих блоков Иудеи и Самарии на населённые израильскими арабами-мусульманами города Южной Галилеи (так называемый «план Киссинджера-Либермана») встретила сочувствие в среде большинства «русских» израильтян. Эти же в массе своей умеренно право-настроенные репатрианты были готовы поддержать и лозунги искоренения уголовной преступности и борьбы с незаконным захватом государственных земель. (Заметим, что эти действия имеют в Израиле выраженно «арабскую» окраску)⁹³. И обе эти идеи оказались привлекательны и для коренных израильтян, прежде всего из числа последователей Ликуда и других правоцентристских партий.

То есть электорат «русской несекторальной» НДИ в 2006 году вновь составили все те же три группы избирателей⁹⁴. Первую представляла традиционная база НДИ – право-настроенные, либерально-рыночно ориентированные и в подавляющем большинстве русскоязычные (хотя и не только) избиратели, потенциал которых был равен упомянутым 4–5 мандатам, большую часть которых покинувшая накануне выборов 2006 г. правый блок НДИ, несмотря на свой очевидный дрейф в сторону центра, как отмечалось, сумела сохранить. (На выборах в Кнессет 17-го созыва НДИ, видимо, потеряла около половины мандата в пользу Ликуда, НЕ-МАФДАЛ и еще более правых списков, многократно перекрыв потери приобретениями в центре)⁹⁵.

⁹³ По данным израильской полиции, по состоянию на 2006 год при менее чем 20%-ной доле этой группы в населении, "арабскими" являлись 43% дел об убийствах, 37% дел о нанесении тяжких телесных повреждений, 39% дел о крупных ограблениях и 40% дел о поджогах, возбуждаемых израильскими судами. На арабский сектор приходится основная доля таких преступлений, как контрабанда, торговля оружием и наркотиками (контрабанда последних считается монополией израильских арабов). Арабы же несут ответственность за примерно половину сельскохозяйственных и треть автомобильных краж. Цит. по: Newsru.co.il, 4.01.2006.

⁹⁴ Подробнее см: Владимир (Зе'ев) Ханин. «Русская» община, выборы и власть в Израиле: итоги и перспективы. – М.: *Институт Ближнего Востока*, 25.05.2006, http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

⁹⁵ Vladimir (Ze'ev) Khanin. Revival of "Russian" Politics in Israel: the Case of 2006 Elections // *Israel Affairs*, London, April 2007. Vol. 13, No 2, p. 346–367.

Еще 2 мандата НДИ дали коренные израильтяне и репатрианты-старожилы, в основном из числа умеренно правых бывших избирателей Ликуда, которые были разочарованы политикой, которую эта партия проводила под руководством Шарона в 2004–2006 годах. Но они же проявили изрядную долю сомнения и в отношении сменившего Шарона «старого-нового» лидера этой партии Биньямина Нетаньяху. В силу чего эти избиратели, находясь под впечатлением харизмы Авигдора Либермана, на этот раз решили поддержать его «русскую партию с израильским акцентом».

Третьей группой избирателей, которая дала НДИ в 2006 году около половины ее мандатов, стали бывшие сторонники исчезнувшей к тому времени «русской секторальной» партии ИБА, успевшие за время после выборов 2003 г. разочароваться в общенациональных партиях Ликуд и особенно Шинуй. Большинство из равного примерно 6 мандатам «домашнего электората» ИБА не последовало за ее лидерами Н. Щаранским и Ю. Эдельштейном (принявшими в 2004 году решение присоединиться со своими сторонниками к Ликуду после неудачных для их партии выборов в Кнессет полугодом ранее) и осталось на открытом политическом рынке.

Именно с целью привлечения этих политически умеренных и социально ориентированных избирателей с начала кампании Либерман серьезно сдвинулся к центру. Эту тенденцию символизировало присоединение к партийному списку многолетнего депутата от Аводы Софы Ландвер, Игаля Ясинова из Шинуйа, а также известного своими левыми взглядами журналиста Й. Шагала. В интересах того же электората в начале избирательной кампании в Кнессет 17 созыва Либерман сделал несколько «социальных заявлений», противоречащих традиционно «рыночной» и этно-национальной ориентации НДИ. Кроме того, с целью привлечь внимание светских репатриантов, отошедших в свое время от ИБА в Шинуй, партия пообещала бороться за введение института гражданских браков и работу общественного транспорта по субботам и праздникам.

Вразрез с прежней позицией НДИ, предлагавшей ужесточить Закон о возвращении, объявленная накануне выборов Ю. Штерном платформа партии предлагала (явно в интересах родственников выходцев из СНГ этнически смешанного происхождения) признать законным статус всех жителей Израиля, которые доказали свою лояльность еврейскому государству.

Став после выборов оппозиционной, НДИ резко отвергла предложенную МВД поправку, которая значительно ужесточала критерии для предоставления израильского гражданства тем родственникам израильтян, кто не подпадает под действие Закона о Возвращении. А депутат Кнессета от НДИ Стас Мисежников оценил эту поправку как «еще одно неприглядное явление в длинной череде актов дискриминации репатриантов из СНГ со стороны государства и общества»⁹⁶.

В итоге в 2006 году по меньшей мере 80% бывших избирателей ИБА поддержали НДИ, дав ей примерно 5 из завоеванных партией 11 мандатов. После выборов эта группа получила также серьезное пополнение за счет примерно 4-мандатного «русского» электората Кадимы, составленного из небольшой части наследия ИБА и остатков перешедших в Кадиму с Шароном из Ликуда его русскоязычных сторонников.

Благодаря присоединению к электорату Либермана всех этих групп, чьи гражданские и социально-экономические интересы немедленно нашли отражение в ее платформе, НДИ де-факто приобрела статус «партии общинного консенсуса», который в момент своего создания имела ИБА, а в 2003–2004 годах – Ликуд А. Шарона.

НДИ между секториальностью и мейнстримом, 2006–2008 гг.

Таким образом, в результате выборов 2006 года НДИ сумела резко увеличить уровень своей поддержки, как среди «русских», так и других избирателей. В итоге, обращаясь как к общине, так и обществу в целом, Либерман в результате выборов 2006 года оказался главой не одной, а сразу двух «партий». Одна – это собственно «историческая» правая НДИ, усиленная всегда присутствовавшим в партии, но в последние годы выросшим ивритоязычным компонентом. Другая «партия» – это «социально-центристская» ИБА.

В тактическом плане НДИ, перейдя на преимущественно общинное поле, продолжала позиционировать себя и как сек-

⁹⁶ Цит. по: НДИ требует отменить «драконовское» решение министра внутренних дел // Newsru.co.il, 28.06.2006. – <http://newsru.co.il/arch/israel/28jun2006/mis.html>

торальная, и как общенациональная партия. Эта тактика принесла ей успех на выборах в Кнессет 17-го созыва, но имела и свои издержки. Ибо вместо решения проблемы встроенного идеологического противоречия партии между ее претензиями на общенациональное лидерство и преимущественно общинным характером ее массовой базы, эта дилемма лишь обострилась, причем уже в тот момент стало понятно, что это противоречие выходит далеко за пределы вопросов о соотношении «общенационально-секторальных элементов» имиджа НДИ.

В качестве партии «общинного консенсуса» НДИ стала политическим домом для большей части идеологически правого, социально ориентированного центристского и гражданского крыла той (составляющей от 40 до 50%) части русскоязычных избирателей в Израиля, которые предпочитают голосовать за «свою» репатриантскую партию. Но уже вскоре после выборов стало понятно, что если получить поддержку этих избирателей в условиях отсутствия реальной конкуренции со стороны остальных «русских» движений НДИ было не так уж трудно, то удержать эти во многом «плавающие» голоса будет существенно более сложной задачей.

Первые намеки на возможные трещины были видны уже в том, что электорат НДИ по-разному отреагировал на провал переговоров о ее присоединении к правительственной коалиции. Причиной разногласий стал отказ Эхуда Ольмерта удовлетворить те ультимативные требования, которые Либерман выдвинул в качестве условия своего присоединения к коалиции: отмена программы «консолидации»; правительственная поддержка реформы политической системы, отказ от демонтажа еврейских поселений за «зеленой чертой», утверждение закона о гражданских браках и, наконец, создание госкомиссии по расследованию войны в Ливане.

Как можно заключить по некоторым косвенным данным, «социально центристская» половина электората партии осталась недовольна тем, что представители партии так и не стали министрами и потому не смогут реализовать предвыборные социальные и гражданские обещания. В то же время немалая «идеологическая» часть избирателей, судя по опросам, оказалась разочарована тем, что Либерман вообще вел переговоры о вхождении в правительство, намеренное продолжать линию «свертывания» еврейского присутствия в Иудее и Самарии.

Намечающийся внутренний кризис, однако, частично решился, когда стало известно, что в правительстве не только не будет министров от НДИ, но и – впервые за десять лет – вообще русскоязычных министров. (Так, критичное для репатриантов министерство абсорбции, обещанное и Шароном, и Ольмертом одной из основателей ИБА Марине Солодкиной, возглавившей в 2005 году «русское крыло» Кадимы и немало сделавшей для продвижения этой партии на «русской улице», вместо нее получил давний друг и сподвижник Э. Ольмерта, Зеэв Бойм). Этот факт вызвал серьезное недовольство части общинных активистов Кадимы (соответствующее письмо протеста было подписано 25 местными «русскими координаторами» партии) и серьезно поднял акции на «русской улице» находящихся в оппозиции со своими партиями бывшего лидера ИБА Натана Щаранского (Ликуд) и особенно Либермана. Как заметила обозреватель газеты «Гаарец» по вопросам алии и абсорбции Лили Галили, «сейчас все они [выходцы из бывшего СССР] объединены чувством, будто израильский истеблишмент использовал их, после чего выбросил на помойку. Солидарность с Солодкиной и Либерманом переносит проблему из сферы личной в сферу коллективную»⁹⁷.

И действительно, согласно одному из исследований, 80% тех репатриантов из стран СНГ, которые голосовали на парламентских выборах за Кадиму, уже в июне 2006 года были готовы перенести свои симпатии на партию НДИ⁹⁸. В целом же, согласно данным опроса Тель-Авивского ИСПИ, проведенного по следам событий, сформированная Ольмертом коалиция не нравилась 72% русскоязычных респондентов. При этом около 40% респондентов были недовольны отсутствием НДИ в правительстве, треть – отсутствием там русскоязычных министров вообще, а 60% заявляли, что видят себя на стороне оппозиции правительству Ольмерта. Эта тенденция резко усилилась в свете нарастающей общественной критики проблематичных, по мнению многих израильтян, итогов Второй ливанской войны.

Либерман и его сторонники вполне успешно аккумулировали потенциал этого общественного недовольства правительством, как «секторального», так и общенационального. После

⁹⁷ Лили Галили. Зерна разочарования на «русской» улице // *Гаарец*, 12.05.2006 [на иврите].

⁹⁸ Опрос агентства Shvakim-Panorama, июнь 2006.

Второй ливанской войны линия Либермана, казалось бы, была вполне определенной: по его мнению, кабинет Ольмерта должен был просуществовать максимум до конца 2006 г. Тем больше противоречий вызвало присоединение партии Авигодора Либермана к правительственной коалиции осенью все того же 2006 года.

С точки зрения премьера Эхуда Ольмерта, присоединение А. Либермана, который стал единственным членом НДИ, получившим в правительстве министерский пост, было чистым выигрышем. Оно в тот момент стабилизировало коалицию, давало премьер-министру свободу маневра и рычаги давления на коалиционных партнеров и внутрипартийную оппозицию и позволило почти без проблем провести бюджет на 2007 г.⁹⁹ Но для НДИ, на первый взгляд, этот ход выглядел неудачным: Либерман сразу же оказался под огнем критики за то, что он передал Ольмерту поддержку своих 11 мандатов в обмен на невнятный, по мнению противников этого шага, пост вице-премьера по стратегическим угрозам. Что сделало нерелевантной идею парламентского переворота – переход власти от лидера Кадимы Эхуда Ольмерта к лидеру оппозиции Биньямину Нетаньяху – и попутно «похоронило» связанные с ним амбиции и надежды «русской улицы».

Соответственно, проведенные в те дни опросы зафиксировали падение рейтинга партии на 3–6, и даже 6–8 потенциальных мандатов после периода стабильного роста. Расчет на то, что присоединение «ястребиной» НДИ к коалиции вытолкнет из нее «голубиную» Партию труда, которая в этом случае оставит сторонникам Либермана свои министерские портфели, также не оправдался. Как было показано в предыдущей главе, Амир Перец, рейтинг которого опустился ниже, чем у какого-либо министра обороны за всю историю Израиля, отдавал себе отчет в том, что он пробудет на посту лидера партии тем больше, чем дольше она останется в коалиции.

Дальнейшие события показали, однако, что этот шаг Авигодора Либермана был продиктован предельно прагматическими соображениями, связанными с завоеванием поддержки тех

⁹⁹ Подробнее об этих событиях см.: Владимир (Зеэв) Ханин. От «свертывания» к расширению: коалиционные дилеммы в современном Израиле. – М.: *Институт Ближнего Востока*, 10.11.2006, http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

групп избирателей, лояльность которых сможет обеспечить в перспективе реализацию его стратегических целей. В первую очередь речь шла об удержании и возвращении максимального числа членов различных идеологических фракций «русского» сектора его сторонников, что в той ситуации, по мнению Либермана, было бы трудно сделать, находясь в оппозиции и не имея доступа к правительственным ресурсам. Соответственно, войдя в коалицию, руководство фракции НДИ потребовало внести в государственный бюджет на 2007 год десятки поправок с целью значительного усиления уровня государственной поддержки социально значимых проектов. В интересах своей «социальной русской» группы избирателей Авигдор Либерман также выдвинул идею создания под эгидой партии «независимой системы социального обеспечения, призванной помогать новым репатриантам и нуждающимся», а также основать собственное молодежное движение. Эти идеи были выдвинуты им в декабре 2006 г. на партийной конференции в Иерусалиме, где лидер НДИ вполне откровенно заявил, что «если мы хотим стать партией власти, мы обязаны создать собственную социальную систему. Возможно, этим мы будем подражать ШАС, но выбора у нас нет»¹⁰⁰.

Но присоединение к коалиции помогало решить и другую, не менее важную проблему НДИ, с которой она столкнулась в своей второй, «общенациональной» ипостаси. В этом качестве НДИ по итогам выборов 2006 года в каком-то смысле заменила в нише «партии центра» распавшееся накануне тех выборов движение Шинуй, хотя в отличие от последнего черпала основные электоральные ресурсы не в левоцентристской, а правоцентристской части политического спектра. Эта, при определенных обстоятельствах, довольно выигрышная позиция также не была лишена глубоких внутренних противоречий, включающих, как и в прошлом, необходимость постоянного поиска баланса между правоориентированным ядром лагеря Либермана и политически более умеренным массовым электоратом его партии. От решения именно этой дилеммы зависело, насколько Либерман, успешно использовавший потенциал солидарного общинного голосования, будет в состоянии не потерять и свой «идеологический» электорат. То есть тщательно балансируя между фракциями, по-разному относящимися к критическим

¹⁰⁰ Цит. по: Маарив, 11.12.2006.

для израильского общества темам – арабо-израильскому конфликту, светско-религиозному противостоянию и социально-экономической политике, не повторить судьбу взлетевших и распавшихся центристских партий прошлого – «русской» ИБА и «общенационального» Шинуя.

Хотя все годы между выборами в Кнессет 17 и 18-го созывов Либерман и НДИ, демонстрируя динамичную и эффективную тактику, в целом успешно решали эти и иные оперативные проблемы и задачи, было понятно, что вечно выдерживать «взвешенно-центристскую линию» было невозможно. Тем более, что Либерман отнюдь не предполагал встраивать НДИ в качестве «нового Шинуя» (то есть очередной «партии центра» – в ее секторальном, общенациональном или обоих вариантах) в узкий промежуток между главными партиями правого и левого лагерей. Этого было явно недостаточно для достижения главной цели Либермана: рано или поздно стать премьер-министром Израиля, сделав свою партию правящей. Поэтому стратегический выбор Либермана и его сторонников был связан с двумя другими, намного более масштабными вариантами.

Первая из возможных опций – вновь развернуть партию «вправо», вступив в борьбу с Ликудом за статус главной партии широкого правого лагеря, что требовало взять курс на развал правительства Ольмерта. Основания для такого хода, несомненно, были: после окончания Второй ливанской войны в стране развернулось движение общественного протеста, инициаторами которого были участвовавшие в этой войне резервисты и гражданские организации. Потому многие в НДИ считали, что партия должна это движение поддержать и возглавить. Однако эта идея была отвергнута довольно быстро.

Тщательно взвесив в ходе многочисленных встреч и посещений «палаток протеста» потенциал этого движения, Либерман, судя по всему, пришел к однозначному выводу. Ни обеспечить радикальную перестановку политических сил, ни даже просто расколоть Кадиму, развалить правящую коалицию и дать лидерам правых и правоцентристских партий возможность воспользоваться плодами этого процесса указанное движение было не способно. И действительно, 11 ноября 2006 года резервисты прекратили акцию протеста, которая длилась около трех месяцев, добившись выполнения лишь небольшой части своих требований. В то время как главные из них – отставка главы правительства, министра обороны и начальника генштаба

ЦАХАЛа, а также создание государственной комиссии по расследованию хода войны в Ливане – выполнены не были¹⁰¹.

В свою очередь, потенциал правого фланга израильского политического спектра как электоральный ресурс для НДИ также выглядел практически исчерпанным: оторвать дополнительные голоса от МАФДАЛ, блока «Национальное единство» и особенно от правого крыла Ликуда, которому опросы сулили 25–29 мандатов, в тот момент политтехнологи НДИ считали маловероятным. Если следовать этой логике, то оставаться в оппозиции и бороться за лидерство с официальным ее главой Нетаньяху для Либермана становилось бессмысленным. Равно бессмысленной выглядела и вынашиваемая частью соперничающих с Нетаньяху ликудовских вождей идея объединить Ликуд с НДИ: хоть это и дало бы лагерю Либермана необходимый общенациональный статус, но переиграть крепнущего Нетаньяху на его поле шанс был невелик. Равным образом Либерман не был готов бессмысленно растрачивать столь необходимые ему политические ресурсы в новом раунде борьбы с партийными «принцами» и их «кланами»¹⁰².

Намного продуктивнее в тех условиях выглядела перспектива заменить стремительно левеющую в 2006–2009 годах партию Кадима в ее изначальной нише «центристской партии власти». Именно эти амбиции диктовали необходимость определения наиболее перспективных групп избирателей, поддержка которых сможет обеспечить реализацию главной стратегической цели, и выставление – разумеется, с учетом быстротекущей политической обстановки тех лет – соответствующих акцентов в лозунгах и деятельности партии. Помимо сохранения «коренного» социально-центристского и «идеологического» электората НДИ, Либерман считал необходимым «освоить» как можно более солидный слой из числа избирателей, в свое время доверившихся харизме Ариэля Шарона и перешедших вслед за ним из Ликуда, ШАС и иных правоцентристских партий в Кадиму.

Постепенный развал указанного электората и его смещение вправо открывало для этого немало возможностей. Потому для НДИ было критически важно привлечь этих в тот момент

¹⁰¹ Гаарец, 11.11.2006.

¹⁰² Интервью Авигдора Либермана автору этих строк, Иерусалим, февраль – декабрь 2007 и август 2008 гг.

в большинстве своем «сидящих на заборе» умеренных бывших сторонников Шарона, перехватив их голоса у Нетаньяху, лидеров ШАС и «новых правых». Именно потому после Второй ливанской войны лидеры НДИ видели для себя перспективным объединение не с Ликудом, а с Кадимой, – конечно, не с самой партией, а с ее электоратом. А ответ на вопрос, где же было удобнее улавливать эти мандаты – в оппозиции, в конкуренции с крепнувшим Нетаньяху, или в коалиции, в соперничестве со слабеющим премьер-министром Эхудом Ольмертом, – был для Либермана очевиден.

Тема, которая служила главным формальным препятствием вхождения НДИ в коалицию Ольмерта момент ее создания – его план второго этапа одностороннего размежевания с палестинскими арабами в Иудее и Самарии (т.н. «свертывания»), отпала сама собой. Премьер-министр вскоре после окончания Второй ливанской войны объявил, что этот план в свете причин и итогов прошедшей войны более не является релевантным. И хотя Ольмерт тогда официально не отказался от идеи разрушения «незаконных поселенческих форпостов» на Западном Берегу р. Иордан, он ввел Либермана в соответствующую межминистерскую комиссию, что дало последнему возможность парализовать практическую деятельность в этом направлении¹⁰³ или, как минимум, договориться с коалиционными партнерами на основе компромиссного предложения Совета поселений¹⁰⁴.

Ольмерт также согласился поддержать идею изменения политической системы страны и поручил президенту Междисциплинарного центра в Герцлии и автору идейной платформы Кадимы профессору Уриэлю Райхману представить согласованный вариант реформы на основе проектов Кадимы и НДИ. Причем Ольмерт это сделал вопреки возражениям главных коалиционных партнеров – лидеров Аводы и ШАС Амира Переца и Эли Ишая¹⁰⁵. Что до вопроса о гражданских браках –

¹⁰³ Akiva Eldar. Lieberman to join ministerial panel on dismantling outposts // *Haaretz*, 09.11.2006.

¹⁰⁴ Согласно этому плану, 10 из т.н. "незаконных форпостов" должны были быть демонтированы, их население переведено в основные поселения, а остальные новые поселки легализованы или объединены с существующими поселенческими блоками.

¹⁰⁵ Арик Бендер. Цель: согласованное предложение об изменении правительственного устройства // *Маарив*, 12.11.2006 [на иврите].

темы, актуальной для выходцев из бывшего СССР, среди которых было более 300 тыс. лиц нееврейского и смешанного происхождения, — то ожидалось, что как раз по этой проблеме лидеры НДИ и ШАС смогут найти компромиссную формулу. Ортодоксальные вожди партии сефардов-традиционалистов, в принципе, и раньше были согласны взвесить возможность легализации альтернативных браков для тех граждан, которые, согласно еврейской религиозной традиции, не являются евреями, но и не принадлежат к иным религиозным группам. Такое частичное решение проблемы Либермана тогда в основном устраивало: несмотря на существующие стереотипы, для большей части его электората возможность заключения гражданского брака является не столько практической проблемой, сколько важным культурно-политическим символом. Дальнейшие события показали, что именно такая схема решения проблемы оказалась реальной, хотя реализована она была более трех лет спустя, уже после выборов 2009 года правительством Нетаньяху, в котором НДИ и ШАС вновь были коалиционными партнерами.

Между «новыми правами» и «новым центром»

Однако такое эффективное тактическое маневрирование, позволяя решать «задачу минимум» по привлечению к НДИ упомянутых целевых групп будущих избирателей, было все же недостаточным для достижения главной стратегической цели Либермана — получения высшего политического поста для себя и статуса правящей партии для НДИ. Данная цель требовала привлечения намного более широких слоев из того самого, равного 30–40 мандатам ядра «умеренного сектора» израильского политического спектра, лишь часть которого в 2006 году поддержала Кадиму или ее «левоцентристский филиал» — партию пенсионеров Гиль.

Разочарование этих избирателей в усилиях израильских элит по разрешению конфликта с арабами-палестинцами на основе классических моделей арабо-израильского урегулирования заставило многих из них поддержать «нео-центристскую альтернативу» модели «мир в обмен на мир» правого лагеря и «мир в обмен на территории» израильского левого лагеря, то есть предложенный А. Шароном план «одностороннего размежевания с палестинскими арабами». А провал этой концепции оставлял эти же

круги в состоянии идеологического вакуума, который далеко не все из них были готовы заполнить возвращением к классическим правым или левым моделям. Поэтому многие из них были готовы видеть другую «неоцентристскую идею» – вышеупомянутый план Либермана по «обмену территориями и населением» как адекватную замену провалившейся доктрине «размежевания».

Понятно, что выдвигая эту доктрину во время избирательной кампании в Кнессет 17-го созыва и вновь предлагая ее, уже будучи вице-премьером в правительстве Э. Ольмерта в 2006–2007 годах, Либерман в глазах преимущественно левонастроенных израильских СМИ и леворадикальных групп местного общества немедленно стал «правым экстремистом» и даже «расистом». Нетрудно заметить, однако, что на практике это означало готовность лидера НДИ принять идею территориального компромисса между евреями и арабами в Западной Эрец Исраэль/Палестине, заново прочертив границы с учетом сложившейся этнодемографической ситуации на территориях к западу от Иордана. Тот же подход позже заставил Либермана провозгласить свою готовность взвесить, при определенных условиях, идею создания палестинского государства, которое, возможно, могло бы включать и некоторые населенные арабами кварталы в Восточном Иерусалиме¹⁰⁶. И потому неудивительно, что представители целого ряда групп «умеренного центра» приняли его идеи «на ура».

Понятно, что движение НДИ в сторону центра могло вызвать разочарование части ее правого крыла. Судя по всему, Либерман рассчитывал, что приобретения в центре, как это уже случалось, многократно перекроют потери правого крыла НДИ в пользу Ликуда, НЕ-МАФДАЛ и еще более правых списков. Чтобы минимизировать этот отток, он тщательно «упаковывал» свои умеренно правые и центристские идеи в жесткую правую риторику¹⁰⁷. В ря-

¹⁰⁶ Либерман впервые официально заявил об этом на заседании кабинета министров Израиля 7 октября 2006 года, за что немедленно подвергся резкой критике своих более правых оппонентов (Информация армейского радио "Галей ЦАХАЛ", 7–9 октября 2006).

¹⁰⁷ См., например, интервью А. Либермана агентству *Ynet* от 15 ноября 2006. См. также: Akiva Eldar. Liberman to join ministerial panel on dismantling outposts // *Haaretz*, 9.11.2006; Ицхак Бен-Хорон. Либерман на "Форуме Сабана: мирный процесс базируется на ошибочных предположениях", *Ynet*, 10.12.2006 [на иврите].

де интервью он заявил, что Израиль должен вернуть себе контроль над «Филадельфийским коридором» на границе сектора Газа и Египта, чтобы прекратить свободную доставку оружия и взрывчатки палестинским террористам. А также «отправить в рай всех, кто организует и направляет террор, всех лидеров ХАМАСа, свободно разгуливающих по улицам Газы», – но при этом вполне в духе своей «умеренной политики» отметил, что установление полного контроля над сектором Газа не соответствует интересам Израиля¹⁰⁸.

Свою роль сыграло и то, что не было голословным обещание, данное Либерманом в момент вступления в правительство Ольмерта: служить «правым противовесом» его возможному крену влево и немедленно покинуть правительственный кабинет в случае пересечения лидерами Кадимы четко зафиксированных руководством НДИ «красных линий». Как отмечалось, Либерман и его коллеги действительно вышли из правительства в тот момент, когда осенью 2008 года Ольмерт и Ливни согласились принять «концепцию Аннаполиса», предполагавшую с целью достижения окончательного урегулирования неадекватные, с точки зрения сторонников НДИ, уступки Израиля палестинским арабам. Именно этот ход, среди прочего, немало способствовал сохранению в глазах общественного мнения образа Либермана как «трезвого прагматика», несмотря на все усилия его личных и политических противников представить лидера НДИ в качестве «беспринципного политика».

В итоге опросы конца 2008 – начала 2009 годов показали, что эта линия Либермана оказалась достаточно успешной: более 60% тех, кто голосовал за НДИ на выборах 2006 года, и были головы сделать это снова и три с половиной года спустя, определяли себя в качестве «правонастроенных». Причем большинство из них были «удовлетворены» и «почти удовлетворены» поведением партии в Семнадцатом Кнессете¹⁰⁹.

Однако на практике идеологическая платформа НДИ в 2006–2009 годах вышла далеко за рамки описанной выше комбинации предложенной ее лидерами модели «нео-центризма» и акцентированно-правой риторики. Как можно заметить, Либерман и его сторонники практически стали первы-

¹⁰⁸ *Ynet*, 15.11.2006.

¹⁰⁹ Опросы агентств "Мутагим" (декабрь 2008 г.) и Shvakim-Panorama (январь 2009 г.).

ми, кто смог «поймать волну» так называемых «новых правых» настроений в израильском обществе и дать им адекватное партийно-политическое оформление. Этот процесс был связан с растущим в обществе раздражением, направленным против роста непопулярности израильских арабов и поведения их лидеров, которых многие израильтяне чем дальше, тем больше рассматривали в качестве «пятой колонны».

Подобные настроения подкреплялись многочисленными фактами: от радикально антиссионистских высказываний и прямой солидарности с арабскими террористами вождей Исламского движения Израиля (северное крыло которого в Израиле считается местным филиалом палестинского радикально исламистского террористического движения ХАМАС) до участия десятков израильских арабов в террористических атаках против израильских граждан в годы «Второй интифады». Кроме того, многие израильтяне идентифицировали ряд политических лидеров арабского сектора страны с враждебными режимами – Сирией, ливанской «Хизбаллой» и тем же ХАМАСом в Газе.

Радикализация взглядов израильских арабских элит привела к подвижкам во взглядах на этот сектор и прежде комплиментарно настроенных к нему членов леволиберальных израильских кругов, ранее, как правило, готовых немедленно поддерживать любые требования о продвижении равноправия и культурной автономии арабов в Израиле. Так, немало видных представителей этого лагеря с раздражением и разочарованием восприняли документ «Будущее палестинских арабов в Израиле», подготовленный Национальным комитетом глав арабских населенных пунктов в Израиле и Верховным наблюдательным советом арабов в Израиле, в котором арабские лидеры утверждали отсутствие у их сектора какой бы то ни было израильской идентификации и заявляли о своем несогласии со статусом Израиля как еврейского демократического государства¹¹⁰.

¹¹⁰ *The Future Vision of the Palestinian Arabs in Israel Report*. The National Committee for the Heads of the Arab Local Authorities in Israel, 12 January 2007. (www.adalah.org/newsletter/eng/dec06/tasawor-mostaqbali.pdf.) О реакции израильских арабов и евреев на этот текст см.: Eli Rekhless (Ed.). *The Future Vision of the Palestinian Arabs in Israel*. The Arab in Israel Update Series. – Tel-Aviv: The Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies and Konrad Adenauer Program for Jewish-Arab Cooperation; Tel-Aviv University, 7 April 2007, p. 13–19.

Не вызывает удивления, что опрос, заказанный Центром действий против расизма и проведенный в марте 2007 года агентством «Геокартография», показал, что почти 56% израильских евреев были уверены в том, что израильские арабы представляют угрозу демографическому балансу и безопасности государства. А 51% полагал нужным способствовать эмиграции арабов из Израиля. Эти цифры были намного выше результатов аналогичного опроса проведенного по той же методике годом ранее¹¹¹.

Соответственно, огромное число израильтян из всех сегментов политического спектра страны выражали солидарность с заявленной лидером НДИ темой «борьбы с непатриотичным поведением» лидеров «палестинцев 1948 года» (как предпочитают именовать себя многие арабы в Израиле) и «специфически арабскими» формами криминала, прежде всего наркоторговлей и незаконным захватом государственных земель. В итоге либермановская концепция обмена поселенческих блоков Иудеи, Самарии и Иорданской долины на районы внутри «Зеленой черты», плотно населенные израильскими арабами, ранее считавшаяся «ультраправой», стала восприниматься (если не на уровне практики, то на уровне символа), чуть ли не как часть «центристского мейнстрима».

Эта поддержка стала дополнительным стимулом для лидеров НДИ провозгласить лозунг «без лояльности нет гражданства», который был официально представлен в декабре 2008 года и стал одним из заметных явлений избирательной кампании в Кнессет. Смыслом этого лозунга было требование, чтобы условием предоставления или наличия израильского гражданства было признание гражданином еврейского демократического характера Израиля и готовность пройти военную или альтернативную гражданскую службу. Как известно, лидеры израильских арабов и евреев-ультраортодоксов и значительная часть членов этих секторов израильского общества решительно возражают против этих обоих положений, поэтому «антиарабская» и «антихаредимная» направленность этих лозунгов была очевидна.

Хотя далеко не для всех высших функционеров НДИ реализуемость обоих планов – «обмена территорией и населени-

¹¹¹ Цит. по: Yoav Stern. Poll found that half the Jewish population of Israel believe the state should encourage Arab migration // *Haaretz*, 26.03.2007.

ем» и лишения гражданства тех, кто не лоялен еврейскому демократическому характеру государства – была очевидна (что некоторые из них и признали в разговоре с автором этих строк), эти идеи стали привлекательными электоральными символами для очень многих светских и традиционалистски настроенных израильтян в умеренной части политического спектра страны. Как бы то ни было, по данным газеты «Маарив», лозунг НДИ «Без лояльности нет гражданства» за 4 дня до выборов считали правильным 69% израильтян.

Эти тенденции означали сдвиг идеологической дискуссии с тех или иных нюансов внешней политики на проблемы этнополитического размежевания и гражданскую проблематику. Поднимая эти востребованные обществом вопросы, Либерман по сути выступил в ипостаси «европейских правых», сочетая этот подход с «неоцентризмом» в израильском понимании идеологического спектра.

НДИ на выборах 2009 года

Вопрос, в какой мере эта новая «общенациональная» идеологическая платформа НДИ может вывести ее на качественно новый электоральный уровень, долгое время оставался открытым. Опросы показывали, что за исключением тех или иных колебаний, НДИ на протяжении всех послевыборных лет сохраняла свой 10–12-мандатный потенциал, однако в его структуре происходили серьезные изменения. К началу избирательной кампании в Кнессет 18-го созыва, как показал опрос, проведенный в декабре 2008 г. агентством «Смит консалтинг», НДИ пользовалась симпатиями примерно 60% тех, кто голосовал за эту партию в марте 2006 г.¹¹² (Примерно тот же итог показал и проведенный полутора месяцами ранее опрос Институтом «Мутагим»). Потери пришлось в основном на «социальный электорат» НДИ, полуторагодовое пребывание которой в коалиции Ольмерта оказалось недостаточным сроком, чтобы удовлетворить все или большинство запросов этих избирателей, а также тех «русских», которые с настороженностью приняли «неоцентристскую» платформу Либермана. Потери от «уплывающих» к другим правым партиям или в категорию не-

¹¹² Опрос Агентства "Смит консалтинг", 30.12.2008.

определившихся «русских» голосов покрывались за счет ивритоязычного электората, в первую очередь избирателей Кадимы. В результате доля коренных израильтян среди потенциальных избирателей Либермана выросла с 15–19% в 2006 до 30% в конце 2007 и начале 2008 года¹¹³.

Эта структура в целом была той же до конца избирательной кампании в Кнессет 18-го созыва 2008–2009 годов, причем к этому времени оба компонента потенциального электората НДИ заметно выросли. Однако для решения оперативных и перспективных стратегических задач лидера партии этого электората было явно недостаточно. Поэтому руководством партии были определены еще три целевые категории.

Первой из них были отошедшие от партии в силу ряда причин традиционные русскоязычные избиратели из числа сторонников «исторической НДИ» и бывших избирателей ИБА, поддержавших Либермана в марте 2006 г., задача возвращения которых решалась в рамках восстановления монополии НДИ на «общинном поле». На эту нишу в 2006–2009 годах появилось несколько соискателей, которые утверждали, что они лучше, чем лидеры НДИ смогут удовлетворить социально-вelfаристские потребности этой категории. Некоторые деятели, которых вдохновлял успех НДИ в марте 2006 г., полагая, что они в состоянии аккумулировать активность и интересы бывших функционеров и активистов ИБА и получить, по крайней мере, часть ее бывших мандатов, выдвинули идею новых «русских» партий, позиционирующих себя в «социально-центристской» части политического спектра.

Определенную заявку на создание такой партии, например, сделала Марина Солодкина, которая перешла во «внутреннюю оппозицию» в Кадиме. Она, по сути, предлагала восстановить организационную самостоятельность партии Израэль ба-алия, предъявив претензии одновременно на «русские» мандаты, которые получила на выборах Кадима, и на часть бывшего электората ИБА, который на выборах 2006 г. поддержал Либермана. Было не исключено и возобновление «отложенных»

¹¹³ Эту тенденцию показали 8 опросов, инициированных НДИ между сентябрем 2007 г. и декабрем 2008 г., и другие источники (например, опрос "Мутагим" 22 мая 2008). Этот факт также подтвердил на основании имеющихся у него данных в интервью автору депутат Кнессета от НДИ Стас Мисежников (Тель-Авив, июнь 2008).

электоральных амбиций бывшего директора правительственного Бюро по связям с евреями Восточной Европы (Натив) Я. Кедми и бывшего депутата Кнессета от ИБА, а затем блока МЕРЕЦ Р. Бронфмана. И особенно российско-израильского миллиардера и филантропа А. Гайдамака, партия которого «Социальная справедливость» могла переключить на себя, судя по опросам, едва ли не треть тогдашнего потенциала НДИ¹¹⁴. Наконец, на эти же голоса могли претендовать «русские партии-сателлиты» обще-израильских партий, если бы таковые, разумеется, появились до следующих выборов.

Но ни один из этих сценариев по-настоящему так и не реализовался. В том числе, этому способствовала и агрессивная кампания НДИ в ходе муниципальных выборов 2008 г., в ходе которой, помимо выдвижения своих кандидатов на пост мэров в 8 городах, еще в 44 НДИ был представлен список своих кандидатов в городские советы. Причем во всех случаях условием поддержки НДИ кандидата в мэры города от той или иной партии было присутствие в его команде «русских» имен. Этот ход был вполне эффективен: за муниципальные списки НДИ проголосовало около четверти миллиона человек – примерно столько же, сколько «русских» голосов партия получила на парламентских выборах 2006 г.

Это оставило у Либермана убеждение, что «русская улица у него практически в кармане» и можно главные ресурсы направить на завоевание ивритоязычного избирателя. Поэтому хотя в первую пятерку списка и ввели председателя Объединения выходцев из СССР/СНГ Софу Ландвер в качестве символа «общинных приоритетов» партии, однако другие «русские секторальные» политики, включая многих из тех, кто был избран от НДИ в Кнессет 17-го созыва, были отправлены в конец первой и во вторую десятку списка «зарабатывать себе мандаты» на «русской улице», для чего, по убеждению лидера, все условия им были предоставлены. Остальные верхние строчки в партийном списке Либерман зарезервировал за коренными израильтянами (например, бывшим послом Израиля в США Дани Аялоном и видным «ликудником» Узи Ландау, который как бывший лидер противников «размежевания» подтвердил претензии руководства НДИ на то, что именно она «является свет-

¹¹⁴ Опрос Института социологических исследований "Дахаф" по заказу "Едиот Ахронот", 22.11.2006 г.

ской правой партией в первоначальном смысле этого слова», а не Ликуд, который переживает, по убеждению Ландау, «поэтапный процесс утраты своей идентичности»¹¹⁵), либо «русскими» политиками, претендующими на общенациональный статус. То есть политиками, которые являлись символическими фигурами в глазах различных групп уроженцев страны и старожилов разного происхождения.

Наиболее перспективной группой в этом смысле по-прежнему были еще остающиеся в Кадиме избиратели ее правого фланга. Потенциальную глубину этого ресурса показало исследование, опубликованное в конце ноября 2008 г. радиостанцией «Решет Бет», согласно которому только треть избирателей, отдавших за Кадиму свои голоса в марте 2006 г., (в массе своей – бывшие «шинуйники», а перед этим – «мапайники-аводинцы») продолжали тогда поддерживать эту партию. А большинство проголосовавших за Кадиму «умеренно-правых шаронистов» (более четверти электората Кадимы 2006 г.) были намерены поддержать Ликуд, еще почти 20% отправились «на забор», став объектом небезуспешных усилий НДИ перенаправить часть этого потока в свою сторону.

Третьей целевой группой стали русскоязычные избиратели других общенациональных партий, на которых Либерман заявил претензии в качестве лидера «русской, но не секторальной партии». Эти действия явно шли вразрез с устоявшимися в 90-е гг. неписаными правилами игры, согласно которым «общеизраильские» элиты были готовы уступить секторальным вождям монополию на их «естественных избирателей» в обмен на их согласие не претендовать на большее, чем статус «младшего партнера», и не вторгаться в сферу «общенациональных интересов». Либерман же, нарушив оба пункта «конвенции», в свою очередь сам сделал сферу своего естественного доминирования (те самые 40–50% русскоязычных избирателей, которые теоретически предпочитают голосовать «за своих») также зоной «легитимных претензий» общеизраильских партий. Понятно, не всех, но только тех, кто был готов создать у себя сильное репатриантское крыло и демонстрировать «русский акцент» в своей деятельности. Список претендентов такого рода включал Кадиму, в меньшей степени ШАС и Аводу, но наибольший

¹¹⁵ Цит. по: Узи Ландау. Многие члены Ликуда последуют моему примеру и уйдут в НДИ // *izrus*, 20.11.2008.

потенциал в этом смысле был, естественно, у следующей наиболее вероятной партии власти – Ликуда, лидеры которого не преминули воспользоваться вновь открывшимися обстоятельствами.

Впрочем, Ликуд был главным соперником НДИ не только на «русском», но и на общеизраильском поле. В начале избирательной кампании «у разделительной линии» между НДИ и Ликудом имелось весьма пестрое 4–5-мандатное сообщество. На две трети оно состояло из умеренных правосоциальных бывших «русских» избирателей ИБА и Шинуя, в 2006 году разделивших свои симпатии между НДИ и Кадимой. Еще треть составляли бывшие избиратели Ликуда, испытывающие желание на этот раз поддержать НДИ, и члены «русского правого» крыла НДИ, которые разрывались между лояльностью «своей» партии и желанием привести Нетаньяху на пост премьера.

Проведенные во время избирательной кампании опросы подтвердили ощущения, что НДИ и Ликуд во многом боролись за одни и те же русско- и ивритоязычные группы, в основном в правоцентристской части политического спектра. Декабрьское 2008 года исследование общественных настроений израильтян показало, что лозунги, предложенные Либерманом в ходе избирательной кампании в 18-й Кнессет, привлекали сторонников и Ликуда, и НДИ почти в равной мере¹¹⁶.

Не случайно, по данным агентства «Шваким-Панорама» (январь 2009 г.), почти половина тех, кто поддержал НДИ в 2006 г. и был намерен сделать это снова, назвали Ликуд в качестве своей «второй электоральной опции»; в свою очередь, почти треть потенциальных избирателей Ликуда в качестве такой опции называли НДИ. И только считанные проценты опрошенных назвали в качестве «второй опции» все остальные партии. (Некоторое исключение составила только Кадима, которую, если бы можно было выбирать сразу два списка, поддержали бы по 12% потенциальных избирателей НДИ и Ликуда – косвенное свидетельство почти паритетного раздела между этими партиями голосов покинувших Кадиму «умеренных шаронистов»)¹¹⁷.

В практическом плане долгое время основной вектор движения на этом поле был направлен в сторону Ликуда. Сделав в начале кампании акцент на «ивритскую улицу» и выстроив таким образом свой список, НДИ начала было терять «русские»

¹¹⁶ Опрос Smith Consulting, 30 декабря 2008.

¹¹⁷ Опрос Shvakim-Panorama, январь 2009.

голоса в пользу Ликуда и (частично) других партий. По данным опроса Института Смита, Ликуд были намерены поддержать более 20% избирателей НДИ образца 2006 года. «Встречный поток» в НДИ из Ликуда и других правых партий первоначально был существенно меньшим, и в середине января НДИ опережала Ликуд только на 1,5–2 «русских» мандата¹¹⁸.

Столь ожидаемый лидерами НДИ прорыв произошел в первые недели 2009 года, когда уже устоявшаяся, казалось бы, к концу предыдущего года электоральная картина начала радикально меняться, впрочем, это коснулось не только НДИ. Причиной стала трехнедельная антитеррористическая операция «Литой свинец», проведенная ЦАХАЛом против боевиков ХАМАСа в секторе Газа. Эта операция вызвала у большинства израильтян двойственные чувства: восхищение блестяще организованной и ювелирно проведенной в военном отношении операцией и глубокое разочарование ее весьма невнятными политико-дипломатическими итогами. Как отмечалось, «позитивом» воспользовался министр обороны Эхуд Барак: возглавляемая им партия Авода, фракция которой в следующем Кнессете имела все шансы сократиться вполовину, а то и на две трети, смогла вернуть себе часть ушедших в другие левые партии голосов и вновь взмыла в опросах до 14–16 потенциальных мандатов.

Что же касается разочарования и возмущения решением правительства прекратить зачистку Газы «за двадцать секунд» до того, как окопавшийся там террористический режим радикальных исламистов должен был окончательно рухнуть, то эти чувства эффективнее других «абсорбировал» Авигдор Либерман. Рейтинг его партии стал расти на мандат-полтора в неделю и на момент проведения последних разрешенных к публикации опросов общественного мнения в феврале 2009 года составлял 18–20 мандатов. Это свидетельствовало о серьезной перестановке сил в правоцентристском лагере. И в частности, о том, что если раньше конкуренция НДИ с Ликудом шла в основном за неопределившихся избирателей, готовых взвесить и ту, и другую опцию (то есть Либерман укреплял позиции своей партии за счет голосов, которые «недополучал» Нетаньяху), то на финише кампании ситуация изменилась. В НДИ потянулись некоторые из тех, кто, казалось бы, уже сделал свой выбор

¹¹⁸ Опрос Smith Consulting, 10 января 2009.

в пользу Ликуда, причем таких, по разным оценкам, набиралось от двух до целых пяти мандатов.

Объяснить эти процессы только «эффектом Газы» невозможно, ибо несвоевременное решение правительства прервать операцию «Литой свинец» критикуют даже некоторые левые политики, а в правом лагере этого не делал только ленивый, хотя Либерман, наверное, выбирал для этого самые резкие выражения. Тот факт, что именно в этот момент начала приносить обильные политические дивиденды многолетняя критика Либерманом лидеров израильских арабов, нелояльных, по его мнению, Государству Израиль (ибо масса израильтян была крайне возмущена открытой солидарностью с ХАМАСом ряда арабских депутатов Кнессета), объясняет многое, но тоже не все.

Судя по всему, Либерман оказался в фокусе более общих процессов, к некоторым из которых он был причастен, а в отношении других просто «оказался в нужном месте в нужное время». Это позволило ему использовать наиболее оптимальным способом свои электоральные ресурсы, которые на выборах 2009 г. были представлены пятью основными элементами, каждый из которых привел к НДИ те или иные группы ее традиционных или новых избирателей. Первые три были уже обозначены выше. Это солидарное «общинное» голосование различных идеологических категорий выходцев из бывшего СССР, предпочитающих поддерживать «свою» партию; отходящие от Кадимы «вправо» и перенаправленные Либерманом к НДИ (вместо их традиционных партий – Ликуд и ШАС) «умеренные шаронисты» и русскоязычный электорат общенациональных партий, заявку на овладение которыми с целью изменения прежних «правил игры» сделал Либерман.

Четвертым ресурсом стало возрастание протестного потенциала израильского общества – как на социально-популистском уровне, так и по отношению к существующей системе распределения власти в целом. Практика показала, что в тех общественно-политических условиях Либерман смог освоить этот потенциал лучше, чем кто-либо другой. Как заметил руководитель избирательной кампании НДИ в 2009 году Джордж Бирнбойм, «Исразль Бейтену стала каналом, аккумулировавшим колоссальный потенциал накопившегося в обществе разочарования. Именно эти эмоции – разочарование и отвращение от всего, что здесь происходит, мы немедленно уловили

в ходе наших предвыборных опросов»¹¹⁹. Соответственно, Либерман стал символом интересов «периферийных» (как в социальном, так и физическом смысле) слоев и групп, часть из которых всерьез восприняла его призывы к реформе политических и экономических структур, благодаря которым «непривилегированные слои Израиля отчуждены от власти и собственности».

Этим, кстати, и объясняется неожиданный взрыв симпатии к Либерману со стороны многих сефардов-традиционалистов, которые обычно делили свои голоса между Ликудом, социально-популистской партией религиозных сефардов ШАС, правым флангом Кадимы и право-религиозными партиями. И решение полиции резко активизировать за две недели до выборов тянувшееся уже десять лет расследование по подозрению в совершенных Либерманом финансовых и административных нарушениях лишь придало импульс подобным настроениям в данных кругах. Характерно, что накануне выборов там все чаще сравнивали Авиغدора Либермана с Арье Дери, называя лидера НДИ единственным политиком, говорящим правду и за это преследуемым «ашкеназскими элитами». Дело дошло до того, что на исходе избирательной кампании в Кнессет 18-го созыва НДИ, согласно некоторым данным, могла получить 2–3 мандата за счет ШАС, формально являющейся ее политическим «антагонистом», что всерьез взволновало лидеров этого движения. Так, духовный лидер ШАС, ныне покойный раввин Овадия Йосеф счел нужным выступить с беспрецедентным предостережением своим последователям, заявляя, что «голосование за Либермана – это то же, что голосование за Дьявола». Эти декларации отчасти помогли ШАС удержать какое-то число ее «восточных еврейских» избирателей. Однако они же явно способствовали и тенденции сплочения вокруг НДИ русскоязычных и светских избирателей из числа коренного населения страны.

Наконец, вопреки распространенному стереотипу, Либерман в какой-то момент перестал быть «персоной нон-грата» и в кругах «широкого центра», ядро которого представлено большой группой из числа несколько поправевшего в свете последних событий ашкеназского среднего класса из благополучных городов центра страны. Многие из представителей этих групп, включая их ядро из числа членов «Первого Израиля», заявка на овладение которыми была ощутимо видна в лозунгах и тактике

¹¹⁹ Цит. по: Lily Galili. I explain – I don't apologize // *Haaretz*, 14.02.2009.

лидеров НДИ, полагают, что жесткая фразеология Либермана зачастую была лишь обрамлением довольно умеренных идей, которые вполне готов «купить» израильский «центристский мейнстрим». Как верно отметил ряд обозревателей, «Либерман говорил вслух то, во что чем дальше, тем больше верили многие из представителей этих групп, но не решались сказать об этом публично: что евреи и арабы более не могут нормально уживаться в одном государстве»¹²⁰. Показательна, например, статья о концепции Либермана, опубликованная в разделе «мнения» ведущей газеты израильских интеллектуалов «Гаарец» Алоном Лиэлем (который в свое время вел по поручению Барака переговоры о передаче Голанских высот Сирии в обмен на подписание мирного договора с правительством Асада-старшего).

Этот вроде бы резко критичный по замыслу материал завершается почти мечтательным пассажем, вполне выдающим сокровенные желания леволиберальных средних израильтян: «Согласно замыслу лидера НДИ, [в Израиле] арабов остаться не должно. И больше не придется нам с вами слушать призывы муэдзинов и ночные свадебные салюты. А арабы избавятся от необходимости петь "Атикву" и считать бело-голубой флаг своим. Никто, кроме председателя партии «Наш дом – Израиль», не предоставил бы израильским арабам независимости. И потомкам будет невдомек, что израильский политик пошел на этот шаг не от исключительной любви к арабам, а единственно из желания убрать их подальше с глаз долой»¹²¹.

Понятно, что эти тенденции были крайне важны для Либермана. Поддержка, которую ему была готова оказать даже небольшая группа умеренно левых старожилы из числа ашкеназской элиты страны, давала дополнительную и столь необходимую легитимацию его претензиям на национальное лидерство.

Новые идейные и политические дилеммы НДИ

В результате всех этих тенденций НДИ по итогам выборов 2009 года значительно увеличила представительство в парламенте страны, завоевав 15 мандатов, что было несколько

¹²⁰ Robert O. Freedman. The Liberman Factor // *Middle East Strategy at Harvard*, 31.03.2009.

¹²¹ Alon Liel. The Herzl of the Israeli Arabs // *Haaretz*, 6.11.2006.

меньше тех 17–18 мандатов, которые давали партии последние перед выборами прогнозы, но все же на 4 больше, чем она получила в 2006 году. Похоже, что большая часть «недополученных» мандатов пришлась на потенциальных сторонников Либермана из числа коренных израильтян, некоторые из которых в конечном итоге выбрали другие партии. Что же касается русскоязычных избирателей, то к моменту выборов этот потенциал был уже полностью «освоен» и стабилизирован, и лишь на самом финишном рывке Ликуд и, возможно, Кадима сумели отвоевать у НДИ один (или чуть больше) «русский» мандат из числа колеблющихся.

Таким образом, из общего числа в 15 мандатов примерно 10, то есть 2/3 голосов были завоеваны в «русском» секторе. Это означает, что НДИ в абсолютных цифрах практически сохранила свой русскоязычный потенциал, полученный в 2006 году и на муниципальных выборах 2008 года, но состав этого корпуса избирателей претерпел немалые изменения. На этот раз он включал и тех русскоязычных, которые проголосовали за НДИ как наиболее реальную «русскую» секторальную силу, и тех, кто видел в ней «израильскую партию с русским акцентом», а также тех, кто поддержал программу партии и ее лидера вне всякой связи с ее этническим контекстом.

Успех НДИ был обеспечен удачным сочетанием общенациональных и секторальных мотивов в ее пропаганде, эффектом «сильного лидера» (НДИ на всех этапах предвыборной кампании воспринималась прежде всего как «партия Либермана»), аккумулировавшего немалое число как общеизраильских, так и «русских» протестных голосов, а также мощной муниципальной базой.

Сам Либерман вполне мог видеть этот результат как этап на пути к реализации его главной цели – рано или поздно сделать свою партию правящей, а себя – премьер-министром страны. Этап важный, но промежуточный – тем более, что в 2009 году НДИ вновь заняла нишу «партии центра», пусть и в ее «модифицированном», нецентристском варианте. А эта ниша, как мы уже не раз отмечали, в израильских условиях релевантна для практически любого движения не более, чем на две каденции. Потому 2009–2013 годы, когда НДИ была частью правительственной коалиции, а Либерман – главой МИД во втором правительстве Биньямина Нетаньяху, были для лидера партии и его соратников периодом поиска нового политического амплуа.

Что касается идеологии, то причудливая, почти «постмодернистская» комбинация неоцентристских идей и «новых правых» настроений «европейского типа», обранных набором классических праворевизионистских ценностей, доказала свою эффективность и по всем признакам обещала быть актуальной в среднесрочной, а возможно, даже и в долгосрочной перспективе. Такая сложная конструкция, имея свои неизбежные издержки, в принципе, оставляла довольно широкий простор для политического маневра сообразно меняющемуся политическому контексту. Именно этот меняющийся контекст позволял главе НДИ в одном случае предложить премьер-министру принять план «Дорожная карта» за основу политики нового правительства, как Либерман сделал накануне своего первого зарубежного турне в качестве министра иностранных дел Израиля¹²², утверждая в других случаях, что единственной реальной альтернативой исчерпавшей себя идее создания государства палестинских арабов на базе ПНА является предлагаемый им «план кантонизации» Иудеи и Самарии. Требовать немедленно покончить с исламистским анклавом в секторе Газа и одновременно поддерживать идеи Нетаньяху «управления кризисом в Газе без управления Газой». Равно как продвигать антихарединский и «антиарабский» в основе своей «Закон о лояльности» и одновременно поддерживать идею диалога с ультраортодоксальным сектором с учетом его политических интересов.

Иными словами, этот идеологический набор позволял делать любые акценты и контroversальные заявления, коль скоро они укладывались в рамки этой общей схемы, без особой угрозы для имиджа партии и ее лидера. Так, один из опросов, исследовавших реакции израильтян на заявления Авигодора Либермана о том, что он не исключает урегулирования по модели «два государства для двух народов», показал: хотя это высказывание «приятно удивило» 16,6% респондентов и примерно столько же разочаровало или «насторожило», более половины из них заявили, что их мнение о Либермане это не изменило. (Понятно, это может означать что угодно – от полного доверия ему как лидеру, что бы он ни говорил и ни делал, до полной уверенности в том, что Либерман «центрирует» исключительно «для отвода глаз»). А другой опрос, проведенный в мае 2009 года, показал, что «Закон о лояльности», внесенный от

¹²² Радио "Галей ЦАХАЛ", 7 июня 2009.

имени НДИ членом Кнессета Давидом (Дуду) Ротемом, поддерживали 66% израильтян и лишь 25% считали его тогда «расистским». Причем 67% (против 28%) респондентов полагали, что он имеет равное отношение как к евреям, так и арабам¹²³.

То есть проблема была не в моделях тактического поведения, а в трансляции партийной идеологии в соответствующие оперативные стратегии, призванные на первом этапе трансформировать возможно большую часть привлеченных на выборах 2009 года голосов в часть твердого ядра НДИ. А затем – резко расширить избирательную базу этой партии за счет инфраструктуры и/или электората «партнеров-соперников» НДИ по правому и центристскому лагерю.

Было понятно, что для выполнения этой цели простого линейного наращивания почти несвязанного между собой «русского общинного» и «несекторального» электората НДИ было уже недостаточно. Причем было не исключено, что лимит этих ресурсов при их простом параллельном сосуществовании был, возможно, уже достигнут. Имея в виду это обстоятельство, Либерман и его соратники в принципе могли выбрать одну из трех стратегий.

Первая – это окончательная трансформация НДИ в общенациональную правоцентристскую партию, платформа которой, за ненадобностью, уже не делала бы никаких специальных акцентов на «русские» общинные интересы (либо передала бы эту тему специально созданной для этой цели «секторальной партии-спутнику» НДИ).

Другим путем мог быть план трансформации НДИ в «платформу институционализированного социального протеста», сделав ее лидера вождем всех «обиженных и угнетенных» и вечным несистемным оппозиционером, вместо «игры по правилам» ждущим возможности призвать народ к «революционному перераспределению власти». (Именно этим путем, который имеет немало примеров в истории, на «русской улице» в 2007–2009 гг. пробовал, без особого, впрочем, успеха, пойти русско-израильский «олигарх» Аракадий Гайдамак)¹²⁴.

¹²³ Опрос Агентства "Панельс" для Второго канала ТВ Ираиля. Цит. по: *Ynet*, 1.06.2009.

¹²⁴ См. Владимир (Зеэв) Ханин. Феномен Гайдамака: опыты израильской политики новейшего времени // *Ближний Восток и современность*. Вып. 37. М., 2008. – Сс. 356–369.

Наконец, попробовать найти более гомогенную комбинацию партийного общенационального и общинного имиджа, попытавшись поставить «товар», который, с одной стороны, будет несомненно востребован на быстро «израилезирующемся» рынке «русской» общины страны, а с другой, будет с пониманием воспринят сторонниками Либермана из других секторов общества. К примеру, превратить НДИ в партию, которая сможет сделать для выходцев из бывшего СССР то, что МАПАЙ/Авода двумя поколениями раньше сделала для выходцев из Польши, Ликуд – поколением раньше для выходцев из стран Востока, и в каком-то смысле, Компартия/ХАДАШ для израильских арабов. А именно, дать общенациональную легитимацию коллективным интересам и ценностям русскоязычных израильтян.

Выбор этой третьей модели толкал бы Либермана по пути, который в свое время прошел Менахем Бегин, который сумел одновременно сделать – и органично сочетать – три вещи. Во-первых, сохранив «общинно-идеологическое» содержание возглавляемого им движения ревизионистов Херут, сделать его ядром широкого социально-либерального блока. Во-вторых, использовать изменение политических и экономических пристрастий израильского среднего класса. И в третьих, обеспечить массовую поддержку евреев-выходцев из стран Азии и Африки, которые длительное время находились на периферии израильской общественной, экономической и политической жизни. Если заменить «сефардов» на «русских» (или добавить первых ко вторым), то такая схема могла подойти и НДИ. Понятно, что в этом случае она не являлась бы ни оппозицией, ни, тем более, альтернативой Ликуду, а напротив, стороной, заинтересованной в долгосрочном «конкурентном» сотрудничестве с сильной партией власти. В сущности, именно этим лидеры НДИ и были в основном заняты в 2009–2013 годах.

Часть 2.

ПАРТИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИЗРАИЛЕ: ОПЫТ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В КНЕСЕТ 19-го СОЗЫВА (сентябрь 2012 – январь 2013 гг.)

Глава 6.

ХРОНИКА НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Избирательная кампания в Кнессет 19-го созыва, как это часто бывает в Израиле, началась задолго до формального объявления решения о досрочном роспуске парламента и оглашения даты новых выборов. Это случилось в начале мая 2012 года, когда уже довольно давно ходившие разговоры о возможных досрочных выборах в Кнессет обрели зримую форму.

О том, что Кнессет и правящая коалиция в своем тогдашнем составе находятся «на пределе своих возможностей» в тот момент почти одновременно высказались премьер-министр и лидер правящей партии Ликуд Биньямин Нетаньяху, и глава МИД и лидер главного коалиционного партнера Ликуда – «израильской с русским акцентом» НДИ Авигдор Либерман. При этом реальных причин разваливать коалицию, которая на протяжении трех с половиной лет достаточно удачно обходила все «подводные рифы», вроде бы не просматривалось.

Политический кульбит

Правящая коалиция, которая была сформирована в Израиле по итогам выборов в Кнессет 18-го созыва в феврале 2009 года, несмотря на все большие и малые потрясения, долгое время демонстрировала беспрецедентную для израильской политики последних, как минимум, двух с половиной десятилетий выживаемость. Костяк этой коалиции тогда образовали три правоцентристских движения: упомянутые Ликуд и НДИ, а также партия сефардов-традиционалистов ШАС. В состав коалиции вошли также «правое» по своей идеологии движение религиозных сионистов «Еврейский дом» (ЕД) – «Новый МАФДАЛ», а также блок ашкеназов-ультра-ортодоксов «Еврейство Торы» (ЕТ)

и умеренно левая Партия труда (Авода), а после ее выхода из коалиции – отколовшаяся от нее «центристская» фракция Ацмаут.

Единственной фракцией правого лагеря, оставшейся за пределами коалиции, был блок «Национальное единство», а левую оппозицию правительству составлял леворадикальный МЕРЕЦ и три формально входящие в левый лагерь арабские партии – коммунистическая ХАДАШ, исламистская РААМ-ТАЛЬ и радикально-антисионистская БАЛАД. Крупнейшей же оппозиционной фракцией была в прошлом «центристская», но, как отмечалось, с момента своего создания в 2005 году сильно «полевевшая» Кадима.

Как показал опыт, лидерам коалиционных партий и блоков долгое время удавалось находить *modus vivendi* по поводу большинства вызовов, с которыми политическому руководству Израиля пришлось иметь дело за прошедшие три с лишним года. Найденный баланс интересов и сравнительно высокая коалиционная дисциплина во многом обеспечили возможность правительству предпринять ряд эффективных стратегических и оперативных шагов. Так, правительственный кабинет сумел, вопреки прогнозам скептиков, выстоять перед беспрецедентным давлением США на «палестинском треке», равно как и собрать общественную поддержку под свои усилия по противодействию иранской ядерной угрозе. Военно-политическое руководство страны сумело, по крайней мере на этом этапе, стабилизировать ситуацию вокруг сектора Газа, прочертив «красные линии», которые исламские фундаменталисты из правящего в секторе террористического движения ХАМАС долго не решались перейти, и закрепило эту ситуацию в ходе удачно проведенной ЦАХАЛом в конце 2012 года в секторе антитеррористической операции «Облачный столп».

Правительству также удалось в 2009–2011 гг. реализовать пакет экономических мер, благодаря которым Израиль, несмотря на мировой финансовый кризис, остался «островком стабильности» по сравнению с другими экономически развитыми странами Запада. Наконец, израильскому руководству, хотя и не без потерь, удалось (пусть и на время) погасить прокатившуюся по стране летом 2011 года волну социальных протестов. При этом члены оппозиционных партий, и в первую очередь крупнейшей из них – Кадимы, по сути, все это время не предлагали никакой реальной стратегической альтернативы

ни на палестинском, ни на иранском, ни на (до последнего времени) социально-экономическом поле. (Не упуская, разумеется, случая остро критиковать правящий кабинет за те или иные неудачные тактические шаги).

Именно поэтому правящая коалиция имела, как казалось, все шансы впервые за последние 25 лет и всего лишь в пятый раз за всю историю страны пробыть у власти отведенный законом четырехлетний срок. У экспертов были, разумеется, сомнения, что следующие выборы состоятся в формально обозначенное время – ноябрь 2013 г. (то есть, не через 48, а 57 месяцев после предыдущих выборов, поскольку они были проведены досрочно). Бюджет 2013 года, который должен был начать обсуждаться в конце лета 2012 года, в этом случае по определению становился бы предвыборным, обо что неоднократно «ломались» предыдущие правительства, и потому январь-март 2013 года многим (в том числе, и автору этих строк) казался реальным периодом для проведения электоральной кампании в Кнессет 19-го созыва что, в конечном итоге, и произошло.

Но довольно неожиданно, начиная с января 2012 г. представители различных политических кругов стали сначала осторожно, а затем все активнее говорить о том, что очередные внеочередные выборы в Кнессет уже не за горами. Собственно, начало процессу положил сам премьер-министр, по настоянию которого – и неожиданно для многих его однопартийцев перевыборы председателя Ликуда (праймериз) были проведены уже в начале февраля т. г., то есть задолго до обусловленного уставом и ранее согласованного срока. Именно тогда обозреватели стали говорить о том, что Нетаньяху взял курс на досрочный роспуск Кнессета. В следующие месяцы лидеры различных политических фракций – как оппозиционных, так и некоторых правительственных – стали один за другим утверждать, что Кнессет и правящая коалиция в своем нынешнем составе якобы исчерпали свои возможности и самое время поинтересоваться мнением избирателей.

Формальный повод досрочного роспуска Кнессета – близящееся обсуждение предложенной НДИ новой версии т.н. «Закона Таля» (определявшего порядок освобождения от армейской службы студентов ортодоксальных йешив и стимулирования выхода ультрарелигиозного населения на рынок труда) – выглядел именно поводом. Ибо явно не являлся критическим препятствием для того, чтобы партнеры по право-центристскому правительству

и на этот раз, как бывало и в прошлом, выработали взаимоприемлемый вариант закона. Тем не менее, Нетаньяху, руководствуясь своими соображениями, разные версии которых были изложены нами в других публикациях¹²⁵, предпочел воспользоваться ситуацией и дать «зеленый свет» избирательной кампании.

Что касается Кнессета, то там, если верить опросам общественного мнения тех недель и месяцев, имелись единичные партии, такие как Партия труда (Авода), которым скорейшие пере выборы теоретически могли быть выгодны, были и такие, которым досрочные выборы были решительно не нужны (Кадима и отчасти ШАС), но у основной массы коалиционных и оппозиционных партий не было причин ни опасаться выборов, ни особой нужды их торопить.

Однако при возникшей политической динамике лидеры как оппозиционных, так и правительственных фракций вне зависимости от их реального желания идти на выборы именно сейчас не могли остаться в стороне, и последующие дни наперебой предлагали разные даты для досрочных выборов. Впрочем, и в этом случае победил премьер-министр: досрочные выборы в Кнессет 19-го созыва были назначены на ту дату, которая ему представлялась наиболее удобной – 4 сентября 2012 года. В переносном смысле можно было сказать, что «электоральный поезд» уже отходил от платформы и, казалось, уже невозможно найти человека, у которого достало бы политической воли, чтобы «сорвать стоп-кран».

Этот человек, однако, нашелся, и им оказался не кто иной, как сам премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху. Когда утром 8 мая 2012 года израильтяне проснулись в полной уверенности в том, что шедшее всю ночь обсуждение законопроекта о досрочных выборах завершилось и остался сугубо формальный акт – принять этот закон во втором и третьем чтении и распустить парламент на время избирательной кампании, их ждал сюрприз. Выяснилось, что 4 сентября досрочных выборов не будет, ибо Нетаньяху в «самый последний момент» сумел прийти к соглашению с лидером оппозиции, главой обладавшей тогда крупнейшей фракцией в Кнессете партии Кадима (28 депу-

¹²⁵ Владимир (Зеэв) Ханин. Расстановка политических сил в Израиле в перспективе возможных досрочных выборов в Кнессет 19-го созыва. – М.: *Институт Ближнего Востока*, 5.05.2012, <http://www.iimes.ru/?p=14670>

татов) Шаулем Мофазом о создании «правительства национального единства».

Зачем же им понадобился подобный политический кульбит? Официальная версия событий, озвученная приближенными главы правительства и лидером оппозиции, что этот их нетривиальный шаг был продиктован «национальной ответственностью и необходимостью скорейшей стабилизации политической ситуации в стране», мало кого в Израиле впечатлила. Ибо буквально несколькими часами раньше те же политики ровно теми же словами убеждали общественность в том, что для достижения именно этой цели есть неотложная необходимость проведения «быстрых досрочных выборов».

Согласно другой версии, представленной СМИ председателем парламентской коалиции Зеэвом Элькиным, именно в ночь на 8 мая в переговорах между лидерами Ликуда и Кадимы произошел «прорыв», и Мофаз, который буквально накануне не исключал даже теоретическую возможность сотрудничества с Нетаньяху, «вдруг» согласился войти в коалицию на условиях, которые не готова была даже обсуждать его предшественница Ципи Ливни. И премьер-министр просто не мог не воспользоваться случаем «за весьма умеренную плату» пополнить коалицию и получить поддержку 28 мандатов, представляющих левоцентристскую часть политического спектра, что дает ему возможность предпринимать те или иные рискованные, но необходимые, по его мнению, внутри- и внешнеполитические шаги. Все это вполне логично, за исключением одного: при наличии тогдашних политических тенденций в случае проведения 4 сентября, как было запланировано, досрочных выборов, Нетаньяху все равно имел бы эти мандаты в своей новой коалиции. Но не в рамках единой партии во главе с переменчивым и амбициозным политиком, а расколотые на два или три парламентских списка, что давало бы намного большую свободу для политического маневра.

Третья версия связана с неожиданным афронтом, который Нетаньяху получил на состоявшейся 7 мая чрезвычайной конференции собственной партии Ликуд, на которой премьер объявил о проведении досрочных парламентских выборов. Сорвав громкие аплодисменты делегатов (они же – полный состав пленума ЦК партии), Нетаньяху удалился, поручив своим приближенным вынести на голосование совершенно маргинальный, как казалось многим, вопрос – утверждение Нетаньяху

временным председателем этого органа, который и будет определять структуру списка кандидатов Ликуда на следующих выборах в Кнессет. Соперником Нетаньяху в борьбе за этот пост был депутат Кнессета и председатель Всемирного движения Ликуд Дани Данон, который считается одним из «спикеров» правого крыла партии и который неоднократно заявлял, что опасается того, что некоторые действия Нетаньяху могут способствовать «скольжению Ликуда влево».

В случае открытого голосования, как на том настаивал премьер-министр, при всей своей популярности Данон не имел против Нетаньяху почти никаких шансов, но делегаты съезда неожиданно потребовали именно тайного голосования, в силу чего сторонники премьера предпочли отложить его до следующей конференции. По мнению некоторых комментаторов, именно это обстоятельство заставило советников Нетаньяху задаться вопросом, в какой мере он, борясь за голоса «умеренного центра» (без чего стать премьер-министром в Израиле весьма сложно), может быть уверенным в гарантированной поддержке собственных «партийных тылов». Вопрос отнюдь не праздный в свете веса, который в инфраструктуре Ликуда приобретают правые фракции типа группы «Еврейское руководство», лидер которой Моше Фейглин, выступая на праймериз против Нетаньяху, набрал почти четверть голосов членов партии. А кроме того, некоторые ликудовские министры, возглавлявшие влиятельные внутрипартийные «кланы», в свете этих тенденций считали необходимым продемонстрировать свою приверженность «классическим праворевизионистским ценностям», некогда составлявшим идеологическую основу организационного ядра Ликуда — движения идейных наследников Владимира (Зеэва) Жаботинского Херут.

Если все это так, то Нетаньяху действительно, прежде чем давать старт процессу досрочных выборов, стоило попытаться «навести порядок» в собственном доме. Тем более, что вынесенное буквально в те же дни постановление Высшего суда справедливости обязывало правительство снести дома квартала Гиват а-Ульпана в еврейском поселении Бет-Эль в Самарии. Выполнение этого постановления, как и попытка уклониться от него, пришлось бы точно на начало избирательной кампании, грозя Нетаньяху либо, соответственно, «обвалом» правого фланга его сторонников, либо проблемами в столь нужном ему «умеренном центре».

Дилеммы лидеров оппозиционной партии

Что же касается Шауля Мофаза, то его мотивы присоединить Кадиму к коалиции понять нетрудно. Глубокий кризис, в котором оказалась эта партия, в немалой степени был связан с «архитектоникой» этой организации, в свое время сконструированной Ариэлем Шароном из различных фракций «умеренного центра» именно в качестве «президентской (точнее, «премьерской») партии власти» и абсолютно неприспособленной для нахождения и деятельности в оппозиции. Именно поэтому, оказавшись в оппозиции после выборов 2009 г., эта партия стала постепенно, но уверенно разваливаться на составляющие. Рейтинг Кадимы на протяжении всего периода после выборов стабильно падал, а проводившиеся перед сделкой с Ликудом опросы предсказывали, что ее фракция в новом Кнессете будет насчитывать в лучшем случае не более трети от того состава, который она имела по итогам выборов 2009. Остальные ее избиратели предполагали либо «вернуться» в свои прежние левые и левоцентристские партии, либо поддержать новую «надежду» израильских левых — накануне сформированный список Яира Лапида «Еш Атид» («Есть будущее»).

Вина за это, как отмечалось выше, была возложена на предшественницу Мофаза Ципи Ливни, ибо под ее руководством партия так и не смогла представить внятную альтернативу правящей правоцентристской коалиции ни в одном из критичных для израильского общества внешнеполитических, социально-экономических или гражданских вопросов. Причем достаточно скоро выяснилось, что падение поддержки Кадимы затронуло не только недавно привлеченный бывший электорат левых партий и остатки приведенных в Кадиму Шароном «умеренных ликудников». Но, что еще важнее, и ее «твердое электоральное ядро», основу которого составляли бывшие избиратели поглощенной Кадимой в момент ее создания левоцентристской «антиклерикально-рыночной» партии Шинуй, в массе своей — выходцы из кругов, некогда связанные с МАПАЙ/Аводой, но уже многие годы по разным причинам не голосующие за эту партию.

Понятно, что для Шауля Мофаза, переигравшего в марте Ципи Ливни под лозунгом «поднять партию из руин» и вернуть

ей статус правящей, было критически важным, как минимум, остановить, а в идеале – повернуть вспять этот отток голосов. То есть убедить этих избирателей в том, что он готов удовлетворить их социальные, гражданские и политические запросы эффективнее, чем любая из конкурирующих с Кадимой партий.

Однако и через два месяца после столь удачных для Мофаза праймериз опросы показывали, что изменения в тенденции быстрого снижения электорального рейтинга партии так и не произошло. Поэтому большинство членов фракции Кадимы, особенно те, которые при сохранении тогдашних тенденций имели бы весьма призрачный шанс продолжить свою политическую карьеру в следующем составе высшего законодательного органа, встретили известие об отмене досрочных выборов и вступлении их партии в правящую коалицию с нескрываемым восторгом.

Впрочем, были и те (в массе своей сторонники потерпевшей поражение и покинувшей Кнессет Ципи Ливни), кто резко возражал против участия Кадимы в коалиции. И хотя в первый момент никто из членов фракции не голосовал против присоединения к правительству (воздержался лишь один депутат, Роберт Тивьяев), уже через несколько дней в партии возникла группа «повстанцев», публично отказавшаяся соблюдать фракционную и коалиционную дисциплину.

Одновременно выяснилось, что столь же неоднозначно и мнение широкой израильской общественности. Когда через несколько дней после сделки Ликуда и Кадимы были опубликованы опросы общественного мнения, выяснилось, что более 40% израильтян поддерживают идею «правительства национального единства» и отмену досрочных выборов, около 40% – не поддерживают, а остальные затрудняются дать однозначную оценку того, что случилось в ночь на 8 мая. Причем, как стало понятно, среди противников нового варианта коалиции оказалось и немало бывших избирателей Кадимы, прежде всего из числа «привлеченного в 2009 г. бывшего электората» левых и леворадикальных партий. И потому уже в тот момент многие комментаторы были готовы предположить, как это иронично сделал политический обозреватель радио «Голос Израиля – Решет Бет» Ханан Кристалл, что при сохранении этих тенденций «члены Кадимы еще будут с ностальгией вспоминать о тех 10–12 мандатах, которые им обещали опросы накануне вступления в коалицию».

Тем не менее Шауль Мофаз в отличие от своей предшественницы изначально был сторонником участия Кадимы в коалиции Б. Нетаньяху и предпочел игнорировать все эти негативные прогнозы, коль скоро для него вступление его партии в правительство означало в тот момент возможность если не избежать, то, по крайней мере, отсрочить собственную политическую катастрофу. И потому он воспользовался первым же «серьезным предложением» премьер-министра о партнерстве. В итоге 7 мая 2012 года Кадима формально вошла в правящую коалицию, «принимая на себя все ее основные принципы».

Согласно достигнутой договоренности, Мофаз стал вице-премьером и членом «узкого кабинета безопасности», а также остальных закрытых правительственных форумов, а его партия получила руководство еще двумя ключевыми парламентскими комиссиями – финансов и экономической – в дополнение к уже имеющимся (включая комиссию по иностранным делам и обороне). Параллельно было объявлено, что Кадима присоединяется к правительству на основании соблюдения четырех требований: утверждения закона о всеобщем призыве, изменения системы правления, утверждения «ответственного и социально ориентированного» бюджета на 2013 год и попытки возобновления переговоров с палестинскими арабами.

Нетрудно заметить, что каждая из этих тем в тот момент являлась политически востребованным сюжетом как в обществе в целом, так и в кругах, в которых Кадима в 2006 и 2009 гг. получала основную электоральную поддержку и где она, как отмечалось, на протяжении всей прошлой каденции Кнессета «обвально» упускала голоса. Получив пост первого вице-премьера и перспективу выделения ряда весомых министерских портфель для членов своей фракции в ближайшем будущем, Кадима теоретически приобрела немалую возможность активно влиять на решение этих и иных вопросов внутри правительства. И потому не вполне понятно, почему Мофаз вдруг вывел свою партию из коалиции два с половиной месяца спустя.

Лабиринты «Закона Таля»

В качестве основной причины большинство обозревателей называет провал деятельности комиссии во главе с приближенным Ш. Мофаза, депутатом Кнессета от Кадимы Йохананом

Плеснером, назначенной для разработки проекта реформы т.н. «Закона Таля», регулятора порядка освобождения ультраортодоксов (т.н. «харедим») от обязательного призыва в Армию обороны Израиля (ЦАХАЛ), который действует в отношении всех остальных групп еврейского (светские, «традиционалисты» и религиозные сионисты) и некоторых групп нееврейского (друзы, черкесы и часть бедуинов) населения. Создание комиссии по его пересмотру стало ответом на популярный ныне в Израиле лозунг «равенства обязанностей граждан в несении налогового и армейского бремени».

Эту популярность, в частности, регулярно фиксирует, среди прочих, и так называемый «Индекс взаимоотношений государства и религии» (Israel Religion and State Index), публикуемый на основании опросов, проводимых Институтом Смита по изучению общественного мнения по заказу Ассоциации за религиозные свободы и равенство «Хидуш» ("Hiddush association for religious freedom and equality"). Опубликованный в 2012 году, уже четвертый по счету опрос показал, что 34% еврейского населения страны (включая 48% светских евреев) считают, что ультраортодоксы, как и все, обязаны служить в ЦАХАЛе полный срок. Еще 22% полагают, что они, по крайней мере, должны призываться на альтернативную или гражданскую службу, а 17% опрошенных выступают за установление квот освобождения от призыва для наиболее способных учеников религиозных учебных заведений. И только 17% респондентов в среднем по выборке (против 91% в ультраортодоксальном секторе) считают возможным оставить все, как есть¹²⁶. Не случайно эта тема оказалась «поднята на щит» целым рядом политических и общественных движений.

Хотя «Закон Таля» был принят только в 2005 году, сама по себе концепция освобождения ультраортодоксов от военной службы, которая, по их мнению, несовместима с образом жизни этой группы населения (а точнее, «отсрочки» от призыва студентов религиозных учебных заведений – ешив и колелей, где большинство из них учится долгие годы), была принята еще на заре создания Государства Израиль в соответствии с возникшим тогда же принципом «светско-религиозного статус-кво». В те же годы принцип автоматического освобождения от

¹²⁶ См.: Kobi Nahshoni. Poll: 83% – end haredi military exemptions // *Ynet*, 16.09.2012.

призыва был введен в отношении арабов-граждан Израиля. И многие десятилетия большинство израильского общества это устраивало. Что же случилось в тот момент?

Помимо отмеченных политических обстоятельств свою роль играли и демографические процессы, резко меняющие исходные условия, в которых в конце 40-х – начале 50-х гг. были приняты основные принципы «светско-религиозного статус-кво». Израильская пресса неустанно напоминает гражданам, что если во времена первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона, который и подписал упомянутое соглашение с лидерами религиозного ортодоксального блока «Агудат Исраэль», освобождение получили всего 400 религиозных евреев, целиком посвятивших себя изучению Торы, то к 2010 году общее число пользующихся «отсрочкой» достигло уже 62 500 человек. То есть если с момента провозглашения Государства Израиль население страны выросло в 12 раз, то число учеников йешив и колелей, пользующихся освобождением от службы в армии, увеличилось за это же время в 150 раз. В общей сложности в ЦАХАЛе служат лишь 50% молодых израильтян призывных возрастов (включая мужчин и женщин, арабов и евреев). В еврейском секторе сегодня в армию не идет каждый восьмой молодой человек, но если все останется по-прежнему, то по прогнозам ЦАХАЛа, к 2023 году в йешивы отправится уже каждый четвертый потенциальный призывник¹²⁷.

У этой проблемы имеется и социально-экономическая сторона. По существующему порядку «отсрочка» от призыва полагается студентам ультраортодоксальных училищ – йешив и религиозных школ для женатых мужчин – колелей, на все время, пока они полностью посвящают себя изучению Торы. Поскольку они официально не работают, им также полагаются выплаты по обеспечению прожиточного минимума от Института национального страхования «Битуах леуми». Так как существовать на эти весьма скромные выплаты многодетным, как правило, семьям довольно сложно, многие из студентов йешив и колелей подрабатывают «по-черному». Ибо официально трудоустроившись и, следовательно, прекратив отдавать все свое время только учебе, те из них, кому еще не исполнилось 28 лет,

¹²⁷ См.: Как работает Закон Таля – тревожная статистика // Израильские новости – Israel-info.ru, 08.02.2012.
(<http://news.israelinfo.ru/technology/40058>).

по старой версии «Закона Таля» подлежат немедленному призыву в ЦАХАЛ, чего ультраортодоксы стараются избежать. Тем самым они, по мнению критиков подобного феномена, не участвуют в «справедливом распределении гражданского бремени» дважды – не только не призываясь в ЦАХАЛ, но и недостаточно участвуя в формировании доходной части бюджета.

Эти тенденции не первый год беспокоят многих израильтян, но в первую очередь именно политический контекст 2012 года придал им столь заметное общественное звучание. Поэтому когда в феврале Верховный суд справедливости БАГАЦ (который, как известно, выполняет в Израиле роль высшей «конституционно-апелляционной инстанции») постановил, что действие этого закона истекает 31 июля 2012 года, сразу несколько партий сделали заявку на «лидерство» в данной теме.

Фаворитом в этом смысле оказался главный (до и после участия Кадимы в правительстве Нетаньяху) коалиционный партнер Ликуда – партия НДИ Авигодора Либермана, которая уже в конце марта того же года внесла в секретариат Кнессета законопроект о всеобщей армейской и альтернативной службе. Отметим, что НДИ изначально требовала отмены принципа автоматического освобождения от призыва в ЦАХАЛ евреев-ультраортодоксов и израильских арабов и практически с начала каденции добивалась, по словам ее представителей, согласия премьер-министра на выполнение этого пункта коалиционных соглашений. Считается что именно разногласия Нетаньяху, не желающего терять поддержку ультрарелигиозных партий, и Либермана по этому вопросу и были формальным поводом для решения премьер-министра распустить Кнессет и назначить на 4 сентября 2012 года досрочные парламентские выборы, от которых он, в конечном итоге отказался, договорившись с Мофазом о вступлении Кадимы в коалицию.

Для Нетаньяху ввести в правительство Кадиму, поручив ее представителям возглавить комиссию по реформе «Закона Таля», в тот момент выглядело беспроектным ходом, ибо он перехватывал у Либермана его бесспорную на то время инициативу в этой общественно резонансной теме и тем самым записывал на свой счет немалый политический кредит. Можно было говорить о сокращении удельного веса партии НДИ, конкурирующей с Ликудом, по сути, за одну и ту же категорию избирателей, в новой беспрецедентно широкой коалиции, предоставляющей Нетаньяху, как тогда казалось, боль-

шие возможности для стратегического маневра и управления ресурсами.

Вскоре, однако, выяснилось, что эта оптимистичная оценка была несколько преждевременной. Помимо появления отмеченной группы депутатов от Кадимы (в основном из числа сторонников проигравшей выборы и ушедшей из Кнессета Ципи Ливни), выразивших несогласие с самим фактом присоединения партии к правительству Нетаньяху и заявивших о своем отказе соблюдать фракционную и коалиционную дисциплину, у «широкой» коалиции было еще два «камня преткновения». Это постановление БАГАЦа о выселении еврейских семей из якобы построенного на частной арабской земле квартала в Бейт ха-Ульпана поселка Бейт-Эль в Самарии (Западный берег р. Иордан) и все тот же «Закон Таля». И если по первому вопросу премьер-министр смог, в конечном итоге, договориться и с «оппозиционерами» в своей партии, и с коалиционными партнерами, и с самими поселенцами, то по второму вопросу этого сделать ему так и не удалось.

Когда в конце июня правительству был представлен черновой вариант предложений комиссии Плеснера, выяснилось, что представители семи (на тот момент) входящих в коалицию партий так и не смогли прийти к консенсусу почти ни по одному из пунктов предлагаемого нового закона. На самом деле, помимо вполне понятных попыток представителей ультраортодоксального руководства ашкеназского блока Яхадут ха-Тора и сефардской партии ШАС выхолостить суть реформы и ограничиться сугубо косметическими изменениями «Закона Таля», дискуссии в комиссии выявили концептуальные расхождения между двумя подходами. А именно, позицией НДИ (т.н. «доктрина Либермана-Киршенбаум-Ротема»), с одной стороны, и планами Ликуда и Кадимы, с другой.

Представители НДИ продвигали идею универсального призыва, согласно которой все граждане Израиля – светские и религиозные, евреи и арабы, мужчины и женщины – обязаны делать то, что, собственно, всегда делало и делает в Израиле подавляющее большинство четырех категорий евреев – светских, соблюдающих религиозную традицию и религиозных сионистов, а также представителей т.н. «ультраортодоксально-национального лагеря». А именно, накануне 18-летия явиться на призывной пункт, предоставив уже самой армии, исходя из ее возможностей и потребностей, решать, кого из них призвать

на действительную, кого – на альтернативную или гражданскую службу, а кому дать освобождение «на месте», что для «харедим» также означает возможность легально выйти на рынок труда. Помимо коалиционной партии религиозных сионистов «Еврейский дом – Новый МАФДАЛ», этот подход НДИ поддерживали и активисты внепартийных движений за всеобщий призыв, среди которых выделялись «Форум за равенство обязанностей» и движения русскоязычных резервистов «Олим альмадим», что на иврите является игрой слов, означающей как «репатрианты в форме», так и «призыв для всех». (Заметим, что представители Форума часто называют себя в СМИ «лагерем фраеров» – словом, которое на иврите имеет тот же смысл, что и в русском. В данном случае – «простаки», честно и с достоинством выполняющие свой гражданский долг, когда есть категории населения – «харедим», арабы и т. н. «идейные уклонисты», которые в этом «законно не участвуют»).

Альтернативные проекты, представленные Ликудом и Кадимой (и балансирующей между ними партией Ацмаут министра обороны Эхуда Барака), напротив, предполагали отказ от идеи универсального призыва в пользу установления для жителей Израиля, ранее подпадавших под политику «освобождения» или «вечных отсрочек», т.н. ежегодных и постепенно повышаемых «квот призыва». Сторонники подобного подхода объясняют это необходимостью вводить всеобщий призыв ультраортодоксов постепенно, чтобы избежать раскола между светским и ультрарелигиозным населением. Не говоря уже о том, что, как они полагают, и сегодня тенденция постепенного увеличения доли добровольно призываемых в армию или на альтернативные программы «харедим» и так имеет место – нужно лишь ее «поощрить».

Критики этого подхода, однако, утверждают, что подобная теория не выдерживает испытания практикой: если в 2008 и 2009 годах число «харедим», решивших пройти военную или альтернативную гражданскую службу, действительно удваивалось каждый год, то в 2010 и 2011 годах «добровольческий» потенциал оказался исчерпан. А всего военную или гражданскую службу прошли только 11% молодых «харедим» в возрасте 20–29 лет (по сравнению с 90% еврейской молодежи тех же возрастов, не относящейся к ультраортодоксальному сектору). Нетрудно заметить, что в случае реализации, этот проект отдавал бы персональное наполнение указанных «квот» в руки не

столько кадрового управления ЦАХАЛа, сколько религиозных и политических авторитетов ультраортодоксального и арабского секторов, предоставляя им, таким образом, дополнительный и весьма солидный властный ресурс. (Не случайно некоторые не чуждые исторических аллюзий комментаторы тут же, с известной долей цинизма, назвали этот проект «новым законом о кантонистах» и «законом о рекрутских наборах имени [российского императора] Николая Первого»).

Противоречия между взглядами лидеров Ликуда и Кадимы на эти вопросы также имели место. Так, ликудовский план предполагал поставить финансирование йешив в зависимость от количества призывников и введение обязательной альтернативной службы для израильских арабов уже на первом этапе реформы, с чем не были согласны представители Кадимы. В свою очередь, Мофаз и Плеснер предлагали ввести индивидуальные экономические санкции (то есть практику сокращения или лишения социальных пособий и льгот) против «последовательных уклонистов» любого происхождения, против чего возражали уже в Ликуде. Иными словами, эти расхождения носили не столько сущностный, сколько технический характер. Тем не менее логика официально отмененной, но де-факто идущей в Израиле «долгой» предвыборной кампании обуславливала высокий эмоциональный накал комментариев с обеих сторон и драматизацию разногласий Ликуда и Кадимы в прессе почти до уровня шекспировского «быть или не быть».

В итоге 2 июля 2012 г. Биньямин Нетаньяху заявил о своем решении расформировать комиссию Плеснера (которую и так к тому времени уже покинули сначала религиозные партии, а затем и НДИ и «Еврейский дом- Новый МАФДАЛ») «ввиду ее неспособности найти компромисс», а канцелярия премьер-министра попыталась предотвратить публикацию итогового отчета. Тем не менее через два дня, несмотря на уговоры Нетаньяху и Барака, Плеснер и Мофаз представили журналистам свой отчет в качестве документа, отражающего позицию их партии Кадима. Оба не пожалели негативных замечаний в адрес премьер-министра, а Мофаз пообещал, что если их рекомендации не будут приняты в полном объеме, Кадима покинет правящую коалицию.

В ответ Нетаньяху заявил о своем намерении представить Кнессету свой законопроект, но когда страсти немного поутих-

ли, премьер-министр неожиданно согласился принять выводы Плеснера за основу. (Надо полагать, на него произвел впечатление и 30-тысячный «марш фраеров» – демонстрация возле Тель-авивского музея с требованием ввести закон об обязательном призыве на военную или гражданскую службу всех израильтян призывного возраста). В итоге Нетаньяху объявил о созыве «группы экспертов по реформе "Закона Таля"», куда был делегирован вице-премьер и министр стратегического планирования Моше (Буги) Яалон с поручением найти вместе с Плеснером и Мофазом промежуточную формулу, которую смогло бы принять большинство правящей коалиции.

Еще через неделю, когда позиции сторон, по словам председателя фракции Ликуда и, соответственно, правящей парламентской коалиции Зеэва Элькина, считающегося одним из соавторов платформы правящей партии в вопросе «равномерного распределения гражданского бремени», были «как никогда близки», Мофаз неожиданно «взорвал» переговоры. А на следующий день, 17 июля, провел через свою фракцию решение о выходе из правительства Нетаньяху.

Что же случилось? По данным СМИ, накануне разрыва Нетаньяху и Яалон обратились к Мофазу и Плеснеру с просьбой пойти на некоторые уступки в вопросе о возможных санкциях против «харедим»-уклонистов. В Ликуде это объяснили необходимостью снять «последние мелкие шероховатости» для того, чтобы убедить ультраортодоксальные партии согласиться на основной корпус реформ Закона о всеобщем призыве. В Кадиме же это было воспринято как «радикальное изменение правил игры и нарушение всех ранее достигнутых договоренностей». В силу чего, если все развивалось именно так, у Мофазы не было иного выхода, кроме как для «спасения собственного лица» и остатков авторитета у избирателей реализовать свою прежнюю угрозу и вывести Кадиму из правительства.

Некоторые комментаторы шли в тот момент еще дальше, полагая, как, например, постоянный автор газеты «Маарив» Мазаль Муаллем, что здесь имел место своего рода «встречный заговор»: Нетаньяху пытался, пользуясь электоральной слабостью Кадимы, «разыграть» Мофазу в своих интересах. В свою очередь Мофаз вошел в коалицию под флагом реформы «Закона Таля» лишь затем, чтобы «поссорить» Нетаньяху и «харедим» и, добившись выхода ультраортодоксальных партий из коалиции, унаследовать их министерские портфели, а затем

под тем же флагом идти на досрочные выборы¹²⁸. Если это так, то, как можно заметить, проиграли оба, но ущерб для Кадимы и Мофаза оказался существенно большим, чем для Нетаньяху и его партии.

«Палестинская опция»

Все же думается, что если все это и было причиной выхода Кадимы из коалиции, то не единственной и, возможно, не самой главной. Есть основания предполагать, что Мофаз стал взвешивать целесообразность немедленного ухода из коалиции отнюдь не после «разочаровывающего звонка» Яалона вечером 16 июля и даже не после роспуска Нетаньяху комиссии Плеснера 2 июля, а двумя днями раньше. Вспомним, что в «коалиционной платформе» Мофаза имелся и такой пункт, как возобновление палестино-израильского переговорного процесса, то есть именно тот сюжет, продвижение которого сильно укрепило бы его авторитет в глазах бывших избирателей левых партий, которые поддержали Кадиму в 2009 году, а ныне, как отмечалось, массово «расходятся по домам» или «на забор».

Надежды, которые левые связывали с коалицией с участием Кадимы, не были секретом. Их буквально «выплеснул» рупор леволиберальных групп в Израиле, газета «Гаарец»: «Партнерство с Шаулем Мофазом освобождает Нетаньяху от давления, которое оказывают на него ультраправые, и усиливает позиции умеренного крыла в его правительстве. Премьер-министр не может отныне оправдывать свою политику тем, что на него оказывают давление. Нетаньяху может и обязан выполнить решение Верховного суда о демонтаже Мигрона и квартала Гиват-ха-Ульпана, а также *возобновить переговоры с палестинской администрацией без каких-либо предварительных условий* [курсив наш – З.Х.]. Это должно стать его главной задачей в течение ближайших восемнадцати месяцев. Если он потратит время впустую на угрозы в адрес Ирана, на лишние попытки изменить систему правления или на усилия с целью добиться призыва ультраортодоксов в армию, а арабских граждан – на альтернативную службу, он упус-

¹²⁸ Мазаль Муаллем. Оценки в Ликуде: выборы – в начале 2013 года. // *Маарив*, 16.07.2012 (на иврите).

тит возможность кардинально изменить политическую ситуацию в партнерстве с партией Кадима»¹²⁹.

Переговоры израильского руководства с лидерами Палестинской национальной администрации (ПНА) застопорились еще в конце 2008 – начале 2009 гг., т.е. в самом конце периода, когда Кадима возглавляла правительство Израиля. Неготовность председателя ПНА Махмуда Аббаса (Абу-Мазена) к завершению конфликта с Израилем по модели «здесь и теперь» заставила его тогда отвергнуть беспрецедентно (а по мнению многих израильтян, неоправданно) щедрые предложения тогдашнего премьер-министра Израиля и лидера Кадимы Эхуда Ольмерта и сменившей его в сентябре 2008 года на этих постах Ципи Ливни.

Переговоры, по сути, не возобновились и после прихода к власти в марте 2009 года правительства Биньямина Нетаньяху. Причиной этого в значительной степени были последствия новой линии в палестино-израильском конфликте, принятой администрацией президента США Барака Обамы в контексте его концепции «перезагрузки» отношений США с арабским миром. Эта линия предполагала резкое усиление давления на Израиль с целью вынудить его пойти на кардинальные и по определению неприемлемые для него уступки палестинским арабам, чтобы «в течение года закрыть палестинскую тему», а вместе с ней сдать в архив арабо-израильский конфликт в целом.

Этот, как вскоре стало понятно и в Вашингтоне, непродуктивный (а по мнению критиков Обамы, в корне ошибочный) подход задал, тем не менее, высокую планку для арабских требований к Израилю. И несмотря на то, что на многих из них уже к началу 2010 года американцы не настаивали, арабы чисто психологически не могли потребовать от израильтян меньше, чем ранее требовали американцы. В итоге отказ лидеров ПНА от бессмысленно завышенных требований и возвращение за стол переговоров на базе ранее согласованных ими же с Шароном и Ольмертом параметров «Дорожной карты» Дж. Буша, на чем настаивают израильтяне, для Махмуда Аббаса оказалось практически невозможно без «потери лица» и, соответственно, власти. И потому он саму возможность встречи с Нетаньяху все эти годы обставлял огромным числом заведомо

¹²⁹ Редакционная статья // *Гаарец*, 12.06.2012 (на иврите). Перевод "Курсор", <http://cursorinfo.co.il/mobile/article.php?id=177641>.

неприемлемых «предварительных условий», что в глазах израильского руководства свидетельствовало о явном нежелании лидеров ПНА в принципе договариваться о чем-либо по существу¹³⁰.

Ясно, что в этой ситуации для Мофаза любая удачная или выглядящая удачной символическая попытка сдвинуть переговорный процесс с мертвой точки дала бы ему значительный политический ресурс. Не исключено, что она могла бы убедить «утекающих» от Кадимы бывших сторонников левых движений в том, что партия Мофаза еще не отработанный материал. Кроме того, она резко укрепила бы его статус не только как альтернативы Ливни (а также Ольмерту, который, будучи оправданным судом по большей части обвинений в коррупции, готовил свой политический come-back) в качестве лидера левого центра, но и как серьезного соперника Нетаньяху. И при любом варианте развития событий в будущем давала Мофазу возможность оставаться в высшем звене политиков национального уровня, что в тот момент было совсем не очевидным.

Этот проект, казалось бы, стал приобретать реальные очертания, когда в СМИ появилось сообщение, что Шауль Мофаз в качестве вице-премьера правительства Израиля предполагает встретиться в первых числах июля с председателем Палестинской национальной администрации Махмудом Аббасом. Согласно тем же источникам, на этой встрече в Рамалле, которая стала бы первым прямым контактом между Израилем и ПНА на высоком уровне с 2010 года, обе стороны намеревались договориться о возобновлении переговоров. В результате Мофаз уже в ходе предварительной встречи с главой ПНА был готов предложить освободить десятки арабских террористов в качестве жеста доброй воли и меры «восстановления доверия».

Но буквально за день до объявленной встречи выяснилось, что Махмуд Аббас, сославшись на «протесты палестинской общественности», в одностороннем порядке «отложил ее на неопределенный срок». В переводе с дипломатического языка на бытовой это означало, что Мофаз, по мнению Аббаса,

¹³⁰ Эти обстоятельства были подробно проанализированы нами в статьях: "Израиль и США: кризис антипоселенческого проекта Белого дома?", "Поселения, вашингтонский саммит и политический процесс в Израиле" и "Зачем Махмуду Аббасу союз с Хамасом: взгляд из Израиля", опубликованные на сайте *Института Ближнего Востока*, 6 октября 2009, 12 октября 2010 и 16 мая 2011 годов.

это не тот человек, ради политических дивидендов которого стоит рисковать авторитетом, ибо он вряд ли может дать лидерам ООП/ПНА то, что не готов дать Нетаньяху. Новых предложений израильскому руководству, которые надо было бы передавать на таком уровне, у лидеров ПНА не было. А судьба палестинских заключенных сама по себе, если они не являются разменной монетой в политико-дипломатическом или финансовом торге, — это, как всегда, последнее, что волнует вождей ООП/ПНА, поэтому такие «обязывающие» подарки в тот момент были не нужны. (Особенно потому, что эти вожди, как язвительно выразился известный израильский публицист Йоав Ицхак, в таких случаях предпочитают наличные).

Логично предположить, что именно этот, оказавшийся тупиковым и принесшим Мофазу одни политические издержки «палестинский ход» заставил его впервые серьезно переоценить целесообразность пребывания Кадимы в коалиции до формального конца каденции Кнессета. В этом случае Кадима вошла бы в официальную предвыборную кампанию, имея в активе поддержку «Закона Талая-2», фактически в версии Ликуд и обеспечение прохождения бюджета на 2013 год — по первоначальному замыслу, «ответственного и социально ориентированного», но на глазах теряющего, если верить критикам Нетаньяху, свою вторую составляющую. А также провал закона об упорядочивании статуса еврейских форпостов в Иудее и Самарии.

Учитывая, что лидерские амбиции Мофазы заставляют его искать популярность прежде всего у избирателей, сосредоточенных в «умеренной» части политического спектра, этих достижений было бы явно недостаточно, чтобы, не имея возможности критиковать правительство из оппозиции, конкурировать с Аводой за левоцентристских, а с Ликудом, НДИ и ШАС — за умеренно правых избирателей. Если следовать этой логике, то из правительства Кадиме нужно было уходить при первом удобном поводе. А он, как было показано выше, нашелся очень скоро.

В поисках выхода

Когда на следующий день после драматического разрыва Мофазы с Нетаньяху были опубликованы опросы общественного мнения, выяснилось, что сам по себе выход его партии из правящей коалиции ее проблем не решил — скорее, напротив.

Опросы, опубликованные 20 июля газетами «Маарив» (Ицхак Кац) и «Едиот ахронот» (Минна Цемах), давали в тот момент Кадиме только 7, а опрос, проведенный в конце августа Институтом Смита по заказу газеты «Глобс», – вообще 5 потенциальных мандатов, т.е. от четверти до менее пятой части того, что партия получила на выборах в предыдущий Кнессет.

На этом фоне и в самой фракции Кадимы наметился новый раскол, причем новую группу «повстанцев» на этот раз составили депутаты из внутрипартийного лагеря самого Шауля Мофаза, которые выступили против решения своего лидера покинуть правительство. Некоторые из этих депутатов даже попытались организовать группу из семи парламентариев (необходимый минимум для выхода из состава фракции с сохранением депутатских мандатов), чтобы перейти в Ликуд и тем самым остаться в составе правящей коалиции, причем, по данным СМИ, «раскольникам» заранее были обещаны портфели министров, заместителей министров или руководство ключевыми комиссиями Кнессета. И несмотря на то, что этот проект так и не реализовался, стабильности Кадиме и «позитива» в ее имидж в глазах общественности все это, разумеется, не добавило.

Вывод был понятен: руководству партии следовало срочно озаботиться выдвижением лозунгов, которые смогли бы поправить пошатнувшийся авторитет партии среди избирателей. Выйдя из правительства и развязав себе руки для «конструктивной критики», Мофаз определил две все те же «ударные» темы, которые он выдвинул еще в момент своего избрания лидером партии: проблемы всеобщего призыва в ЦАХАЛ и «социальной справедливости», прежде всего в отношении среднего класса, «несущего основную долю гражданского и налогового бремени в условиях постоянного роста стоимости жизни».

К сожалению для Кадимы и ее лидера ни то, ни другое не сработало так, как того им бы хотелось, поскольку время уже было упущено. Тема реформы «Закона Таля» после роспуска комиссии Плеснера и самораспада «согласительной группы экспертов» постепенно ушла из фокуса общественного внимания. Тем более, что этот закон в его старой версии автоматически терял силу 1 августа 2012 года, а общественность оказалась занята новой «темой № 1»: планами Минфина по поддержанию финансовой стабильности и сохранению устойчивого экономического роста (для чего предполагалось существенное сокращение ряда расходных статей госбюджета и

увеличение некоторых прямых и косвенных налогов). Похоже, что возвращение темы «всеобщего призыва» в центр общественной повестки дня следовало ждать не ранее официального начала новой предвыборной кампании в Кнессет, что собственно и случилось.

Что же до текущего общественно-пропагандистского аспекта этой проблемы, то его лучше всех «отработал» не Шауль Мофаз, а Авигдор Либерман. Через два дня после ухода Кадимы из коалиции, 18 июля Давид Ротем от имени фракции НДИ вынес в Кнессет свой вариант законопроекта об обязательном призыве на армейскую или альтернативную службу всех достигших 18 лет здоровых граждан Израиля, включая ультраортодоксов и арабов. Понятно, что он был провален большинством депутатов от коалиционных и оппозиционных партий (за законопроект, помимо членов НДИ, голосовали пятеро из «внутренних оппозиционеров» Кадимы, трое из которых – Марина Солодкина, Роберт Тивьяев и Орит Зуарец, что характерно, являются выходцами из бывшего СССР). Но Либерман полностью «отыграл» в этой сфере свой политический кредит, который, как казалось, был безвозвратно «похищен» у него, когда Ликуд и Кадима заключили сделку о партнерстве.

Что касается второй темы, то тут Мофаз рассчитывал на повторение, с перспективой их «возглавить», прошлогодних массовых протестов против роста цен (прежде всего на жилье), которые на своем пике вывели на улицы городов Израиля сотни тысяч демонстрантов и основной движущей силой которых был упомянутый средний класс (в первую очередь его молодежные когорты). Однако это движение оказалось «одноразовым мероприятием». А на символическом уровне тему «защиты прав угнетенного среднего класса», приправленную пропагандой против «паразитирующих на экономике религиозных ультраортодоксов», намного более эффективно осваивали Авода и особенно новая «реинкарнация» Шинуй – партия Яира Лапида «Еш Атид», намеренная дебютировать на новых выборах в Кнессет.

В итоге в распоряжении Мофаза оставалась только одна тема, которая наряду с гражданской проблематикой и социально-экономическим статусом среднего класса должна была стать одной из трех основных тем следующей избирательной кампании: меры противодействия иранской ядерной угрозе.

Здесь он действительно является признанным авторитетом, которому мало кто мог составить конкуренцию, во всяком случае, в широком левом лагере, и уж точно не Шели Яхимович и не Яир Лапид.

Интересно, что позиция Мофаз в плане предотвращения появления ядерного оружия у Ирана, лидеры которого публично требуют «стереть Израиль с политической карты», долгое время была вполне «ястребиной». Вспомним, что в 2008 году, будучи министром транспорта в правительстве Ольмерта, Мофаз лично «взвинтил» мировые цены на нефть, заявив, что иранские ядерные объекты «должны быть атакованы». И в эту каденцию Кнессета его позиция вначале мало отличалась от подхода премьер-министра Биньямина Нетаньяху и министра обороны Эхуда Барака, считающих, что «бомба в руках иранского режима радикальных исламских фундаменталистов опаснее для Израиля всех возможных издержек бомбардировки иранских ядерных объектов». И потому Мофаз также считал, что международные дипломатические и экономические санкции, призванные остановить «ядерные игры» иранских аятолл, станут эффективны только тогда, когда Тегеран будет уверен, что в случае необходимости Израиль и его союзники пойдут и на силовой вариант решения проблемы.

Однако в какой-то момент Мофаз вдруг заявил, что он намерен представить альтернативу премьер-министру Нетаньяху не только в социально-гражданской, но и во внешнеполитической плоскости, в первую очередь — на «иранском треке». И все последующие месяцы действительно делал заявления, все более и более близкие к подходу, которого придерживается ряд бывших высокопоставленных командиров ЦАХАЛа и руководителей израильских спецслужб, среди которых выделяются бывший начальник Генштаба ЦАХАЛа Габриэль (Габи) Ашкенази, бывший директор службы внешней разведки «Моссад» Меир Даган и особенно наиболее резкий критик премьер-министра и министра обороны, бывший глава Службы общей безопасности (ШАБАК) Юваль Дискин, которые выступали против «силового решения» проблемы ядерного вооружения Ирана. По их мнению, израильский удар по иранским ядерным объектам в лучшем случае сможет затормозить появление у Ирана атомной бомбы, но не предотвратит его вообще, а главное, «загнанный в угол» Тегеран получит легитимацию для резкого ускорения своей ядерной программы.

Как можно заметить, члены этой команды «ответственных битхонистов» («капитанов национальной безопасности» — от ивритского «битахон» — безопасность), каковыми они, видимо, себя считают, к тому времени уже перешли (и без того весьма в Израиле тонкую) грань между «независимой экспертизой» и публичной политической пропагандой своих идей и, судя по всему, подыскивали для себя подходящую партийно-электоральную платформу. Как пишет израильский журналист Мати Тучфелд¹³¹, этому «эксклюзивному клубу отставных генералов и руководителей спецслужб» может понадобиться кто-то, кто мог бы встать во главе процесса и кому не нужно в отличие от этих сравнительно недавно ушедших в отставку деятелей проходить двухлетний «карантин», предусмотренный законом для генералов и высших госслужащих, желающих заняться политикой. Мофаз, заключает Тучфелд, является едва ли ни идеальным кандидатом для этого проекта.

Так это или нет, трудно не заметить, что с какого-то момента Шауль Мофаз не упускал случая заявить о своем несогласии с радикальным «силовым» подходом к проблеме военной компоненты иранской ядерной программы, которого, по крайней мере, на словах придерживаются Нетаньяху и Барак. Именно эта линия, как полагали в окружении лидера Кадимы, могла принести немалые политические дивиденды. И именно это обстоятельство стоит за той резкой словесной перепалкой, которой завершилась сентябрьская встреча премьер-министра Биньямина Нетаньяху и лидера оппозиции, о которой шла речь в начале этой статьи.

Поэтому не вызвало удивления, что Мофаз с лета предыдущего года прилагал немалые усилия, чтобы войти в это новое политическое амплуа и тем самым поправить пошатнувшийся авторитет партии среди избирателей. Показательно, что и премьер-министр Биньямин Нетаньяху отнесся к этим попыткам более чем серьезно. Внешним проявлением этого вектора отношений политиков может служить, например, крупный скандал, которым в начале сентября 2012 года неожиданно закончился очередной брифинг премьер-министра и лидера оппозиции Шауля Мофаза. Такие мероприятия, согласно израильскому законодательству, проходят не реже раза в месяц и редко удастаиваются

¹³¹ Matti Tuchfeld. God forbid we may actually succeed against Iran // Israel Hayom, 31.08.2012.

более 2–3 строк в ленте новостей. Не так было на этот раз: утверждается, что Нетаньяху, коротко проинформировав, как требует закон, Мофаз о текущей ситуации, одновременно предостерег его от «необдуманных заявлений в прессе по поводу израильской политики в отношении иранской ядерной программы» и «слива конфиденциальной информации», которые он, по словам премьер-министра, позволяет себе с определенного периода.

Рассерженный Мофаз резко ответил, что «чемпионами» подобных «сливов» являются сам премьер-министр и его канцелярия, о чем, выйдя от главы правительства, и поведал журналистам. Он также повторил свои обвинения и несколько дней спустя, когда стало известно, что Нетаньяху потребовал от ШАБАКа провести расследование утечки в прессу информации с заседания кабинета безопасности, на котором обсуждалась иранская тема.

В этом столкновении двух лидеров следует, по всей видимости, усматривать нечто большее, чем просто забавный эпизод динамичного и часто очень «персонализированного» израильского внутривластного процесса. Весьма агрессивная и нервная реакция Мофаза на замечания премьер-министра Нетаньяху свидетельствует, что Биби здесь задел тему, с которой лидер Кадимы, по мнению ряда экспертов, связывал свои основные политические перспективы.

Промежуточные итоги

Итак, досрочные выборы 4 сентября 2012 г. так и не состоялись, но их «электоральные итоги» были вполне налицо. Наиболее разочаровывающими они оказались для правящей в 2006–2009 гг. и на тот момент формально крупнейшей парламентской партии Кадима. Со своей стороны, ее лидер, насколько можно судить, вполне осознавал ошибочность политической тактики, избранной им после победы над Ципи Ливни на внутривластных выборах в марте 2012 года. Падение электорального рейтинга партии не остановили ни вброшенные ее лидерами потенциально популярные лозунги и активные шаги в этом направлении, ни вступление партии в «правительство национального единства», ни «аварийный» выход из коалиции конце июля 2012 года.

Анализируя опросы тех дней, нетрудно заметить, что потерянные Кадимой голоса частично возвращались в другие левые партии – левоцентристскую Аводу (благодаря чему она «взмыла» в опросах с 13 мандатов, полученных по итогам предыдущих выборов 2009 года до 17–18 мандатов) и ультралевый МЕРЕЦ, который по итогам тех же выборов оказался на грани прохождения электорального барьера. Но если бы выборы состоялись в тот момент, поднялся бы с 3 до 4–5 мандатов. Остававшиеся после 2009 г. в Кадиме и образующие ее правый фланг бывшие «умеренные ликудники-шаронисты» либо вернулись в Ликуд, либо демонстрировали готовность поддержать НДИ А. Либермана (чем наряду с оттоком к НДИ некоторого числа голосов от Ликуда и, возможно, ШАС и объясняется рост рейтинга этой партии с 15 до 16–18 потенциальных мандатов).

Но большинство уходящих из Кадимы избирателей в тот момент все еще занимали выжидательную позицию, причем важным элементом этого «сидящего на заборе» электората являлись не только проголосовавшие за Кадиму в 2009 г. бывшие избиратели левых партий, но и электоральное ядро Кадимы – бывшие «мапайники», перешедшие в нее в 2005–2006 годах, вслед за Шимоном Пересом из Партии труда, и особенно бывшие избиратели левоцентристского Шинуя, также некогда входившие в «домашний электорат» партии Авода/МАПАЙ. Понятно, что лидеры Аводы прилагали немалые усилия, чтобы вернуть себе хотя бы часть этих голосов, что, учитывая наличие и иных соискателей, было совсем нелегким делом.

Первоначально предполагалось, что одним из них может стать бывший неформальный лидер фракции «новых левых» Аводы Офир Пинес-Паз. Накануне выборов 2009 г. он уже взвешивал возможность выйти из Аводы и встать во главе очередного «центристского проекта» – Партии зеленых. Последняя, не смотря на то, что обещала стать сюрпризом выборов, в ходе самой избирательной кампании резко сбавила обороты, потеряла голоса в пользу все той же Кадимы и в итоге так и не прошла электоральный барьер. В свою очередь Пинес-Паз предпочел реализовывать свои амбиции в Аводе, однако уже вскоре после выборов уверился в неспособности своей группы набрать достаточное число сторонников, чтобы расколоть Аводу и образовать новую парламентскую фракцию. И тем более они оказались не в состоянии сместить чересчур, по их мнению, «поцентревшего» Эхуда Барака и вывести Аводу их коа-

лиции Нетанияху. В итоге Пинес-Паз, проявив свою известную предусмотрительность, ушел из Аводы и из Кнессета, но так и не смог ни возглавить действующий, ни произвести свой альтернативный центристский проект.

Помимо этого те же избиратели были объектами притязаний и других левоцентристских проектов, включая упомянутую регулярно приближающуюся к электоральному барьеру, но так и не переходящую его Партию зеленых и партию министра обороны и бывшего председателя Аводы Эхуда Барака Ацмаут. Показательно, что проведенный в августе 2010 г. опрос Института Смита показал, что Ацмаут впервые с момента своего создания в январе т.г. набирала 3 потенциальных мандата и, следовательно, имела шанс пройти электоральный барьер.

Однако намного более перспективным кандидатом в лидеры новой политической надежды левых и главным конкурентом Партии труда в этом смысле оказался сын покойного лидера партии Шинуй Йосефа (Томми) Лапида, популярный телеведущий Яир Липид. По мнению обозревателя газеты «Гаарец», «он был в положении, о котором любой начинающий политик может мечтать: ведущий выходящей в пятницу вечером наиболее рейтинговой новостной телевизионной программы, колумнист пятничного приложения наиболее читаемой в стране газеты, человек, который общественным мнением воспринимался как «жертва преследований оппонентов», пытавшихся провести в Кнессете «Закон Лапида»¹³² и отстранить его от следующих выборов. Он также набрал очки на разрекламированных проблемах Кадимы и лейбористов, и наконец, Липид был автором только что изданного бестселлера о его отце»¹³³.

Эта идея уже была вброшена в общественное сознание, а СМИ регулярно приводили данные опросов, призванных убе-

¹³² Речь идет о законопроекте, который требовал, чтобы журналист, намеревающийся начать политическую карьеру, заранее прекратил работать в СМИ. Законопроект подали депутаты Кнессета Ронит Тирош (Кадима) и Кармель Шама Ахоэн (Ликуд) через два дня после того, как Яир Липид заявил о своих политических амбициях. Этот закон, подтекст которого был очевидным, так и не был принят, потому что Липид уволился со Второго канала ИТВ, не дожидаясь завершения всей законотворческой процедуры.

¹³³ Yossi Verter. One year on, most Israelis disapprove of Netanyahu // *Haaretz*, 05.02.2010.

дить израильтян (которые, как правило, не любят «ставить на хромую лошадь») в электоральной перспективности такого списка. Так, опрос агентства «Шваким Панорама», опубликованный в эфире радиостанции «Галей ЦАХАЛ» 18 марта 2010 года, утверждал, что если бы выборы состоялись сегодня, партия «а-ля Шинуй-2» во главе с Лапидом-младшим завоевала бы 14 мандатов¹³⁴. Причем 8 из них она отняла бы у Кадимы (опрос агентства «Диалог» для газеты «Гаарец» за месяц до этого утверждал, что тогда к Лапиду-младшему была готова уйти чуть ли не половина бывших избирателей Кадимы)¹³⁵, а остальные мандаты, вполне в традициях израильских «партий центра», отобрала бы у других лево- и, в меньшей степени, правоцентристских партий и стала бы, таким образом, третьей по численности фракцией в Кнессете.

Основываясь на этих перспективах, Яир Лапид действительно в начале 2011 года, наконец, объявил о создании своего политического движения «Еш Атид» («Есть будущее»), которое по всем признакам обещало стать своего рода реинкарнацией партии его отца, платформа которой была причудливой комбинацией антиклерикальной риторики, либерально-рыночных реформ и лозунгов борьбы за права «угнетенного среднего класса». После того, как первый интерес к этому гипотетическому списку прошел, его рейтинг несколько упал, но опросы первой половины 2012 года по-прежнему давали ему от 7 до 11 потенциальных мандатов.

Иными словами, объявляя в мае 2012 года о досрочном роспуске парламента, Нетаньяху утверждал, что его целью является не допустить ситуации, при которой ведущие участники политического процесса, психологически уже вступив в предвыборный период, будут вести избирательную кампанию «протяженностью в полтора года». По его мнению, «короткая кампания длиной в четыре месяца лучше... ибо так политическая система быстро вернется к стабильности»¹³⁶. Похоже, что сначала запустив механизм досрочных выборов, а затем, отыграв назад, Нетаньяху получил именно то, чего так хотел избежать.

¹³⁴ Gil Hofman. Party led by Yair Lapid would win 14 seats, poll says // *Jerusalem Post*, 19.03.2010.

¹³⁵ *Гаарец*, 05.02.2010.

¹³⁶ Заявление Биньямина Нетаньяху на конференции партии Ликуд, 8 мая 2012 (Прямая трансляция радиостанции "Решет Бет", на иврите).

Глава 7.

ЗАВЯЗКА: СОЮЗ НДИ И ЛИКУДА И ДРУГИЕ СЮРПРИЗЫ ПРЕДВЫБОРНОГО СЕЗОНА

Долгожданное событие произошло на исходе первой декады октября 2012 года, когда премьер-министр страны и лидер правящей правоцентристской партии Ликуд Биньямин (Биби) Нетаньяху объявил о том, что он дает ход представленному еще в мае того же года, но почти сразу же «замороженному» законопроекту о досрочном роспуске парламента и назначении новых выборов в Кнессет 19-го созыва.

Не успели израильтяне «переварить» эту новость, а политики начать подготовку к формированию предвыборных списков, как разорвалась новая «политическая бомба». Вечером 25 октября премьер-министр Биньямин Нетаньяху и лидер главного коалиционного партнера Ликуда – партии «Наш дом – Израиль» («Исраэль Бейтейну», НДИ), глава МИД Израиля Авигдор Либерман объявили о своем решении идти на выборы единым блоком. Попробуем оценить причины этого решения и описать политический ландшафт Израиля в начале полным ходом идущей, но в тот момент еще формально даже не объявленной избирательной кампании.

НДИ и Ликуд: единство и противоречия

По мнению большинства экспертов, решение Нетаньяху перенести выборы в Кнессет на 22 января 2013 года было обусловлено проблемами с принятием бюджета на следующий, «предвыборный» год. Как стало известно, в этом бюджете предполагались серьезное сокращение государственных, в первую очередь социальных расходов с целью создания «антикризисного» резерва и поддержания удовлетворительных темпов экономического роста. В идеале премьер-министр предпочел бы уже в ноябре 2012 года провести Закон о бюджете

те на 2013 год через Кнессет, а выборы провести в срок, в конце октября следующего года, освободив себе все время для усилий по борьбе с иранской ядерной программой и мобилизации израильского общественного мнения вокруг этой темы. Что же касается бюджетно-финансовой реформы, то ее первые позитивные плоды к моменту выборов, по мнению Нетаньяху, будут уже очевидны, во всяком случае, настолько, чтобы эта тема по сравнению с ситуацией на «иранском поле» потеряла свою остроту.

По мнению обозревателей, у него был простой выбор: провести бюджет и до ноября 2013 года стараться разрабатывать внешнеполитическую тематику, полагая, что это и будет основным вопросом, занимающим израильтян, и за эти 6–8 месяцев, которые останутся до выборов, сделать все возможное, чтобы бюджетные реформы, которые он продвигал, стали приносить первые плоды. Либо, если нет уверенности, что внешнеполитическая программа будет главной и единственной темой, а результаты реформ скажутся уже в краткосрочной перспективе, все-таки идти на досрочные выборы.

Однако уже к началу октября приближенные премьер-министра пришли к выводу, что убедить коалиционных партнеров Ликуда принять в предвыборный год бюджет в планируемом ими виде будет почти нереально. Причем наиболее активно против бюджетных сокращений выступала не только социально-популистская партия сефардов-традиционалистов ШАС, что было вполне предсказуемо, но и «социальные лобби» в других коалиционных партиях, включая Ликуд. В итоге Нетаньяху, которому опросы тогда почти гарантированно предрекали сохранение поста премьер-министра и в следующей каденции, предпочел решать бюджетные и прочие «политически затратные» проблемы не накануне, а уже после выборов. Вследствие этого Кнессет принял закон о самороспуске, и выборы были назначены по истечении ровно четырех лет после его избрания.

По устоявшемуся в политических кругах мнению, Ликуд, по идее, легко обходил и противников, и «естественных партнеров-конкурентов» на выборах, а следующее правительство Нетаньяху, по тем же мнениям, должно было быть очень похоже по составу на то, которое существовало в 2009–2013 годах. Если все обстояло именно так, то Ликуду следовало, сохраняя набранный потенциал, «не мудрствуя лукаво», просто идти

на выборы. И точно также, по идее, должны были поступить и лидеры НДИ, которые, по опросам, по состоянию на начало октября 2012 года не только контролировали свое «твердое электоральное ядро», но и имели неплохой шанс в значительной степени сохранить и даже увеличить «привлеченный электорат» своей партии. Но через две недели после роспуска Кнессета на предвыборные каникулы оба лидера, как отмечалось, безмерно удивили и друзей, и противников, объявив о своем решении объединить списки обеих партий в единый избирательный блок.

С формальной точки зрения, база для подобного объединения действительно существовала. Ядро НДИ в свое время было образовано активистами «русского Ликуда», ушедшими из этой партии вслед за Авигдором Либерманом – в прошлом «правой рукой» Нетаньяху, бывшим гендиректором Ликуда, а затем – гендиректором Министерства главы правительства (т.е. главой администрации премьер-министра). В момент своего создания в 1999 году, НДИ воспринималась своего рода «русским спутником» Ликуда, но очень скоро вышла за эти рамки, и в последующие годы функционировала в качестве активного – и чем дальше, тем больше, – эффективного конкурента Ликуда, причем не только в рамках «русскоязычной общины».

Как отмечалось, выборы 2009 года показали, что НДИ и Ликуд, в сущности, боролись за одни и те же группы как русскоязычных, так и ивритоязычных избирателей в правоцентристской части политического спектра. В традиционно наиболее критичных для израильского общества вопросах внешней политики и безопасности непреодолимых разногласий между Ликудом и НДИ тоже не было. На «палестино-израильском треке» в платформах партий фактически доминировала (с теми или иными вариациями) идея, согласно убеждениям обоих лидеров, что «на той стороне» разговаривать сегодня не с кем, а также концепция сохранения к западу от реки Иордан существующего геополитического статус-кво. С той лишь разницей, что Либерман мог позволить себе четко сказать об этом вслух – в отличие от вполне разделяющего эту стратегию Нетаньяху. И, напротив, в отношении иранской ядерной угрозы, противодействие которой стало главным «знаменем» Нетаньяху в сфере внешней политики и безопасности, Либерман в отличие от Биби мог позволить себе ограничиться жесткой фразеологией без озвучивания конкретных планов и «красных линий».

Несколько большими, но не радикально несовместимыми были и платформы двух партий в социально-экономической сфере. В то время как Нетаньяху и Ликуд были сторонниками идеи «направляемого капитализма» – широкой приватизации экономики с минимальным вмешательством государства в рынок и социальную сферу – Либерман и НДИ две последние каденции придерживались т. н. «социально-рыночной» ориентации.

Однако сходство – или отсутствие непреодолимых преград для «взаимной адаптации» платформ тех или иных израильских партий крайне редко является ультимативной причиной для их слияния. Намного чаще верх берут личные властные амбиции лидеров, опирающихся на стоящие за ними группы политических, общинных или корпоративных интересов, каждая из которых рано или поздно озабочивается созданием собственного политического лобби. Что и лежит в основе характерного для израильской политики последних двух десятилетий «партийного полиморфизма». Помимо партнерства-соперничества НДИ и Ликуда, ярким примером этого же феномена является, например, история взаимоотношений двух правых движений (МАФДАЛ и Национальное единство). Эти блоки периодически объединяются и вновь расходятся, обращаясь, по сути, к одному и тому же массиву избирателей – жителям еврейских поселений Иудеи и Самарии и религиозным сионистам, проживающим по обе стороны «Зеленой черты».

Мотивы Нетаньяху

Если все обстояло именно так, зачем же Нетаньяху был нужен этот чреватый потерей мандатов блок с НДИ (учитывая, что в израильской политике фактор: 1+1 это нередко меньше, чем 2), если после выборов он почти гарантированно получил бы партию Либермана в качестве ведущего партнера в своей новой коалиции?

Официально озвученная вечером 25 октября 2012 года лидерами Ликуда и НДИ версия их союза (Либерман повторил ее в пятницу, 26 октября 2012 года, на специально созванной по этому поводу в Кфар-Макабия пресс-конференции), провозглашала, что решение об объединении списков было принято, исходя из государственных, а не партийных интересов. Перевод этой фразы на понятийный аппарат современной израиль-

ской политики мог означать, что Нетаньяху был готов принять идею реформы политической системы, которую Либерман пытается продвинуть уже не первую каденцию. Центральным элементом этой концепции является, среди прочего, создание условий для решительного сокращения числа политических партий с нынешних трех десятков, обычно участвующих в выборах в Кнессет, и дюжины проходящих электоральный барьер списков до «приемлемых» 4–6 парламентских фракций.

Смысл этого шага, по замыслу сторонников продвигаемой А. Либерманом идеи, заключается в необходимости не допустить в Кнессет мелкие «секторально-тематические» партии, которые нередко приобретают непропорционально большое влияние при коалиционных переговорах. Считается, что отсутствие таких партий развяжет потенциальному премьеру руки для формирования «устойчивого правительства», способного проводить «взвешенную и ответственную политику», например, противостоять «бюджетному вымогательству» многочисленных коалиционных партнеров.

В принципе, окончательное завершение, как показали выборы 2009 года, «интерлюдии» с попыткой премьер-министра Израиля в 2001–2005 гг. Ариэля Шарона построить широкую «партию власти» в центре политической системы страны, и ее возвращение к традиционному противостоянию «правого» и «левого» политических лагерей, действительно теоретически делает реальной консолидацию партий внутри этих лагерей. «Невозможно эффективно функционировать в условиях наличия 14 партий в сложной коалиционной конфигурации... и во имя создания и сохранения коалиции [содержать] 30 министров, — заметил в интервью новостному сайту *NEWSru.co.il*. А. Либерман. — Когда ты ведешь коалиционные переговоры, и у тебя 45 мандатов, а не 27, то это намного легче. В такой ситуации можно отстаивать национальные и государственные интересы, а не быть заложником мелких или осколочных партий, которые возникают и исчезают. Создание единого списка Ликуда и НДИ — безусловно, очень важный шаг вперед, который может стать катализатором дальнейшей консолидации израильской политической системы»¹³⁷.

Поэтому часть обозревателей была готова принять версию лидеров НДИ и Ликуда об их согласии начать преодоление

¹³⁷ *NEWSru.co.il*, 31 октября 2012.

фрагментации политической системы Израиля с контролируемой ими правоцентристской части местного политического спектра, даже если этот шаг и приведет, как считают некоторые аналитики, к потере какой-то части голосов избирателей. Однако другие обозреватели все же предлагали взглянуть, не стоят ли за их объединением в один предвыборный список и иные соображения, помимо гражданского и политического альтруизма, отмечая следующие обстоятельства.

Во-первых, фактически провалились усилия премьер-министра Нетаньяху сделать вопрос «сплочения общества перед лицом иранской ядерной угрозы» доминирующей темой избирательной кампании. Наряду с ней главными сюжетами парламентских выборов должны были стать также социально-экономическая проблематика (с выделением темы «борьбы за права страдающего от повышения стоимости жизни среднего класса» вследствие волны общественных протестов лета 2011 года) и «справедливого распределения экономического и гражданского бремени» (с акцентом на всеобщем призыве и участии граждан в формировании доходной части бюджета). Что касается первой из этих двух тем, то самую громкую заявку на нее тогда сделали две левоцентристские партии – Авода во главе с Шели Яхимович и партия Яира Лапида «Есть будущее».

Одновременно оба лидера этих партий старались не педалировать некогда инициированный стоящими за этими партиями элитами и ныне очень неудобный для них сюжет «палестинско-израильского мирного процесса»: Липид, претендуя на статус «новой партии центра», не хотел оттолкнуть от себя ни левых, ни правых избирателей, сформулировал свою платформу в «обтекаемо-центристских тонах», а известная своими лево-радикальными взглядами Яхимович вообще предпринимала немалые усилия, чтобы эту тему «замести под ковер». Аналогичным было их отношение и к теме иранской ядерной угрозы, по поводу которой ни Шели, ни Яир ничего путного сказать не могли (как и промолчавшая, по сути, всю каденцию в качестве лидера оппозиции бывшая глава Кадимы Ципи Ливни, которая стремилась «выкроить» из развалившегося электората Кадимы новую левоцентристскую партию).

Что касается второй темы – всеобщего призыва и справедливого распределения экономического и гражданского бремени, то в наилучшей степени она была отработана НДИ. Иными словами, на момент роспуска Кнессета 18-го созыва у Нетаньяху

не оказалось однозначно идентифицируемой с ним общественной консенсусной темы, которая сплотила бы вокруг Ликуда колеблющихся избирателей из умеренной (от левого до правого центра) части политического спектра. То есть представителей сектора, которые, по большинству мнений, обычно и определяют итоги израильских выборов.

Второй причиной, заставившей Нетаньяху искать союза с Либерманом, судя по всему, стала возможность политического «камбэка» бывшего премьер-министра и лидера тогда правящей Кадимы Эхуда Ольмерта, вынужденного в 2008 году уйти с обоих постов (передав их Ципи Ливни) в связи с предъявленными ему обвинениями в коррупции и злоупотреблении общественным доверием. Судебные и околосоудебные разбирательства этого дела длились довольно долго, и к концу лета 2012 года закончились оправдательным приговором по большинству пунктов, что в перспективе позволяло Ольмерту вернуться в политику. Несмотря на то, что сам он с тех пор хранил многозначительное молчание, политические обозреватели были уверены, что Ольмерт, несомненно, заинтересован продолжить в том или ином виде свою политическую карьеру, и спорили лишь о том, на какой платформе он намерен это сделать – присоединиться к партии Яира Лапида, вдохнуть новую жизнь в Кадиму, стать, вместе с Ципи Ливни и Хаимом Рамоном сооснователем «Кадимы-2» или же пойти в Кнессет во главе собственного нового списка.

Нетаньяху в этой ситуации должен был опасаться не столько списка с тем или иным участием Ольмерта, даже если он оттянет какое-то количество «колеблющихся» центристских голосов, которое в противном случае мог бы получить Ликуд, сколько другого обстоятельства. Как известно, основным политическим водоразделом израильского общества было и остается отношение граждан к вопросам внешней политики и безопасности. Поэтому вне зависимости от главной темы конкретной кампании израильтяне вряд ли могут счесть достойным кандидатом на пост премьера человека, не имеющего признанного «рекорда» в этих кардинальных для страны моментах.

За исключением Эхуда Барака, фракция которого Ацмаут, судя по опросам тех дней, не смогла бы пройти электоральный барьер на выборах, в «широком левом лагере» ни Шели Яхимович, ни Яир Лапид, ни Ципи Ливни, серьезно растратившая свой внешнеполитический «кредит» в оппозиции, такого

«рекорда» не имели. Зато его имел Ольмерт – как бы ни относиться к его шагам на палестинском и иранском треках в период его премьерства – и потому, сколько мандатов бы ни набрал его список, он мог стать для левых консенсусной фигурой и серьезным вызовом Нетаньяху как «бесспорному и единственному реальному кандидату» на пост премьер-министра Израиля после выборов.

Разумеется, этого бы не случилось, если бы Ликуд на этих выборах ушел в однозначный «отрыв» по числу мандатов от всех других партий. Но вот в этом, судя по некоторым признакам, полной уверенности у сторонников Нетаньяху как раз и не было. По оценкам израильских СМИ, на протяжении всей второй половины 2012 года в окружении премьер-министра с нарастающей тревогой фиксировали поначалу не критичный, но со временем способный стать проблемой отток потенциальных избирателей Ликуда. Какая-то часть сторонников правого крыла партии, разочарованных публичным признанием Нетаньяху идеи «два государства для двух народов» (израильтян и палестинских арабов) и ликвидацией по прямому указанию премьера ряда «незаконных» еврейских поселенческих форпостов в Иудее и Самарии, демонстрировала готовность поддержать более правые списки. Однако их число было невелико. Большинство правонастроенных «ликудников» полагало более важным постараться повлиять на ситуацию «изнутри» партии, поддерживая группировки на ее правом крыле (фракция «Еврейское руководство» Моше Фейглина и др.). Еще какое-то число «исторических ликудников» партия потеряла (или «недополучила»), если иметь в виду возвращающиеся на правый фланг из Кадимы остатки «умеренных шаронистов» в пользу НДИ; впрочем, имело место и обратное движение, в основном в среде «русской» молодежи.

Главной же проблемой Ликуда стал поначалу небольшой, но постоянный отток ее традиционных избирателей из числа т.н. «Второго Израиля» – выходцев из стран Востока и их потомков (именуемых в Израиле «сефардами»). Основная масса этих людей населяет неблагополучные, по израильским понятиям, кварталы городских агломераций центра страны и провинциальных «городов развития», выполняющих в Израиле роль своего рода «социальной и культурной периферии». Именно благодаря этим слоям, как уже указывалось, Ликуд в 1977 году впервые стал правящей партией, и они же до нача-

ла 90-х гг. XX века составляли 2/3 его избирателей. С наступлением в 90-е гг. в Израиле эпохи «партийного полиморфизма» многие из этих избирателей перешли к поддержке «своих» секторальных партий, в первую очередь социально-популистского движения сефардов-традиционалистов ШАС. Но и после этого представители «сефардской периферии», готовые «сбалансировать» свои правые идеологические взгляды и социально-классовые интересы, составляли порядка 40–45% избирателей Ликуда, образуя массовую базу его влиятельного «социального лобби», серьезно умерявшего либерально-рыночную ориентацию этой партии.

Опросы показали, что к началу лета на «ничейном поле» между Ликудом и ШАС находились 4–6 «плавающих» мандатов. Причем существенную часть этих избирателей составляли потенциально «протестные» голоса, в среде которых постепенно росли раздражение ростом цен, а также опасения в негативных для них последствиях планируемых Нетаньяху и министром финансов Ювалем Штайницем бюджетных реформ. В силу этого вектор движения на этом поле, ранее действовавший в направлении Ликуда (и отчасти НДИ), стал постепенно смещаться в сторону ШАС. Эта тенденция ускорилась с возвращением к руководству партии ШАС популярного и харизматичного сефардского лидера – Арье Дери. Партия немедленно взмыла в опросах с 8–10 до 12–14 потенциальных мандатов, а сам Дери, вполне в духе настроений своего электората, сделал несколько социально-центристских заявлений. В частности, он вполне определенно дал понять, что ШАС под его (со)руководством в следующей каденции посвятит свою деятельность исключительно защите прав малообеспеченного населения страны и в силу этого может войти в любую коалицию – хоть в «правую», во главе с Ликудом, хоть в «левую», во главе с Аводой или кем бы то ни было еще.

Все эти обстоятельства, судя по всему, все же не помешали бы Ликуду иметь в следующем Кнессете относительно самую большую фракцию, что делало ее лидера первым претендентом на пост премьер-министра. Но – не единственным и не бесспорным. Совершенно очевидно, что если для оппозиционной партии отрыв от ближайших конкурентов на 5–7 мандатов – это огромный успех, то для лидеров партии, желающей продлить свою каденцию у власти, подобная «победа по очкам» явно недостаточна. В этом смысле весьма показательна ситуа-

ция с Кадимой, набравшей на прошлых выборах относительное большинство мандатов, но ее тогдашний лидер Ципи Ливни так и не смогла сформировать правительство.

Объединение Ликуда и НДИ в один предвыборный список предположительно решало бы для Нетаньяху все эти проблемы. Даже если бы обе партии и потеряли, по сравнению с тем, что они бы имели, идя на выборы отдельными списками, 3–5 мандатов в пользу правого блока МАФДАЛ – «Национальное Единство», сефардской партии ШАС и партии Яира Лапида, Нетаньяху в любом случае становился бы после выборов главой крупнейшей фракции, от которой остальные партии будут отставать с большим отрывом.

Проведенные в первые дни после союза Ликуда и НДИ опросы общественного мнения, все еще не давали однозначной картины. Так, осуществленные с разрывом в две недели исследования Института Смита для газеты «*The Jerusalem Post*» утверждали, что Ликуд – НДИ набирает на выборах 37–38 мест, на четыре-пять меньше, чем обе партии в сумме имеют в действующем составе Кнессета¹³⁸. Прогнозы других агентств расходились радикально, варьируясь от 30–35 (против 42, которые в сумме НДИ и Ликуд имели в прошлом парламенте) до целых 50 мандатов. Но большинство экспертов были солидарны с авторитетным мнением популярного политического комментатора радиостанции «Решет Бет» Ханнана Кристала, который полагал, что при сохранении тогдашних тенденций на электоральном рынке новый блок Ликуд – НДИ будет иметь в следующем Кнессете плюс-минус 40 мандатов.

Соответственно при любом варианте развития событий Нетаньяху становился бы бесспорным главой следующего правительства, которое будет опираться на коалицию, в которой объединенная правящая фракция будет не меньшинством, как это начиная с 1999 года (с небольшим перерывом в 2003–2005 годах) было во всех правительствах Израиля, а однозначным большинством. Тем более, что упомянутый опрос Института Смита для газеты «*The Jerusalem Post*» и другие исследования уверяли, что «широкий правый лагерь» практически сохраняет свой перевес над левым (64–65 : 55–56 мандатов). А все это избав-

¹³⁸ Lahav Harkov. Right loses 4 seats from Likud Beytenu merger // *Jerusalem Post*, 2.11.2012; Gil Hoffman. 'Post' poll finds Olmert unwanted in politics // *Jerusalem Post*, 15.11.2012.

ляло Нетаньяху от опасений по поводу возможного союза «поцентрированного» ШАС с левыми партиями и явно укрепляло его позиции в будущих коалиционных переговорах – как с «естественными союзниками» по правому лагерю, так и другими возможными партнерами.

Мотивы Либермана: три версии

Таким образом, у Нетаньяху имелась основательная причина быть довольным подобным развитием событий. Показательно, что первоначально был доволен и Либерман, а это говорит о том, что с его стороны речь шла о давно продуманном и взвешенном шаге, который, как представлялось лидеру НДИ, должен был принести ему и его сторонникам – соратникам по партии и избирателям – немалую политическую пользу.

По словам самого Либермана, переговоры об объединении предвыборных списков партий начались еще год назад и лишь ненадолго были прерваны краткосрочной «интерлюдией» двухмесячного пребывания в коалиции Кадимы. И остается только удивляться, как будущим партнерам при тотальной информированности израильтян о малейших подвижках в политической сфере удалось избежать утечек информации.

На первый взгляд, союз с Ликудом лидерам НДИ был не слишком выгоден. При согласованной модели распределения мест (2 «ликудника» к одному члену НДИ) в совместном списке на местах в первых четырех десятках, в момент объединения представлявшихся реальными, оказывались 13 представителей НДИ – против пятнадцати в прошлом Кнессете и 16–18, которые давали партии на предстоящих выборах некоторые опросы. Более того, по некоторым сведениям, Нетаньяху пытался убедить Либермана включить в объединенный список за счет квоты НДИ несколько своих приближенных, имеющих минимальный шанс получить реальные места в нем по итогам ликудовских «праймериз».

Но если Нетаньяху выигрывал по всем статьям, то в чем же заключался интерес Авиغدора Либермана и его соратников по «израильской партии с русским акцентом»? Об этом в политических, аналитических и журналистских кругах Израиля тогда шли (как и сейчас идут) активные дискуссии, в ходе которых выдвигалось немало версий. Наиболее популярными из них были и остаются три: назовем их «конспиративно-судебная»,

«тактико-партийная» и «лично-стратегическая». Каждая имела свои обоснования.

Сторонники популярной в некоторых кругах первой версии полагали, что вступая в союз с Нетаньяху и передавая ему существенную часть лично наработанных политических ресурсов, Либерман «покупает индульгенцию» от судебных преследований по обвинению в коррупции, которые могли положить конец его политической карьере. Критики подобного объяснения, однако, замечали, что тянувшееся формально более десяти, а реально – почти 13 лет, сопровождаясь регулярными «сливами» в СМИ «драматических» эпизодов расследования и регулярно обостряясь накануне каждых выборов в Кнессет, «дело Либермана», по мнению не только его друзей, но даже и многих его политических врагов, уже многие годы выглядело как «плохой анекдот». По оценкам авторитетных юристов, к концу 2012 года это дело уже в значительной степени «выдохлось», и могло либо закончиться подачей «минорного» заключения, не способного, во всяком случае, надолго прервать политическую карьеру лидера НДИ, либо вообще быть закрытым до суда – как это, собственно, и случилось полгода спустя.

И хотя не исключено, что союз с Нетаньяху действительно мог восприниматься Либерманом пусть и не гарантией, но все же некоторым дополнительным к прочим «поясом безопасности» лидера НДИ (что он и признал в разговоре с автором этих строк¹³⁹), если бы речь шла исключительно об «индульгенции», то ему вроде бы не было особого смысла приобретать ее по столь завышенной цене. Не говоря уже о том, что если бы Нетаньяху действительно имел приписываемое ему влияние на судебно-юридические инстанции (любимцем которых он отнюдь не является), то его политический интерес был бы скорее обратным. А именно: убрать, хотя бы на время, Либермана с политической арены, что было бы сильным ударом по такой «лидерской партии», как НДИ, и далее вести дело к ее развалу, а затем воспользоваться ее «электоральным наследством». То есть избирателями, большинство из которых, очевидно, в этом случае либо поддержат Ликуд, либо его «естественных партнеров» по правому лагерю.

Ничего подобного, как мы видим, не произошло. Потому в свете всех этих рассуждений «конспиративно-судебные» со-

¹³⁹ Персональное интервью, Кфар Маккабия (Рамат-Ган), 2.10.2013 г.

ображения если и не стоит полностью сбрасывать со счета, но считать их единственной или главной причиной решения Либермана не представляется верным.

Некоторые обозреватели полагают, что Либерман и его команда пошли на этот шаг в свете опыта первой успешной «русской» партии Израиля – ИБА Натана Щаранского и Юлия Эдельштейна. Эта партия, добившись немалого успеха на выборах 1996 и 1999 годов (соответственно 7 и 6 мандатов), в 2003 году получила только 2 места в Кнессете, и после выборов влилась в Ликуд. В результате многие тогда полагали, что лидеры ИБА упустили шанс объединиться с Ликудом не после, а до выборов, что, учитывая тогдашний грандиозный электоральный успех Ликуда, привело бы в Кнессет не двух представителей этой «русской» партии, а, как минимум, вдвое, а то и вчетверо больше.

На наш взгляд, в отношении НДИ этот аргумент не выглядит корректным. Эта партия в отличие от ИБА «образца 2003 года» на протяжении всех прошедших после выборов 2009 года лет контролировала свой основной электоральный ресурс – ту примерно половину русскоязычных избирателей (9–11 мандатов), которые традиционно предпочитают голосовать за «свою русскую» партию – с «израильским акцентом» или без такового. А также немалую часть тех умеренно правонастроенных избирателей из других общин, которые по разным причинам предпочли НДИ Ликуду или ШАС. Так что «вскакивать на подножку» Ликуда для «спасения своей партии от электоральной катастрофы» Либерману вроде бы не было никакой острой необходимости.

Наиболее правдоподобной выглядит третья, «лично-стратегическая» версия. Авигдор Либерман, который никогда не скрывал своих лидерских амбиций, разумеется, заинтересован на каком-то этапе стать премьер-министром страны, тем более что такая возможность уже полдесятилетия присутствовала в общественно-политическом сознании израильтян. (Начиная примерно с 2006 или 2007 года крупнейшие опросные агентства, предлагая респондентам назвать имя наиболее подходящего, по их мнению, кандидата на пост главы правительства, стали регулярно упоминать среди прочих и имя лидера НДИ). Совершенно понятно, что сделать это он может только став легитимным лидером одного из двух «широких» лагерей политического спектра страны – в данном случае правого, на платформе политического движения, имеющего потенциал стать главной силой этого лагеря. То есть «вместо» Ликуда или «вместе с ним».

Понятно, что изначально Либерман предпочитал второй вариант. Хорошо известно, что именно с движением Ликуд, еще со студенческой юности была связана политическая и профессиональная карьера Авиغدора Либермана, тогда еще совсем недавнего репатрианта из СССР. Именно там он примерно с 1988 года стал ключевым членом команды Биньямина Нетаньяху, сыграв огромную роль в его приходе к лидерству в этой партии в 1993 году. Именно Нетаньяху назначил Либермана генеральным директором Ликуда, поручив ему решить проблемы финансовых долгов партии и оптимизировать ее структуры (с обеими задачами он блестяще справился в течение одного года)

Как было показано выше, даже выйдя из Ликуда и основав свою партию НДИ, притом, что огромное большинство голосов были получено ею в «русском секторе», нет никаких сомнений, что Либерман отнюдь не намеревался создавать очередное секторальное движение. Лидер НДИ изначально позиционировал ее как «общенациональную правую партию, большинство избирателей которой в силу исторических причин говорит по-русски», а очевидной целью Либермана и его соратников оставалось выстроить политическую платформу, способную стать альтернативой Ликуду. Собственно, на протяжении последних лет он и позиционировал НДИ как «настоящий Ликуд», намекая на то, что именно приверженцы НДИ – истинные наследники ревизионистов, и именно потому претендуют на статус главной силы «широкого» правого лагеря.

Эта задача для многих выглядела абсолютной фантастикой, но перестала быть таковой, когда на выборах 2006 года «секторальная партия» НДИ получила 11 мандатов – лишь на один меньше, чем «общенациональный» Ликуд. С течением времени доля коренных израильтян и выходцев из стран за пределами бывшего СССР среди избирателей партии действительно росла, и на выборах 2009 года эти группы дали НДИ примерно 5 из полученных ею 15 мандатов. Однако это лишь частично решало главную задачу Либермана – выйти за общинные рамки и стать не просто политиком общенационального масштаба, но тем, кто имеет в глазах общества и израильского истеблишмента «легитимное» право на один из первых, а со временем – и первый пост в политической иерархии страны.

А это сделать чрезвычайно сложно, пока для среднего израильского избирателя министр иностранных дел будет все

еще оставаться «русским». Что же касается самой НДИ, то уже вскоре после выборов 2009 года команда Либермана пришла к выводу, что потенциал роста партии, играющей одновременно на собственно право-идеологическом, на «гражданско-центристском» и на «русском секторальном» полях, уже почти исчерпан. Нужна была новая продуктивная идея, которая позволила бы, не растеряв накопленный политический ресурс, подняла бы статус партии на новую ступень.

Насколько можно заключить, блок с Ликудом, по представлению Либермана и его сторонников, эффективно решает обе проблемы. По договоренности с Биньямином Нетаньяху лидер НДИ мог выбрать любой из «первых трех министерских портфельей» – иностранных дел, обороны или финансов (Либерман предпочёл сохранить за собой портфель министра иностранных дел и в следующем правительстве), а также, по некоторым данным, получить пост первого вице-премьера. Как бы то ни было, статус «второго номера» в блоке Ликуд-НДИ и едва ли не «самого сильного человека», как писала пресса, в этом политическом проекте означал не просто личный триумф Либермана над «ликудовскими принцами». Он тем самым окончательно превратился в политика общенационального масштаба и в обход упомянутых «принцев» и прочих представителей «старых элит» стал первым после Нетаньяху претендентом на роль лидера израильского правого лагеря.

Если логика действий Либермана была именно такова, то у НДИ в этой схеме также определилась немаловажная роль. Либерман вполне четко заявил об этом, утверждая, что речь, по сути, идет о восстановлении ГАХАЛ – существовавшего в 60-е – 70-е гг. XX века доминирующего в правом лагере блока движения ревизионистов Херут и Либеральной партии, на базе которого вперед выборами 1977 года и возник Ликуд. Сегодня, согласно логике Либермана, в роли Херута выступает истинный наследник идеологии ревизионистов «социально-рыночный» НДИ, а либералов – политически сдвинувшийся за эти годы к центру и усвоивший либерально-рыночную доктрину Ликуд.

Таким образом, обозреватели, полагавшие, что лидер НДИ, заключив союз с Нетаньяху, совершил гигантский шаг на пути к превращению в лидера израильского правого лагеря, не слишком грешили против истины. Остаются, разумеется, два немаловажных вопроса. Первый: насколько этот союз двух ам-

бициозных и опытных политиков является «стратегическим партнерством», а сотрудничество НДИ и Ликуда – базой для нового «блока ГАХАЛ», или же, напротив, мы имеем дело со случайным эпизодом богатой неожиданными поворотами новейшей политической истории Израиля. И второй вопрос: как нынешнее сближение двух партий скажется на составе электората НДИ, как «домашнем», так и привлеченном.

Судьба избирательных ресурсов НДИ

Если ответ на первый вопрос может дать только будущее, то по поводу второго мы уже сегодня можем делать определенные предположения. Как было показано в пятой главе этой книги, электорат НДИ к 2008 году был представлен 5 основными группами избирателей.

Первую составляет традиционная база НДИ – правонастроенные, либерально-рыночно ориентированные и в подавляющем большинстве русскоязычные избиратели разных волн алии, разделявшие идею интеграции в местный истеблишмент с «позиции силы» и привнесении русско-еврейских ценностей в израильский национальный дискурс. Надо полагать, что Либерман не считал особенно сложной задачей убедить большинство этих избирателей, что объединение НДИ с Ликудом и есть практическая реализация этой доктрины. Профилактикой тенденции массового отхода представителей этой группы в более правые движения должна была служить все еще сильная среди «русско-еврейских государственников» травма от того, что не только в левых (куда они не особенно и рвались), но даже и в право-сионистских кругах их долгие годы воспринимали в качестве «соратников второго сорта». Достаточно вспомнить заявление покойного Рехавама Зеэви, лидера наиболее правой из израильских партий Моледет, что он категорически не желает «превращения своей организации в очередную русскую партию», несмотря на то, что до 40% ее избирателей тогда составляли русскоязычные. Поэтому лидерам очередной фактической «реинкарнации» Моледет, новой фракции «Сила Израилю» депутатов Кнессета Михаэля Бен-Ари и Арье Эльдада, отколовшихся от блока «Национальное Единство», предстояло предпринять очень уж нетривиальные усилия, чтобы исправить это положение – в том, разумеется, случае, если бы

они в этом были заинтересованы. Но теоретически можно было ждать и оттока некоторой части избирателей правого крыла НДИ в МАФДАЛ, новый лидер которой Нафтали Беннет сделал очевидную заявку на привлечение к этой партии религиозных сионистов и светских избирателей, в том числе, русскоязычных.

Вторая категория избирателей НДИ – некоторое число поддержавших «прагматично-правые» лозунги Либермана умеренно-правых бывших избирателей Ликуда, часть из которых ранее успела побывать в электорате Кадимы и, разочаровавшись в ней, в 2009 году, по разным причинам предпочла не Нетаньяху, а Либермана и его партию, – на протяжении почти всей каденции Кнессета 18-го созыва они в большинстве своем находились «на заборе» (то есть занимали выжидательную позицию). Вместе с ними там же пребывало и большинство из равных примерно двум мандатам еще остававшихся в Кадиме на момент выборов 2009 года «умеренных шаронистов». По оценкам, не менее половины этой группы к концу 2012 года по-прежнему колебались в выборе между НДИ и Ликудом, поэтому теоретически их не должен был оттолкнуть и объединенный список этих партий – за исключением тех лиц, которые поддерживали Либермана в знак протеста против Нетаньяху (или наоборот). Однако, учитывая наличие в лагере бывших «умеренных шаронистов», большой группы представителей «Второго Израиля», а также значительного «русского» сегмента, можно было ожидать, что у них будут и иные электоральные пристрастия.

Не исключено, что немало членов первой из этих двух социально-ориентированных подгрупп на этот раз могли предпочесть социально-популистскую партию сефардов-традиционалистов ШАС. Многие представители второй подгруппы – левоцентристский «социально-гражданский» список «Еш Атид» [«Есть будущее»] Яира Лапида (как уже отмечалось, во многом «реинкарнации» впоследствии поглощенной Кадимой антиклерикально-рыночной партии Шинуй его покойного отца Йосефа Лапида). И некоторые приверженцы обеих из этих категорий остановили свой выбор на новой партии «Ам шалем» [«Весь народ»], созданной вышедшим после тяжелого конфликта с ультраортодоксальным руководством ШАС из ее фракции депутатом Хаимом Амсалемом, который позиционирует свой «центристский» политический проект в качестве «моста между религиозной и светской частями общества». (Например, он

обещал найти «устраивающее как светских, так и большинство религиозных израильтян» решение проблемы гражданского статуса лиц смешанного происхождения и не евреев по Галахе, составляющих около трети выходцев из бывшего СССР.)

Третьей «группой риска» среди избирателей НДИ в контексте ее объединения в один список с Ликудом на предстоящих выборах являлись социально ориентированные и умеренно правонастроенные бывшие сторонники существовавшей в 1996–2003 гг. «русской центристской» партии «Исразель ба-алия» (ИБА), которые за последующее десятилетие успели разочароваться в общенациональных партиях и поэтому предпочитали поддерживать НДИ как единственную оставшуюся на политическом рынке силу, способную продвигать социально-общинные интересы выходцев из СССР и СНГ.

Именно с этими избирателями, давшими НДИ в 2006 и 2009 годах, соответственно, около половины и почти треть ее мандатов, были связаны надежды конкурентов Либермана: «обрушить» социально-центристский фланг его партии, воспользовавшись их голосами для наращивания собственного электорального потенциала. Наибольшую активность в этом смысле проявила все та же партия Я. Лапида «Еш Атид», а также «инициативные группы», взвешивавшие перспективы создания нового «русского» секторального проекта «в стиле ИБА», выступив в качестве самостоятельной политической силы, либо в качестве «партии-спутника» одного из «общенациональных» левоцентристских движений (что, в конечном итоге, и реализовалось в виде списка «Исразлим»).

Похоже, что лидеры НДИ вполне отдавали себе отчет в наличии этой угрозы, и именно с целью удержания этих избирателей поспешили сделать ряд «успокаивающих» заявлений. Так, выступая 6 ноября т.г. в Иерусалиме на заседании Центра НДИ, единогласно утвердившего (при одном воздержавшемся) создание предвыборного блока с Ликудом, Авигдор Либерман уверил своих сторонников, что заявления в СМИ о том, что партия «бросила русскоязычную общину» и «продает репатриантов ради мест в Кнессете», не имеют под собой никаких оснований. Напротив, по его словам, «две партии продолжают функционировать самостоятельно, в том числе, и на уровне парламентских фракций», а единый список станет такой силой в будущем Кнессете, что сможет совершить все те преобразования, о которых давно мечтали».

Что же касается организационно-политической интеграции двух партий как платформы для реализации главной стратегической цели Либермана – его лидерских амбиций, то с тем, чтобы не потерять этих избирателей (что было бы весьма непродуктивно для указанной цели), выход здесь был только один. А именно, постараться убедить эту и другие группы русскоязычных избирателей НДИ, что, несмотря на их прошлые разочарования в сотрудничестве с пост-ревизионистским истеблишментом Ликуда, на этот раз «марокканцы подвинутся» и позволят «русским» использовать Ликуд – НДИ в своих интересах так же, как выходцы из стран Востока сделали это поколением раньше.

Намного сложнее было удержать **четвертый** электоральный ресурс НДИ «образца 2009 года» – протестно-периферийные (как в социальном, так и физическом смысле) слои и группы, включавшие немалое число сефардов-традиционалистов, ранее деливших свои голоса между Ликудом, ШАС, правым флангом Кадимы и право-религиозными партиями. Многие из них не раз сравнивали Авиغدора Либермана с бывшим (и нынешним) лидером ШАС, «протестным героем сефардской улицы» Арье Дери, называя его единственным политиком, говорящим правду и за это преследуемым «ашкеназскими элитами». С учетом того, что партия Либермана в 2009–2013 годах была главным коалиционным партнером правящего Ликуда, упомянутый Дери сам вернулся к политической деятельности, а на электоральном рынке появились новые протестные движения, ситуация изменилась. И рассчитывать на то, что НДИ (пошла бы она на выборы самостоятельно, или в блоке с Ликудом) вновь станет фокусом «протестного голосования», видимо, в любом случае не приходилось. Хотя не исключено, что имидж Либермана как сильного лидера все же позволил бы ему удержать и какую-то часть этих голосов.

Наконец, наиболее проблематичной задачей в случае союза с Ликудом было бы сохранить **пятый** электоральный ресурс НДИ – представителей ашкеназского среднего класса из благополучных городов центра страны, входивших в несколько поправевшие, в свете событий последних лет, слои «центристского мейнстрима», проявивших готовность «купить» обретенные в жесткую фразеологию, но, по сути, вполне прагматичные идеи Либермана. Этот процесс продолжался и на протяжении каденции 18-го Кнессета. Так, по некоторым сведениям, готовность поддержать НДИ проявляли и некоторые группы численно

небольшого, но идеологически и культурно влиятельного сообщества жителей кибуцев, исторически однозначно идентифицируемых с левыми партиями – Авода и МЕРЕЦ.

Надо полагать, что с созданием блока Ликуд – НДИ большая часть этих потенциальных избирателей НДИ могла быть потеряна.

Суммируя все эти тенденции, можно заметить, что если изменения уровня электоральной поддержки НДИ в момент вступления в блок с Ликудом все еще не были очевидны, Либерман, по мнению аналитиков, уже в тот момент мог однозначно занести в свой актив целый ряд достижений. Но возник и ряд новых критических вопросов, включая и тот, как во весь этот расклад в долгосрочной перспективе вписывается израильская «русская улица», главной политической силой которой уже почти 10 лет оставался НДИ. Здесь оценки «ивето-пессимистов» и «ивето-оптимистов» расходились. Первые полагали, что Либерман, который так и не стал «своим» для старого ревизионистского руководства, построил свою «русскую несекторальную» партию только как временную платформу для нового старта в «высшие сферы израильской политики». То есть был намерен повторить ход Ариэля Шарона, который сумел переиграть отвергнувших его услуги и претензии на лидерство «бен-гурионистов» из партии МАПАЙ/Авода, придя во власть на плечах созданного по его инициативе блока Ликуд, а затем бросил его как «отработанный материал», когда этот ресурс для достижения поставленных Шароном личных целей оказался исчерпан.

«Ивето-оптимисты», напротив, считали, что «русская улица» для Либермана будет и дальше оставаться стратегическим ресурсом, гарантом влияния и необходимым базовым элементом системы его власти и в объединенном блоке. Если эта вторая версия верна, то Либерман и его соратники должны были добиваться того, чтобы Ликуд – НДИ, наконец, и стал той искомой «ведущей общенациональной партией с русским акцентом», способной не просто интегрировать «русских» в израильский истеблишмент, но и дать их секторальным интересам общенациональное признание и коннотацию.

Судя по заявлениям членов команды Либермана, именно в этом и состояла их цель, которая в случае реализации, несомненно, стоила некоторой потери мандатов. Но последующие события показали, что решить эту проблему им удалось лишь частично.

Глава 8.

КУЛЬМИНАЦИЯ И РАЗВЯЗКА: ИТОГИ ВЫБОРОВ В КНЕССЕТ 19-го СОЗЫВА

Как и было объявлено, выборы в израильский парламент – Кнессет 19-го созыва состоялись во вторник, 22 января 2013 года. Как и в прошлый раз, именно в последние перед голосованием дни и в сам день выборов от четверти до трети избирателей, которые, согласно опросам, относились к категории «колеблющихся» или неопределившихся, начали «слезать с забора». То есть решать, идти ли им все же на выборы, и если да – то какой из партий отдать свой голос. А это, разумеется, стало условием изменения – иногда радикального – уровней поддержки политических партий, в силу чего лидеры и политтехнологи различных партий делали все возможное, чтобы их списки смогли получить еще один или несколько мандатов, или в худшем случае, хотя бы пройти электоральный барьер.

Ресурсы и участники выборов

На выборах в Кнессет 19-го созыва право голоса имели 5,6 млн. израильских граждан (рост почти на 30000 человек по сравнению с выборами 2009 года). Примерно 560 тысяч из всех израильских избирателей проживали в момент выборов в других странах и потому не смогли принять участие в голосовании, поскольку по закону голосовать за границей могут только дипломаты и моряки¹⁴⁰. Для полноты картины отметим, что на долю еврейского населения приходится 81% этих избирателей, к которым обычно добавляют 4% избирателей, определяемых как «лица без определенной этно-религиозной принадлежности». (Основную массу последних составляют репатри-

¹⁴⁰ *Исраэль Хайом*, 17.12.2012.

анты нееврейского и смешанного происхождения, прибывшие в страну как члены семей евреев в соответствии с «Законом о возвращении» и в подавляющем большинстве своем видящие себя в качестве интегральной части израильского еврейского коллектива). Остальные 15% в основном приходятся на долю членов этно-общинных групп арабов – мусульман, христиан и бедуинов, а также говорящих в быту по-арабски группы неарабского населения – в основном друзов и черкесов.

Как отмечалось, принятая в Израиле пропорциональная система, при которой вся страна считается одним избирательным округом, а гражданам предлагается голосовать не за специфических кандидатов, как при мажоритарной системе, а за партийные списки (в актив которых засчитываются все голоса, поданные за них на всех 10132 избирательных участках, включая 9786 территориальных, 194 больничных, 57 тюремных и 95 при израильских посольствах за рубежом), является ключевой причиной того, что 120 мест в Кнессете обычно оспаривают множество политических партий. В 90-е гг. прошлого века, как мы уже отмечали в этой книге, со вступлением израильской парламентарной демократии в эпоху т.н. «партийного полиморфизма», их число особенно выросло: перед каждыми выборами в Кнессет избирательная комиссия регистрировала порядка трех-четырёх десятков различных списков, делающих заявку на представительство тех или иных общенациональных, секторально-общинных или «узкотематических» интересов.

Последнее обстоятельство является фактором острой дискуссии о судьбах политической системы страны, очередная вспышка которой пришлась на период накануне избирательной кампании в Кнессет 19-го созыва. Как и в прошлом, часть израильтян требовала реформировать систему (например, перейти к мажоритарно-окружной модели голосования или поднять электоральный барьер) с тем, чтобы закрыть в Кнессет доступ малым партиям, получающим непропорционально большое число их избирателей влияние на формирование правительства и процесс принятия политических решений. Другие, напротив, полагают, что именно пропорциональная избирательная система гарантирует реальную возможность участия во власти всем разнородным группам, составляющим израильское общество, предупреждая тем самым, как справедливо заметил известный колумнист

Дов Контонер, «развитие негативных процессов гражданской отчужденности»¹⁴¹.

Как бы то ни было, в выборах в Кнессет в последние годы обычно участвуют более трех десятков разных партий, но лишь немногим более трети из них удается пройти двухпроцентный электоральный барьер, собрав примерно 10000 необходимых голосов. На практике для этого нужно порядка двух третей от этого числа, ибо более трети зарегистрированных избирателей не приходят голосовать вообще, а примерно 5–7% поддерживают «непроходные» списки, в силу чего и те, и другие исключаются из общего подсчета бюллетеней, снижая тем самым «цену мандата» для партий, прошедших электоральный барьер.

Выборы в Кнессет 19-го созыва, на которых число проголосовавших составило, по данным Центризбиркома, порядка 67,7% от зарегистрированных избирателей (3 833 646 при зачисленных 3 792 742 голосах), в этом смысле не стали исключением. Для участия в них было зарегистрировано 34 партии, две из которых сошли с дистанции уже в ходе избирательной кампании. Из них лишь 12 – как и в прошлый и позапрошлый раз – прошли 2%-ный электоральный барьер, для чего требовалось получить более 76 000 голосов¹⁴².

«Справочная цена» одного мандата, таким образом, составила примерно 31600 голосов, а за вычетом почти 269 тыс. бюллетеней, поданных за списки, не прошедшие электоральный барьер, – около 29 500 голосов избирателей.

Наибольшее число мандатов (31) набрал объединенный список двух правоцентристских партий Ликуд–НДИ, возглавляемых премьер-министром Биньямином Нетаньяху и бывшим главой МИДа Авидором Либерманом – лидером НДИ, большинство избирателей которой по-прежнему составляли уроженцы бывшего СССР. Еще одна правоцентристская партия (религиозное социально-популистское движение сефардов ШАС) сохранила свой потенциал в 11 мандатов.

Настоящим сюрпризом этих выборов стали две партии, в основном в пользу которых Ликуд и (в намного меньшей степени) НДИ, видимо, и потеряли примерно четверть от того числа

¹⁴¹ Дов Контонер. Нетаньягу перестарался // Вести, 24.01.2013.

¹⁴² См. Официальные итоги выборов на сайте ЦИК Израиля <http://www.votes-19.gov.il/nationalresults>

в 42 мандата, которое они, баллотируясь на прошлых выборах отдельно, получили в сумме. Первым стал завоевавший 12 (против 5 на прошлых выборах) мандатов «Ха-Байт ха-Ехуди» [«Еврейский дом»] – объединенный правый список Национально-религиозной партии (МАФДАЛ) и блока «Национальное единство» (НЕ), фактически распавшийся в самом конце каденции Кнессета 18-го созыва на свои два исходных элемента – партию религиозных поселенцев Ткума [Возрождение] и радикально-правую партию Моледет [Родина]. Последняя под названием «Оцма ле-Исраэль» [«Сила Израилю»] на этих выборах баллотировалась отдельно, и ей не хватило всего лишь нескольких тысяч сторонников, чтобы пройти электоральный барьер.

Еще большим сюрпризом стали 19 мандатов совершенно новой партии «Еш Атид» [«Есть будущее»], основанной буквально за год до выборов популярным публицистом и телеведущим Яиром Лапидом. Позиционируя свой список в качестве очередной «партии центра», Лapid смог «оторвать» некоторое количество умеренно-правонастроенных избирателей правоцентристских партий, прежде всего от Ликуда. Но основную массу его избирателей все же составили умеренно-левые голоса бывших сторонников некогда центристской, но затем сильно полевевшей партии Кадима (Вперед), в борьбе за разваливающийся электорат которой Лapid смог переиграть своих остальных двух соперников по левоцентристскому сегменту политического спектра. В результате умеренно-левая Авода (Партия труда) – некогда безраздельно правившая, а в 1977–2006 годах – одна из двух основных израильских партий, сумела добавить к своим 13 мандатам только 2 дополнительных. Еще 6 мандатов набрала дебютировавшая на этих выборах партия Тнуа (Движение), основанная буквально за два месяца до выборов бывшим лидером Кадимы Ципи Ливни.

Что же касается самой Кадимы, начавшей каденцию прошлого Кнессета, располагая крупнейшей парламентской фракцией (28 мандатов), то ее электоральный потенциал снижался все четыре года пребывания этой партии в оппозиции. Он вообще рухнул после того, как, переиграв Ципи Ливни на праймериз, новый лидер партии Шауль Молфаз сначала ввел ее в коалиционное правительство Биньямина Нетаньяху, а затем, всего через два месяца, покинул его. В итоге Кадима была близка к тому, чтобы вообще не пройти электоральный барьер

(и тем самым разделить судьбу всех израильских «партий центра» – проектов на одну, максимум, две каденции), и лишь ценой невероятных усилий ей удалось получить 2 минимально необходимых парламентских мандата.

Из преимущественно еврейских партий крайне левый фланг в новом парламенте Израиля будет вновь занимать леворадикальный блок МЕРЕЦ, фракция которого выросла с 3 до 6 мандатов – двукратный рост, хотя и несопоставимый с теми 12 мандатами, которые этот блок имел «на пике» процесса Осло.

Из несионистских еврейских списков блок «Ядут ха-Тора» [Еврейство Торы - ЕТ] получил на выборах 7 мандатов – на два больше, чем в 2009 году. Кроме того, в парламенте еврейского государства вновь представлены три арабские партии – исламистский РААМ-ТААЛ-МАДА (5 мандатов), некогда еврейско-арабская, а сегодня арабская националистическая коммунистическая партия ХАДАШ (4 мандата) и радикально-антиссионистский список «палестинцев 1948 года», как называют израильских арабов его лидеры, БАЛАД (3 мандата). То есть в сумме столько же, сколько имели эти партии и в предыдущем Кнессете.

В чем же причина именно такого расклада?

Израильский правый лагерь в свете итогов выборов

Ликуд – НДИ оставался несомненным фаворитом нынешней парламентской гонки на всех ее этапах, но «взмыв» в социологических опросах в начале кампании, стал постепенно сдавать позиции. Опросы общественного мнения последних перед выборами недель давали ему от 32 до 38 мандатов – вместо 42, которые Ликуд и НДИ в сумме имели в уходящем Кнессете. Окончательный итог был еще скромнее – 31 мандат, что, разумеется, стало неприятным сюрпризом для руководства обеих партий. Объединяясь в единый избирательный блок, причины чего подробно разобраны нами в предыдущих главах, лидеры НДИ и Ликуда, разумеется, прогнозировали определенную потерю голосов по сравнению с тем их количеством, которое партии теоретически могли бы в сумме получить, выступая на выборах самостоятельно, но были склонны счи-

тать эти потери скорее инвестицией «политического капитала» в свои стратегические перспективы. Однако ущерб оказался больше, чем предполагался.

В качестве причин большинство комментаторов называют весьма вялую избирательную кампанию, неубедительные рекламные ролики, но особенно – господствовавшее до последних дней кампании в штабе Ликуда убеждение, что выборы у них, что называется, в «кармане» и нет особой необходимости предпринимать сверхусилия. Подобный подход сыграл свою роль и в день голосования. По признанию одного из высокопоставленных партийных функционеров, весьма критично оценившего действия активистов своей партии в день выборов, «никогда я не видел такого центрального штаба, никогда на местах Ликуд не был таким мертвым, как в день этих выборов». Положение, по признанию источников в Ликуде, которых цитирует ИА Ynet, спас Либерман: активисты НДИ работали эффективно и слаженно и сумели принести в общую «копилку» примерно 400 000 из общего числа 830 000 голосов, полученных объединенным списком, что, несмотря ни на что, позволило ему стать крупнейшей фракцией в Кнессете.

Анализируя ситуацию в более общем плане, следует отметить, что субъективные причины, при всей их важности, были все же не главными. Намного большую роль сыграл определенный политический парадокс. А именно, в устоявшемся в общественном мнении израильтян представлении, что победа блока Ликуд – НДИ, который, согласно всем опросам, получает в будущем Кнессете, как минимум, почти вдвое больше мест, чем любой другой список, на ближайших выборах практически не вызывает сомнений. Следуя этой логике, если Биньямин Нетаньяху гарантированно вновь становится премьер-министром, то те избиратели, которые хотели бы видеть его на этом посту, могут «с легкой душой» голосовать не за его Ликуд, а за близкий их социально-общинным и политико-идеологическим интересам «секторальный» список.

Иными словами, произошло что-то вроде немного гротескного возрождения применявшегося на выборах 1996 и 1999 гг. порядка, при котором израильтяне голосовали двумя бюллетенями: одним – за кандидата на пост премьер-министра и другим – за тот или иной партийный список. Это, как известно, привело к резкому сокращению влияния «больших» общенациональных партий и росту веса секторальных и общинных

списков (что вскоре и заставило израильских законодателей признать данный эксперимент неудачным и вернуться к исключительно пропорциональной системе выборов).

Лучше других эту тенденцию уловил Нафтали Беннет – 40-летний майор резерва спецназа Генштаба ЦАХАЛа, удачливый бизнесмен в сфере высоких технологий, в прошлом – глава канцелярии председателя партии Ликуд, а затем гендиректор Совета поселений Иудеи и Самарии, который возглавил партию религиозных сионистов МАФДАЛ. Сразу же после своего избрания Беннет договорился о воссоздании в рамках совместного списка "Еврейский дом" союза партии МАФДАЛ и правого блока «Национальное единство» (НЕ) и обратился с воззванием ко всем религиозным сионистам – т.н. «вязаным кипам», общий потенциал которых, по оценке, приведенной в беседе с автором этих строк исследователем данного вопроса Ашером Козном, достигает 14 мандатов. Беннет пригласил этих избирателей, «рассыпанных» по многим правым и центристским партиям, «вернуться в свой исторический дом». То есть, в его партию, под флагом которой, по словам Беннета, сегодня вновь объединились обе фракции сторонников религиозного сионизма по обе стороны «зеленой черты» – МАФДАЛ и оставшейся с ней в союзе после раскола блока НЕ партии религиозных поселенцев Ткума.

Вскоре «Еврейский дом» действительно «взмыл» в опросах с 7 (точнее, пяти, учитывая раскол блока НЕ) до 10, а потом, по данным некоторых опросных агентств, даже до 13–15 мандатов, став предполагаемым «главным сюрпризом» избирательной кампании в Кнессет 19-го созыва, хотя и закончил ее с более скромным результатом – 12 мандатов. Причем большая часть этого роста пришлась на бывших избирателей Ликуда. С целью укрепить эту тенденцию, Беннет не устал повторять, что его партия намерена стать «дисциплинированным и ответственным» членом правительства Нетаньяху, присутствие в котором сильной партии «Еврейский дом» усилит в платформе правящей коалиции те пункты, которые соответствуют «ценностям религиозного сионизма» (патриотизм, национальная солидарность, качественное еврейское и общее образование, экономические и гражданские свободы и т.п.). Если учесть, что в этих пунктах между партией Беннета и платформами партий блока Ликуд–НДИ нет не только фундаментальных, но и даже заметных противоречий, то главным «магнитом» утекающих

из Ликуда в ЕД голосов, помимо символизируемой Беннетом столь востребованной сегодня в Израиле «новизны» и желания перемен, являлось его другое обещание – не дать правящей коалиции «в случае чего» уйти влево.

И эта заявка, как отмечалось, для многих представителей целевых групп оказалась убедительной. В качестве типичного примера приведем заявление хорошо известного в русскоязычной общине Израиля религиозно-сионистского авторитета и интеллектуала д-ра Пинхаса Полонского: «Нет никакой опасности для премьерства Нетаньяху – единственный вопрос в том, какая после выборов у него будет коалиция. [Поэтому] на этих выборах сторонникам Нетаньяху, которые хотят, чтобы правительство Нетаньяху было сформировано не с левыми, а с правыми, – разумнее сегодня голосовать за Б[айт] Й[ехуди]»¹⁴³.

Как можно заметить, послание Беннета не было сугубо «секторальным» – в противном случае, он не смог бы добиться столь впечатляющего успеха. Блок МАФДАЛ – НЕ стал легитимной опцией не только для религиозных, но и некоторых светских избирателей собственно правых фракций Ликуда и, в намного меньшей степени, НДИ, которых впечатлили лозунги Беннета официально демонтировать «соглашения Осло» и распространить суверенитет Израиля на т.н. «зону С» – не заселенные арабами территории Иудеи и Самарии. Вторым моментом стала критика Беннетом итогов антитеррористической операции ЦАХАЛа «Облачный столп», предпринятой в ответ на ракетные обстрелы израильского юга из контролируемого радикальной исламистской организацией ХАМАС сектора Газа. Операция была завершена по приказу правительства в тот момент, когда все ее объявленные цели (разрушение инфраструктуры террора в Газе и восстановление «сдерживающего потенциала» ЦАХАЛа на этом треке) были выполнены. Но часть израильтян все же была разочарована тем, что решение о полной зачистке сектора Газа от террористов в ходе наземной операции, которая, по мнению израильских лидеров, могла затянуться и лишить еврейское государство международной поддержки, так и не было принято.

¹⁴³ Цит. по: Пинхас Полонский. На этих выборах сторонникам Нетаньяху разумнее голосовать за Еврейский Дом // Получено по электронной почте 13 января 2013 года, <http://pinchas.livejournal.com/49259.html>

В обоих случаях Беннет, как нам уже приходилось отмечать¹⁴⁴, воспользовался выигрышностью своей нынешней позиции «стороннего критика», который может позволить себе существенно более радикальные декларации, чем действия, которые он смог бы или захотел предпринять, будь он у власти. Это и отличало Беннета от лидеров «партии власти», Нетаньяху и Либермана, вынужденных в силу внутренних и особенно внешних обстоятельств проводить «прагматичную» политическую линию. И потому говорить вслух меньше, чем они могут и, судя по всему, намерены сделать.

Подобная агрессивная и, надо сказать, во многом результативная кампания Беннета представляла слишком очевидную угрозу Ликуду, примерно треть традиционных избирателей которого составляют упомянутые «вязанные кипы», чтобы не бросить именно на этот фланг большую часть пропагандистских ресурсов, противопоставив ЕД не менее жесткую линию. Так, предвыборный штаб Ликуда старался уверить избирателей в том, что партия Беннета представляет собой экстремистскую клерикальную силу. Эффективность этой линии была изначально под большим вопросом, а на ее пике стала вообще во многих пунктах контрпродуктивной.

Нельзя сказать, чтобы возможные негативные последствия избранного пропагандистского курса не остались без внимания лидеров и активистов блока Ликуд-НДИ. Первым от лобовых атак на ЕД дистанцировался партнер Ликуда по предвыборному блоку – партия НДИ. А председатель правящей коалиции и глава штаба Ликуда по работе с избирателями из религиозно-сионистского лагеря Зеэв Элькин, выражая обеспокоенность многих активистов Ликуда из поселений за «зеленой чертой», высказался резко против проводимой в рамках этой линии кампании дискредитации раввинов, поддерживающих «Еврейский дом», поскольку подобные действия, по его мнению, «имеют лишь обратный эффект».

И действительно, именно в этот момент стало понятно, что «междоусобная война» в правом лагере не просто наносит вред электоральным позициям Ликуда – НДИ, но и парадоксальным образом усиливает «широкий» левый лагерь. Ибо даже те из избирателей Ликуда, прежде всего из его левого (точнее,

¹⁴⁴ Владимир (Зеэв) Ханин. Палестино-израильский трек в тени израильских выборов. – М.: *Институт Ближнего Востока*, 16.01.2013.

центристского) крыла, которые с началом кампании переместились в категорию «неопределившихся», попали под влияние ликудовской кампании «кто скрывается за улыбающимся лицом Нафтали Беннета» и дали себя убедить в том, что за ЕД голосовать не нужно. Они приняли во внимание нападки на Беннета и иные вышеизложенные обстоятельства и в конечном итоге поддержали не Ликуд – НДИ, а новый список «Еш Атид» Яира Лапида. Последний, черпая основные ресурсы в левоцентристском секторе, позиционировал свой список как очередную «партию центра». И в итоге сумел перетащить на свою сторону от 3 до 5 умеренно-правых мандатов.

Все это заставило руководство Ликуда – НДИ скорректировать свою линию, позитивные результаты чего, судя по последним открытым опросам (публикация которых, согласно закону, прекращается за три дня до выборов), стали сказываться только на самом завершающем этапе кампании, но этого было недостаточно для того, чтобы полностью переломить негативную для блока тенденцию.

Аналогичный ход – «оторвать» от блока Ликуд – НДИ, а также от ЕД максимальное число мандатов, атакуя их обоих «справа», – пыталась сделать и отколовшаяся от «Национального Единства» фракция «Оцма ле-Исраэль» – фактическая «реинкарнация» ставшей в 1999 году основой этого блока, наиболее правой из израильских партий Моледет покойного Рехавы Зеэви. Главный лозунг «Оцма ле-Исраэль» на этих выборах являлся абсолютной цитатой лозунга ее предшественницы («Справа – только Моледет»). Другой лозунг этой партии – «Без лояльности нет прав», касающийся темы нелояльности части израильских арабов еврейскому государству и идентификации лидеров некоторых арабских партий с внешними врагами Израиля, явно заимствован из успешной избирательной кампании НДИ образца 2009 года. Но в отличие от НДИ на предыдущих выборах и «Еврейского дома», «Оцма ле-Исраэль» не смогла трансформировать эти лозунги в соответствующую динамику и на протяжении всей кампании балансировала на грани прохождения электорального барьера.

Не более эффективным оказался вызов объединенному блоку Ликуда и НДИ в правом лагере и на «социальном» фланге, в первую очередь со стороны правоцентристского по своей политической ориентации социально-популистского движения сефардов-традиционалистов ШАС. В момент объявления дос-

рочных выборов на «ничейном поле» между Ликудом, НДИ и ШАС действительно находились 7–8 «открытых для предложений» мандатов, владельцы которых, по идее, должны были быть весьма восприимчивы к лозунгам борьбы за права социально слабых слоев населения. Первоначально вектор движения на этом поле действительно был направлен в сторону ШАС, но вскоре пропагандистам Ликуда и НДИ удалось переломить эту тенденцию, противопоставив ШАС свою социальную повестку дня. В итоге Ликуд – НДИ все же сумел набрать 31 мандат, став крупнейшей фракцией правого лагеря и Кнессета в целом.

Промежуточные итоги борьбы за власть в левом лагере

Но все же главным сюрпризом состоявшихся 22 января 2013 года выборов стали 19 мандатов, полученных совершенно новой израильской партией «Еш Атид» [«Есть будущее»]. Тем самым эта партия, основанная, как отмечалось, Яиром Лапидом менее чем за год до выборов, стала второй фракцией после объединённого списка правящего Ликуда и «израильской с русским акцентом» партии НДИ в 120-местном израильском парламенте – Кнессете.

Первоначально появление «Еш Атид», которую ее создатель позиционировал как очередную «партию центра» (и которая в глазах многих была «идеологической реинкарнацией» центристского политического проекта его покойного отца, лидера «светской рыночной» партии Шинуй Йосефа (Томми) Лапида, только без абсцессивной антирелигиозной направленности последнего), вполне укладывалось в привычные рамки. Как это часто бывает с «новым популярным политическим проектом», партия Лапида вначале поднялась в опросах, обещавших ей более двадцати или, на худой конец, двузначное число мандатов.

Однако, как это также обычно случается с теми, кто слишком рано начинает забег на длинную политическую дистанцию, к началу нынешней избирательной кампании серьезно, как казалось, сбавила темп. По данным опросов тех дней, потенциал «Еш Атид» колебался от 5–7 до 12–15 мандатов. То есть Яир Лапид и его список могли получить примерно то число голосов,

сколько в израильских реалиях может иметь «партия центра» в «минималистском» или «максималистском» вариантах, «втиснутая» в узкое поле между главными партиями правого и левого лагерей. В данном случае правоцентристский Ликуд и левоцентристская Партия труда (или другая партия, оспаривающая у нее этот статус).

К немалому удивлению обозревателей, конкурентов и даже самих лидеров «Еш Атид», итог оказался намного более впечатляющим, что явно свидетельствует о серьезной реструктуризации сил внутри левого лагеря, как минимум, в краткосрочной, а возможно, — и среднесрочной (хотя и вряд ли в долгосрочной) перспективе. Ее фактором стал кризис традиционных левых партий, прежде всего левоцентристской Партии труда (Авода), которая вместе со своей умеренно-социалистической предшественницей МАПАЙ некогда безраздельно доминировала во всей политической системе, а с 1977 по 2006 гг. являлась главной силой левого лагеря. Причем, как уже отмечалось, существенным моментом этого кризиса стал фактический провал идентифицируемого, прежде всего с идеологией левых партий, палестино-израильского мирного (ныне именуемого «политическим») процесса, начало которому положили инициированные лидерами Партии труда «соглашения Осло» между правительством Израиля и террористическим по происхождению руководством палестинской арабской организации «светских националистов» ООП.

Другим фактором стал развал электората созданной в 2005 году тогдашним премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном «центристской партии власти» Кадима, которая к концу своей первой каденции в Кнессете в 2006–2009 годах, сильно «полевела» и на выборах 2009 года уже выступала как главная сила «широкого» левого лагеря, оттеснив с этой позиции Аводу.

Основные притязания новой партии «Еш Атид» как раз и были направлены на бывшее «электоральное ядро» Кадимы — умеренно-левонастроенных избирателей-ашкеназов из семей бывшего «домашнего электората» МАПАЙ/Аводы, многие из которых уже два, а то и три десятилетия по разным причинам не голосуют за свою «материнскую партию». Вместо этого данные избиратели (в массе своей — представители среднего класса, населяющие благополучные кварталы больших городов и коллективные поселки центра Израиля) предпочитали отда-

вать свои голоса другим левоцентристским проектам. С развалом электората последнего по времени проекта такого рода – Кадимы большинство из этих избирателей вновь отправились «на забор», где стали взвешивать возможность либо вернуться в Аводу, либо поддержать иные левоцентристские проекты.

Некоторое время казалось, что именно Авода сможет, наконец, взять реванш, вернув себе этих своих бывших избирателей. Опросы почти до конца избирательной кампании предвещали, что именно эта партия станет второй по числу мандатов фракцией будущего Кнессета и, соответственно, вернет себе статус главной партии «широкого левого сегмента» партийно-политического спектра. После выхода в конце 2010 года из Аводы ее лидера, министра обороны Эхуда Барака и его сторонников, основавших новую «центристскую» фракцию Ацмаут (лидеры которой, реально взвесив шансы, решили не участвовать в нынешней предвыборной гонке), и прихода к руководству партии Шели Яхимович, она пережила бурный рост популярности. Судя по всему, Авода сумела вернуть себе часть из тех избирателей, которые вслед за проигравшим в ней в 2005 году праймериз Шимоном Пересом, перешли в созданную Ариэлем Шароном партию Кадима.

Кроме того, в Аводу вернулась часть следующей волны ее «беженцев», которые в 2009 году поддержали Кадиму, поверив обещаниям ее тогдашнего лидера Ципи Ливни победить на выборах и сформировать правительство, отодвинув от власти лидера Ликуда, «политического ястреба» и «радикального рыночника» Биньямина Нетаньяху. И, соответственно, были весьма разочарованы тем, что Ливни так и не смогла этого сделать. Аналогичным образом поступило и большинство из тех примерно 40% избирателей леворадикальной партии МЕРЕЦ, которые, уйдя в Кадиму, поставили свою прежнюю партию на грань исчезновения, но разочаровавшись в Кадиме, решили «вернуться». Лидеры МЕРЕЦ также сумели привлечь некоторых избирателей из левого фланга Аводы, которые, как и бывшие избиратели МЕРЕЦ, последовали остроумно использованному ее политтехнологами электоральному слогану «смолоним – хабайта» («леваки – отправляйтесь домой!»), который за 12 лет до того скандировали израильтяне, разочарованные негативными последствиями инициированного левыми партиями «ближневосточного мирного процесса».

Для компенсации этих потерь лидер Аводы Шели Яхимович, помимо активных усилий по возвращению как недавних

«беженцев», так и давно ушедших из нее своих прежних избирателей, попыталась мобилизовать и максимально большую часть «новых избирателей», прежде всего из числа маргинализированных групп того же «Первого (ашкеназского) Израиля», в основном молодежи из благополучных районов центра страны, теряющей привычные социальные ориентиры в условиях проводимого Нетаньяху курса на дальнейшую демонополизацию и либерализацию экономики и децентрализацию традиционных властно-собственнических структур. С целью привлечения к партии этих групп, многие из представителей которой на выборы, как правило, не ходят, Яхимович ввела в список партии лидеров «социального протеста» лета 2011 года, подвинув ради них ряд вождей влиятельных аводинских кланов из числа «старой партийной аристократии».

В итоге к началу избирательной кампании Партия труда поднялась с имевшихся у нее в прежнем Кнессете 13 до 22–24 мандатов, но затем вновь упала до 15–18 мандатов, которые опросы давали ей на исходе кампании. Тем не менее, это не мешало Шели Яхимович все это время декларировать Аводу в качестве партии, вернувшей себе отобранный у нее Кадимой в 2009–2012 гг. «исторический» статус главной силы «широкого левого лагеря», а себя в качестве «основной альтернативы» Биньямину Нетаньяху на посту премьер-министра. При этом реальная борьба Аводы шла все же не за голоса избирателей блока Ликуд – НДИ (в этом смысле у израильских лейбористов почти не было шансов), а за «твердое ядро» все той же Кадимы – т.н. «старых мапайников».

Эта заявка, как показали итоги выборов 22 января, так и осталась голословной декларацией, ибо переиграть партию «Еш Атид» во главе с Яиром Лапидом, который, судя по всему, и стал новой надеждой «старых ашкеназских элит», Авода так и не смогла. Именно в качестве лидера очередной «партии центра» – и одновременно «партии угнетенного среднего класса» Яир Лапид обратился и к «сидящим на заборе» «старым мапайникам», и к умеренно правым избирателям Ликуда, и к вышеупомянутым протестным группам «Первого Израиля», в среде которых именно Лапид-младший, а не Шели Яхимович постепенно стал ведущим лидером.

Ситуация еще более усложнилась, когда на израильском «политическом рынке» появился новый левоцентристский проект, инициированный уже после объявления досрочных выборов

в Кнессет проигравшей праймериз в Кадиме Шаулю Мофазу и ушедшей из нее Ципи Ливни. Созданная ею партия «Ха-тнуа» [«Движение»], платформой для регистрации которой стал осколок исчезнувшего в 2006 году Шинуя – партия ХеЦ, и сделала заявку на привлечение все тех же умеренно левых избирателей из наследства исчезающей Кадимы.

«Движению», судя по опросам последних недель избирательной кампании, действительно удалось оторвать часть потенциальных мандатов от Аводы и особенно от «Еш Атид», но стать однозначным лидером левого лагеря и тем более серьезным конкурентом лидерам блока Ликуд – НДИ Ливни так и не смогла. Ее попытки создать «замыкающий блок» левоцентристских партий (Авода, «Еш Атид» и «Движение»), который, по замыслу Ливни, должен не дать Нетаньяху сформировать следующее правительство, также полностью провалился.

Три лидера не сумели договориться не только по поводу того, кто же будет «главным» в их компании, но и по поводу согласованной платформы в плане основных тем избирательной кампании. Заявку на защиту прав «притесняемого налогами и дороговизной жизни среднего класса» громче всех провозгласили Авода и партия Яира Лапида «Еш Атид», но в течение кампании во фразеологии лидера Аводы она постепенно сменилась мотивами защиты интересов малообеспеченных слоев населения. Липид же продолжал позиционировать «Еш Атид» как «ШАС среднего класса», а Ципи Ливни вообще ограничилась предельно общими декларациями.

При этом Ливни из всех сил продвигала тему возобновления застопорившегося палестино-израильского дипломатического процесса, надеясь вернуть себе статус «консенсусной левой альтернативы Нетаньяху». А ее партнеры-соперники по левоцентристскому блоку, напротив, тщательно «заметали под ковер» некогда инициированный стоящими за этими партиями элитами и ныне очень неудобный для них сюжет «палестино-израильского мирного процесса».

В целом же на практике все три партии на протяжении всей избирательной кампании фактически боролись за один и тот же блок левых и умеренно-левых голосов, в сумме соответствующих примерно в 35–40 мандатам. Из которых около половины до начала января 2013 г. контролировала Партия труда (Авода), а вторую половину, как казалось, оспаривали «Еш Атид» и «Движение». Что же касается партии Кадима, начав-

шей предыдущую каденцию Кнессета, располагая крупнейшей парламентской фракцией (28 мандатов), за электоральное наследство которой последние полтора года шла такая острая борьба, то она накануне голосования была вообще близка к тому, чтобы не пройти электоральный барьер.

Насколько можно судить, перелом этих тенденций, который едва успели зафиксировать последние из публичных опросов общественного мнения (публикация которых, согласно закону, прекращается за три дня до выборов), произошел в самые последние дни, если не часы избирательной кампании. Около половины левоцентристских мандатов освоила не партия Авода, а именно «Еш Атид», которой к тому же, тщательно балансируя между правыми и левыми лозунгами, удалось привлечь на свою сторону от 3 до 5 мандатов из числа разочарованных избирателей из умеренно-правой части политического спектра. (По социально-экономическим и политическим характеристикам, многие из них, видимо, были близки к тем, кого А. Шарон в свое время увел из «центристского» крыла Ликуда и иных правоцентристских партий в Кадиму). И, как отмечалось, «Еш Атид», собрав голоса на 19 мандатов, стала второй по численности фракцией Кнессета. А Кадима путем невероятных усилий все же прошла электоральный барьер, став в новом Кнессете минимально возможной 2-мандатной фракцией.

Этот успех Лапида парадоксальным образом нес в себе и зерна проблемы, главной из которых было подтверждение статуса в качестве лидера национального уровня и главного коалиционного партнера правящей партии, которым лидеры «Еш Атид» при любом варианте намеревались быть. Как минимум, для этого Яир Лapid должен был потребовать один из трех «тяжелых» министерских портфелей – МИД, обороны или финансов. Первый из них, особенно желаемый Лapidом, был уже обещан «второму номеру» в списке Ликуд – НДИ, лидеру НДИ Авигдору Либерману. Лapid также понимал, что он будет выглядеть смешным, требуя второй из имеющихся «тяжелых портфелей» – министра обороны. Проблему в этом смысле могло бы решить присоединение к «Еш Атид» двухмандатной фракции Кадимы, для лидера которой, Шауля Мофаза (который в 2003–2006 годах уже возглавлял военное ведомство, а до этого был начальником Генштаба ЦАХАЛа), Лapid мог бы и потребовать искомый

портфель. Но шедшие в первые дни после выборов разговоры об объединении этих двух центристских фракций так и не реализовались на практике.

В конечном итоге Яир Лапид вынужден был согласиться на наименее желаемую опцию и стать министром финансов, – занять пост, чреватый серьезными политическими издержками в свете перспективы быть ответственным за почти неизбежные в условиях еще не закончившегося мирового экономического кризиса антипопулистские шаги в духе ответственной финансовой политики.

Что же касается дальних перспектив партии «Еш Атид» и ее лидера, то их у Яира Лапида только две. Либо, сменив свой лозунг, как предлагает его второй номер в списке, раввин Шай Перон, с «бану лешанот» («мы пришли изменить») на «бану лешаним» («мы пришли на [долгие] годы»), вступить в борьбу за статус главной партии левого лагеря. Либо разделить судьбу всех израильских «партий центра» – проектов на одну, максимум, две каденции.

Общие выводы

Что же означает для израильской политической системы именно тот партийно-политический расклад, который образовался в Кнессете после того, как были опубликованы итоги голосования? Полный ответ на этот вопрос будет, вероятно, получен со временем, но уже при первом взгляде на итоги состоявшихся 22 января 2013 г. выборов в Кнессет напрашиваются три вывода.

Первый: противостояние между партиями широкого левого (куда формально относят и арабские партии) и широкого правого (куда обычно относят и еврейские ультрарелигиозные партии) блоков, традиционно различающимися подходами к кардинальному вопросу израильской политики – путям решения арабо-израильского конфликта по модели, соответственно, «мир в обмен на территории» или «мир в обмен на мир», продолжается. И эксперимент А. Шарона 2005–2008 гг. по созданию партии широкого политического спектра был, скорее всего, случайным эпизодом новейшей израильской политики. Причем несмотря на то, что по опросам, проводимым в ходе избирательной кампании, правый лагерь (куда обычно включают и ев-

рейские ультрарелигиозные партии) стабильно опережал левый (к которому также обычно причисляют и арабские списки) на 10–14 мандатов, в реальности выборы закончились почти паритетным результатом – 61:59.

Предположения о том, что внутри каждого блока будет создан сильный центр власти, пока также не воплотились в жизнь. Существенная часть электорального потенциала блока Ликуд–НДИ и Партии труда оказалась перенаправлена в сторону альтернативно-протестных списков – соответственно, «Еш Атид» и «Еврейский дом». Тем не менее объединенный список Ликуд-НДИ (первый номер которого – Биньямин Нетаньяху – лидирует во всех опросах в качестве наиболее предпочтительной кандидатуры премьер-министра) имеет больше всего мандатов в Кнессете и смог не только сформировать правительство, но и остаться определяющей силой в любой коалиции и любом правительстве.

Третий: израильское общество в свете кризиса концепции и практики «палестино-израильского мирного» процесса не только поправело, но и стало более «центро-ориентированным». И в правом, и в левом лагерях, по-разному относящихся к кардинальному для израильского общества и национальной политики вопросу – путям решения арабо-израильского конфликта, наибольшим весом сегодня вновь пользуются не радикальные, а умеренные партии. Причем относительно наибольшее число мандатов левого лагеря вообще ушло к новой «партии центра» – «Еш Атид». Последняя наряду с тем, что львиная доля ее 19 мандатов была завоевана в левоцентристском секторе, также получила 3–4 из них (а по некоторым данным, до 5 мандатов) из правоцентристской части политического спектра, прежде всего из умеренного крыла Ликуда.

Основным итогом прошедших выборов стала очередная серия политических парадоксов, на которые так богата израильская история. Во-первых, победа правых была не столь убедительной, как рассчитывали лидеры входящих в него партий, но левые еще больше проиграли за счет усиления «умеренного центра». Во-вторых, в Кнессете появилась фракция Ликуд – НДИ, составляющая, несмотря ни на что, более четверти его состава и потому способная стать стабильным ядром узкой или широкой коалиции – даже если эта коалиция будет нестабильной.

И, пожалуй, самое главное: в результате выборов возник разрыв между личным весом тандема Нетаньяху – Либерман, которые представляют собой, по большинству мнений аналитиков, сегодня две самые сильные фигуры израильского политического поля, и относительной слабостью их «партии власти». Все это вносит интересные нюансы в перспективы развития политического процесса в Израиле, которые сегодня еще невозможно точно спрогнозировать.

Часть 3.

**БЕЗОПАСНОСТЬ, ВЛАСТЬ
И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЗРАИЛЯ
В СВЕТЕ ВЫБОРОВ
В КНЕСЕТ 19-го СОЗЫВА**

Глава 9.

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ И ФАКТОРЫ ВЫБОРОВ В КНЕССЕТ 19-го СОЗЫВА

Успехи или неудачи тех или иных партий всегда были и являются результатом нескольких факторов: наличия у них популярного лидера, привлекательного парламентского списка и востребованной предвыборной программы. В последнем случае речь в первую очередь идет о способности этих партий не только адаптировать свою электоральную платформу к основным темам избирательной кампании, но и формировать эту электоральную повестку дня. Наибольшую возможность в этом смысле обычно имеют как лидеры правящей партии и ее ведущих партнеров по коалиции, так и руководители ключевых оппозиционных партий. И те и другие сделали максимум, чтобы именно актуальные для них сюжеты заняли центральное место в ходе данной избирательной кампании.

Электоральная повестка дня

Как можно заметить, политическая борьба на этих выборах шла вокруг четырех тем: внешняя политика и национальная безопасность, вопросы национальной идентичности государства, социально-экономическая проблематика, а также, пожалуй, наиболее критичные для этой кампании темы «справедливого распределения гражданского и налогового бремени». Причем эти темы функционировали в двух качествах: как фокус мобилизации избирателей в пользу связанной с тем или иным вопросом позитивной идеологической программы, так и как фактор так называемого «протестного голосования».

Наибольшее значение в этом смысле приобрели три (точнее, «две с половиной») темы. Первой стало общественное раздражение по поводу роста стоимости жизни, особенно цен на рынке жилья, и, как было объявлено, временным (в связи

с необходимостью выравнивания бюджета) отходом правительства Биньямина Нетаньяху от своего курса на снижение налогообложения частных лиц и мелкого и среднего бизнеса. И несмотря на то, что Израиль успешнее большинства развитых стран прошел наиболее опасную часть мирового финансово-экономического кризиса, имея менее чем 7%-ную (на фоне Европы с ее 11% в среднем и более чем 20% в некоторых странах) безработицу и более чем 3%-ный (по сравнению, например, с 1% в США) экономический рост, и занимает, по данным ЮНЕСКО, 17-е место в мире по уровню жизни, часть общества оказалась все же восприимчива к регулярно задаваемому оппозицией вопросу: «почему все так плохо, если все так хорошо».

Второй темой стали итоги антитеррористической операции ЦАХАЛа «Облачный столп» в секторе Газа. Она была предпринята в ответ на усилившиеся из этого контролируемого радикальной исламистской организацией ХАМАС анклава ракетные обстрелы (121 ракета была выпущена по территории юга Израиля только за четыре предшествовавших началу операции дня) и другие террористические вылазки. За семь дней операции ВВС и ВМС ЦАХАЛа сумели уничтожить тысячи накопленных в секторе ракет средней дальности, большую часть подземных пусковых установок, штабов, пунктов управления и связи, множество туннелей контрабанды оружия, складов и мастерских вооружений и других объектов инфраструктуры террора. А также истребить многие десятки арабских боевиков и командиров, в том числе среднего и высшего звена, за крайне редким исключением не причинив вреда гражданскому населению. В итоге все поставленные стратегические цели операции, которая получила полную поддержку США и европейских стран, были выполнены, сдерживающий потенциал ЦАХАЛа был восстановлен, а продиктованные ХАМАСу и другим террористическим организациям «красные линии» наполнились новым конкретным содержанием.

Что касается самих израильтян, которые в огромном большинстве безоговорочно поддержали решение правительства о действиях против ХАМАСа и их союзников, то многие из них приняли аргументацию правительства о нецелесообразности проведения наземной операции, которая, по мнению израильских лидеров, могла бы оказаться затяжной и кровопролитной и лишить еврейское государство международной поддержки. Однако было очень много и тех, кто был разочарован тем, что

решение о полной зачистке Газы от террористов так и не было принято. (Так, в израильских социальных сетях получила хождение запись предвыборных обещаний Биньямина Нетаньяху 2009 года, когда он обвинял правительство Ольмерта в незавершенности операции «Литой свинец» и обещал свергнуть ХАМАС, а в нескольких расположенных недалеко от сектора Газа городах Израиля прошли небольшие спонтанные демонстрации под лозунгами «народ хочет спокойствия на юге»).

Наконец, некоторую, хотя и намного более минорную по сравнению с первыми двумя пунктами роль играло и раздражение части израильтян некоторыми особенностями функционирования политической системы страны. Опросы последних двух десятилетий показывают постоянное снижение доверия таким институтам власти, как политические партии, различные ведомства, Кнессет и даже, по мировым стандартам довольно эффективная и в привычном смысле практически не коррумпированная, израильская судебная система. Эти тенденции, разумеется, не следует преувеличивать: постоянные сравнения с ситуацией в странах Ближневосточного региона или Восточной Европы, на наш взгляд, не являются в этом смысле обоснованными. Однако в данном случае обычное раздражение системой усилилось в свете решения Биньямина Нетаньяху в мае 2012 г. года сначала объявить, затем отменить, а пять месяцев спустя вновь назначить досрочные выборы в Кнессет. Данное политическое маневрирование, возможно, принесло команде премьер-министра определенный тактический успех, но оставило весьма неприятный осадок у тех граждан, которые посчитали, что их держат в качестве своего рода «бессловесных статистов» в некоем политическом спектакле. А это именно то ощущение, которое израильская общественность не любит и, как показывает практика, своим лидерам чаще всего не прощает.

Рассмотрим, как все эти обстоятельства реализовались на практике.

Внешняя политика и безопасность

В контексте вопросов внешней политики и безопасности в ходе выборов осуждались, по сути, три разных сюжета. Первый – с угрозой со стороны развёртываемой Ираном, пообещавшим «стереть Израиль с политической карты», военной

ядерной программой, борьба с которой стала «визитной карточкой» премьер-министра Израиля и лидера правящей правоцентристской партии Ликуд Биньямина Нетаньяху. Последнему за период своей каденции действительно в значительной степени удалось выделить сюжет о концентрации международных усилий по недопущению появления у Ирана ядерного вооружения, но сделать это главной темой общественной повестки дня и главной темой выборной кампании в Кнессет 2013 года у него так и не получилось.

Еще в сентябре 2012 года казалось, что по поводу Ирана в обществе имеет место абсолютный консенсус: с точки зрения большинства израильтян, ИРИ, лидеры которой заявляли о намерении «стереть Израиль с политической карты Ближнего Востока», нельзя позволить заполучить ядерный потенциал. И только в момент объявления досрочных выборов выяснилось, что израильтяне, которым на протяжении двух лет говорили, что Иран создаст атомную бомбу через полгода или в считанные месяцы, или дело пошло на недели, несколько устали от этой темы: согласно опросам, только четверть израильтян оказалась готова к тому, чтобы, решая вопрос о том, какую партию поддержать на выборах, среди прочего, взвесить ее отношение к иранской проблеме. Понятно, что конкурентам Нетаньяху из левого политического лагеря также не было резона обсуждать тему иранской ядерной угрозы. Ни лидер Аводы Шели Яхимович, ни лидер «Еш Атид» Яир Лапид, ни промолчавшая, по сути, всю каденцию в качестве лидера оппозиции бывшая глава Кадимы, а ныне партии «Ха-тнуа» Ципи Ливни вряд ли в состоянии были сказать что-либо, что воспринималось бы как рациональная альтернатива позиции Нетаньяху по проблеме иранской ядерной угрозы.

Однако попытка части израильских левых сделать главной темой избирательной повестки дня вопрос продвижения палестино-израильских переговоров также была не более удачной. Почти тотальное разочарование очень многих израильтян итогами этого процесса и давшими ему старт «договоренностями Осло» придало данным сюжетам на этих выборах весьма минорное звучание. Потому такие партии, как Авода и «Еш Атид» предпочли в ходе кампании ограничиться некими обтекаемыми фразами по этому поводу, одновременно тщательно «заметая под ковер» некогда инициированные стоящими за этими партиями элитами и ныне очень неудобные для них вопросы

урегулирования с ООП/ПНА по модели «мир в обмен на территории». Фактически единственными партиями, которые пытались активно продвигать тему палестино-израильского урегулирования, были леворадикальный блок МЕРЕЦ и левоцентристская партия «Ха-тнуа».

Последняя, благодаря позиции ее лидера Ципи Ливни, обязавшейся немедленно возобновить переговорный процесс «с той точки, на которой он был прерван в 2008 году», в бытность Ливни министром иностранных дел в правительстве Эхуда Ольмерта, оказалась «партией одной идеи». Эффект от этой заявки был невелик: обе партии получили в сумме 12 мандатов, или 10% от состава Кнессета. Что примерно соответствует сегодняшней доле сторонников идеи кардинальных уступок палестинским арабам в обмен на полное завершение конфликта среди израильтян.

В итоге на первый план вышла тема региональной безопасности, понимаемая как проведение оптимальной политической линии, которая в условиях, вызванных «арабской весной» кризиса привычной системы региональных «сдержек и противовесов», способна обеспечить Израилю продолжение сравнительно спокойного существования и динамичного социально-экономического развития. По сути, речь шла о столкновении двух концепций: наследия «эпохи Осло» и, назовем его, «новостарого регионального мышления».

Согласно первой точке зрения, еврейское государство, положившись на «внешние» гарантии (великих держав и Лиги арабских государств), в принципе, может пойти на рискованные действия, такие как передача территорий и кардинальные уступки арабам в иных стратегических вопросах. Причем согласно этому подходу, подобные шаги следует считать «разумной и умеренной платой» за создание системы коллективной региональной безопасности, частью которой станут арабские режимы – причем не только «светские прозападные», но, в конце концов, и новые исламистские. Данный взгляд на вещи, который не раз в ходе нынешней кампании высказывал один из «архитекторов Осло», ныне действующий президент Израиля Шимон Перес, фактически лежал в основе платформы партии «Ха-тнуа» Ципи Ливни и отчасти МЕРЕЦ. Лидеры последнего, впрочем, полагали необходимым идти еще дальше, считая, что готовность Израиля на немедленное заключение мирного договора с палестинскими

арабами на их условиях уже само по себе создает достаточные гарантии его безопасности.

Сторонники противоположной точки зрения, наоборот, полагают, что в «момент истины» Израиль сможет рассчитывать исключительно на себя. Как заметил в одном из интервью в свою бытность главой МИДа Израиля Авигдор Либерман, «сегодня США, НАТО, Европейский союз, Россия поглощены своими проблемами, и поэтому никто [из их политиков] не хочет рисковать собственной карьерой ради каких-то отвлеченных моральных принципов. К сожалению, дружба с Израилем, даже просто объективное к нему отношение, никому не сулит политических дивидендов. В наше время, как и всегда, “Черчиллей”, к сожалению, очень мало. А “Чемберленов” – много»¹⁴⁵.

Близкое, по сути, заявление такого рода озвучил в своем выступлении в Давосе в январе 2013 года и министр обороны Израиля Эхуд Барак. Отметив факт полного бездействия мирового сообщества относительно кровопролития в Сирии, предложил странам мира не тешить себя иллюзиями о том, что «помощь извне в сложных обстоятельствах есть нечто само собой разумеющееся». При этом он дал понять, что это предупреждение в полной мере относится и к самому Израилю, народ которого должен решить, насколько можно полагаться на гарантии поддержки тех стран и организаций, включая лучших друзей Израиля, которые поощряют его к попыткам «купить» мир с арабами путем передачи им имеющих стратегическое для безопасности страны значение территорий в Иудее, Самарии, Иорданской долине и на Голанских высотах.

Именно эта концепция лежала в основе платформы блока Ликуд – НДИ Биньямина Нетаньяху и Авигдора Либермана и партии «Еврейский дом» Нафтали Беннета. А также нового председателя Кадимы Шауля Мофаза, который сделал тему безопасности главной идеей своей избирательной кампании, благодаря чему сумел удержать не только часть ранее голосовавших за Кадиму и уже было собравшихся вернуться «домой» умеренных ликудников, но и, не исключено, какую-то часть сторонников сошедшей с дистанции «центристской» партии

¹⁴⁵ Цит. по: Ближний Восток: столкновение цивилизационных кодов. Израиль рассчитывает на себя. Интервью с министром иностранных дел Израиля Авигдором Либерманом // *Вестник Европы – Herald of Europe*, 2011, № 30. <http://magazines.russ.ru/vestnik/2011/30/po.html>

Эхуда Барака Ацмаут. Все эти лидеры были вполне солидарны с идеей укрепления сдерживающего стратегического потенциала Израиля, и самостоятельного, без диктата извне, определения «безопасных и защищаемых границ страны», расходясь, правда, как между собой, так и с Баракком по вопросу о конкретной их конфигурации.

Социально-экономические и гражданские вопросы

Второй важнейший сюжет избирательной кампании был связан с социально-экономической проблематикой, в связи с чем следует сделать два замечания. Во-первых, поднимая эту тему и произнося одни и те же слова, представители различных партий часто имели в виду разные вещи. Так, в то время лидеры Ликуда и НДИ как руководители будущей «партии власти» делали акцент в основном на аспектах макроэкономической политики (как выразился министр финансов от Ликуда Юваль Штайниц, говорили о том, «как лучше всего испечь пирог национального дохода»), а их конкуренты главным образом говорили о политике социальной (то есть как этот «пирог» правильно поделить).

Во-вторых, уже в ходе избирательной кампании были сделаны попытки изменить акценты в этих вопросах, сдвинув фокус общественного внимания с темы «борьбы за права угнетенного среднего класса», которая в свете прошедшей летом 2011 года волны социальных протестов обещала стать «хитом» этих выборов, в иную сторону. А именно, на более привычную дискуссию об оптимальных моделях поддержки социально слабых слоев населения.

В силу этого социально-экономическая политика впервые после очень долгого перерыва стала основным водоразделом между участвующими в борьбе за место в Кнессете партиями.

Как уже было отмечено, в то время как Нетаньяху и Ликуд были сторонниками идеи «направляемого капитализма» – широкой приватизации экономики с минимальным вмешательством государства в рынок и социальную сферу, Либерман и НДИ две последние каденции придерживались т. н. «социально-рыночной» ориентации. При всем различии этих подходов они были намного ближе друг другу, чем к моделям «корпоративно-

олигархического рынка», сторонниками которого были многие основатели изначально центристской, но затем сильно полевевшей партии Кадима, которая была во многом проектом т.н. «22 семей» – доминирующих в частном сегменте хозяйства Израиля владельцев индустриально-финансово-информационных мега-концернов. (По данным СМИ, Кадиму поддерживали представители 12 ведущих финансово-промышленных групп, контролирующих через многоступенчатую систему холдингов около 60% совокупной рыночной стоимости всех израильских компаний)¹⁴⁶. Эти круги, исторически выросшие из квазирыночной государственно-профсоюзной и муниципальной экономики эпохи МАПАЙ, активно сопротивлялись проводимой Нетанияху политике монополизации и либерализации, однако также были не готовы согласиться на требование тогдашнего лидера Аводы Амира Переца (и близкой к нему в этом смысле новой главы этой партии Шели Яхимович) о приостановке и пересмотре итогов приватизации и не могли поддержать предлагаемые им рискованные социальные эксперименты.

По данным прессы, новым ставленником этих групп была партия Яира Лапида (в конце декабря 2012 г. в СМИ промелькнуло сообщение, что группа крупных израильских бизнесменов встречалась с Лapidом для обсуждения «мер по отстранению радикального рыночника Нетаньяху от власти»), а также созданная на развалинах Кадимы партия «Хатнуа» Ципи Ливни.

Равно далеки лидеры НДИ и Ликуда были и от требований Партии труда о возрождении базовых элементов государственно-распределительной экономики и укреплении общественного сектора, с которым продолжают быть тесно связаны «старые элиты» Израиля. Но в этой же модели распределительной экономики фактически заинтересованы и социальные лобби Ликуда и ШАС, будирующие тему «униженных и оскорбленных», именно на этом основании имеющих право на повышенную долю «пирога» общественных благ.

В свою очередь, «Еш Атид» и «Еврейский дом», которые сумели дать наиболее актуальный – разумеется, на уровне электро-альных символов – ответ на одну из центральных тем этих выборов, позиционировали себя как в первую очередь партии израильского среднего класса, непропорционально большие сегменты которого проживают в основных сферах влияния этих партий. Со-

¹⁴⁶ Jerusalem Post, 3.04.2006.

ответственно, в благополучных светских кварталах прибрежных мегаполисов и «старых» кибуцах и мошавах – у первой, в коллективных поселениях Иудеи и Самарии, а также «экономически продвинутых» религиозных и смешанных городских районах по обе стороны «зеленой черты» – у второй.

Как можно заметить, в этот раз платформа «Еврейского дома» существенно отличалась от традиционного подхода «социального лобби» партии МАФДАЛ, в которой, начиная со второй половины нулевых годов, особенно после выхода из нее праворадикальной группы Э. Эйтама «Обновленный религиозный сионизм», стали звучать нотки примирения с итогами эвакуации еврейских поселений сектора Газа и Северной Самарии и необходимости переключения основного внимания национально-религиозного лагеря на вопросы экономического благосостояния образования и культуры. Так, в интервью газете «Джерузалем пост» в январе 2006 года тогдашний глава МАФДАЛ Звулун Орлев сказал, что «заккрытие школы хуже, чем ликвидация поселения», а председатель фракции МАФДАЛ в Кнессете Шауль Яалом тогда же заявил, что его партия «не будет поддерживать анти-социальный бюджет, не способствующий сокращению разрывов в обществе». На протяжении последующего пятилетия лидеры МАФДАЛ продолжали озвучивать идею о том, что «следует сначала помочь населению Сдерота и Офаким» (населенные выходцами из Азии и Африки города развития с высоким уровнем безработицы и низким, по израильским понятиям, образовательным и жизненным уровнем их обитателей) с тем, чтобы они помогли потом отстоять Офру и Бейт-Эль (зажиточные еврейские поселения в стратегических точках Самарии).

На этот раз сформулированное Беннетом «экономическое кредо» было адресовано совсем другим слоям, хотя и по-прежнему было четко отделено от внешнеполитической и «светско-религиозной» тематики. По словам Нафтали Беннета, «основной проблемой сегодня является не религия, а экономика. Я придерживаюсь мнения, что должна быть свободная конкурентная экономика. Малый и средний бизнес – это костяк экономики. В то же время надо заботиться о слабых слоях населения. По факту, люди разделены на тех, кто имеет наработанные связи и возможности, и на тех, кто “не допущен” до кормушки. К первым относятся профсоюзы, монопольные компании. Есть многие области, куда “чужих” просто не пускают.

Одной из моих задач является противостояние малым агрессивным группам, которые пытаются держать весь Израиль за горло». Причем столь же определенно, как и Беннет, высказывался в этом плане и Яир Лапид. В итоге опросы указывали на наличие значительного числа молодых избирателей, колебавшихся между голосованием за «Еврейский дом» и «Еш Атид», причем как в правом, так и левом лагере.

Что же касается темы защиты экономически неблагополучных слоев населения, то она, как и в прошлом, была знаменем религиозной социально-популистской партии ШАС, основная масса избирателей которой проживает в населенных преимущественно потомками выходцев из стран Востока неблагополучных, по израильским понятиям, кварталах больших городов и периферийных «городах развития». Эту же тему продвигал, но уже в интересах прежде всего своего, многодетного и в значительной степени живущего на социальные пособия электората ашкеназский ультраортодоксальный блок «Еврейство Торы». А также (в упаковке с идеями «продвижения мирного процесса», который решит все проблемы, включая социально-экономические) антиклерикальный по своей идеологии МЕРЕЦ. Помимо них в Кнессет и на этот раз пытались пробиться многочисленные списки, представляющие новые движения социального протеста малообеспеченных групп, которые будучи не в состоянии преодолеть электоральный барьер, как и в прошлом, «утопили» немало голосов социальных и секторальных партий.

Наконец, оба сюжета – интересы среднего класса и не-привилегированных групп населения – пытались сочетать «социально-рыночные» партии Ликуд и НДИ, либеральная экономическая платформа которых умеряется наличием в этих партиях отмеченного выше сильного «социального лобби». Последнее в основном представлено соответственно сефардами-традиционалистами и представителями двух групп выходцев из бывшего СССР – молодежью «в начале пути» и пожилыми получателями пособий по старости и соцобеспечению. На практике подход обеих партий предполагал сочетание курса на монополизацию рынка и снижения налогового бремени на работающих по найму профессионалов и мелких и средних предпринимателей, с реализацией пакетов «адресной» социально-экономической поддержки целевых групп – пенсионеров, репатриантов, инвалидов, молодых пар, солдат, студентов и т.д.

Ту же линию, но с меньшим успехом пыталась проводить и Партия труда, на экономическую платформу которой явно повлияли лозунги Демократической партии США. Так, представители Аводы обещали в ходе кампании добиться стабилизации бюджета, не повышая ни прямую налоговую нагрузку на средний класс, ни косвенные налоги, от которых, по мнению лидеров социально-популистских партий, в первую очередь страдают малообеспеченные слои. (Лидер партии Шели Яхимович накануне выборов не раз заявляла, что в случае прихода к власти она будет добиваться снижения НДС на товары первой необходимости и его дифференциации на другие товары, а также поддерживать мелкий и средний бизнес). Взамен лидеры Аводы предлагали повысить т.н. «налоги на богатых»: выплаты коммерческих компаний, ренту за пользование природными ресурсами, а также пересмотреть список налоговых льгот, предоставляемых крупным корпорациям в рамках закона об инвестиционных поощрениях¹⁴⁷.

В качестве ответной реакции, член Ликуда, тогдашний министр финансов Юваль Штайниц предостерег, что реализация налоговой и в целом экономической программы Аводы способна довести ситуацию в экономике до коллапса, подобного тому, что происходит в Испании и Греции. Близкую позицию по этому вопросу заняли и две другие либерально-рыночные партии. В ходе предвыборных дискуссий «Еврейский дом» категорически отверг идею повышения корпоративных налогов, видя в этом «смертельный удар по возможности Израиля достойно конкурировать на мировых рынках», а также выразил сомнение в том, что повышение «подходного налога на богатых» сможет решить бюджетные проблемы страны, поскольку, как показывает практика, подобный ход чаще всего приводит к обратному результату – падению налоговых сборов и росту безработицы. С таким подходом были солидарны и лидеры «Еш Атид», которые предложили снизить бюджетный дефицит за счет урезания социальных пособий для учащихся религиозных учебных заведений, не служащих в Армии обороны Израиля, а также социальных пособий на многодетные семьи. А с этим, понятно, были категорически не согласны в социально-религиозных еврейских (ШАС и «Еврейство Торы») и арабских партиях.

¹⁴⁷ Цит. по: Gilad Morag. Lapid: Yachimovich leading us to messianic government // *Ynet*, 3.01.2013.

Что касается гражданских вопросов, то на этих выборах данная тема имела несколько иное звучание, чем в привычных для израильской политики сюжетах светско-религиозного противостояния. Следует сказать, что левая оппозиция на протяжении всей каденции прежнего Кнессета не жалела усилий, за не имением до лета 2011 года других выигрышных тем, для продвижения именно этой тематики, активно формируя в массовом сознании через подконтрольные им СМИ образ «коварного паразита-ультраортодокса». Смысл таких действий был понятен: в 1999 году израильские левые сумели также через контролируемые ими СМИ убедить основную массу светских израильтян, что в Израиле идет «война светской и религиозной культур», в свете которой меркнут «существенно менее актуальные» вопросы внешней политики и безопасности. В итоге, лидер правых тогдашний (и нынешний) премьер-министр Нетаньяху, который в свою первую каденцию сумел кардинальным образом снизить уровень арабского террора, но не смог убедить основную массу политически умеренных израильтян в том, что он отнюдь не намерен, как утверждали его противники, «продать страну религиозным ортодоксам», проиграл выборы кандидату левых Эхуду Бараку, который тогда позиционировал себя в качестве «главного борца с религиозным засильем».

Нечто подобное политтехнологи ряда левых партий пытались разыграть и на этот раз, равномерно «подбрасывая дрова под постепенно закипающий котел» общественного недовольства «религиозными». Типичным примером этой линии может служить статья известного глашатая левого лагеря, политического обозревателя газеты «Гаарец» Алуфа Бена. В статье, опубликованной 10 марта 2010 г. и наполненной почти буквальными цитатами 10–12-летней давности, автор заявляет: «Спор о территориях все еще занимает левых и правых радикалов, которые периодически выплескивают свою ненависть друг к другу.... Однако спор о территориях больше не является сколько-нибудь существенной частью внутриизраильского политического диалога. Ключевым является вопрос национальной идентификации Израиля: каково правильное соотношение между главными элементами известной формулы "еврейское и демократическое государство", каково правильное соотношение между прошлым и будущим? Ведется бой за душу израильского "мейнстрима", постоянно сокра-

щающегося большинства светских и умеренно-религиозных израильтян»¹⁴⁸.

Справедливости ради заметим, что и сама ультраортодоксальная общественность сознательно или бессознательно, но вполне охотно включилась в эту игру, устраивая шумные, но малоосмысленные акции протеста в Иерусалиме и других городах со смешанным светско-религиозным населением. Эти и другие действия часто идут в разрез с принятыми в стране нормами светско-религиозного статус-кво, сильно раздражают светское население и широко муссируются в печатных и электронных СМИ.

Именно эта линия, судя по всему, должна была достичь пика во время, или непосредственно накануне выборов в Кнессет 19-го созыва. Однако сделать тему «борьбы с религиозным засильем» главным сюжетом тех выборов заинтересованным силам тогда так и не удалось. В общественном мнении продолжало доминировать представление о том, что реальное противостояние пролегает не между светским и религиозным населением, а между сионистским большинством (светские, традиционалисты, религиозные сионисты и ультраортодоксально-национальный лагерь) и антисионистским меньшинством (арабы и харедим-антисионисты). И именно в этом контексте ставились идеологические и социально-гражданские вопросы, главным из которых, как отмечалось, было справедливое распределение экономического и гражданского бремени с акцентом на тему всеобщего призыва в ЦАХАЛ и участия граждан в формировании доходной части бюджета. В наилучшей степени этот сюжет еще до начала выборов был «отработан» НДИ, хотя и позитивное впечатление от бескомпромиссной позиции которой к началу избирательной кампании несколько потускнело. Что позволило агрессивно войти в эту нишу партиям Лапида и Беннета, причем резко отрицательное отношение ультрарелигиозных и арабских партий к этой идее лишь добавило партиям «Еш Атид» и «Еврейский дом» массу протестных голосов.

¹⁴⁸ Aluf Benn. Jewish or Israeli? // *Haaretz*, 10.03.2010.

Глава 10.

ПАЛЕСТИНСКАЯ ТЕМА НА ВЫБОРАХ В КНЕСЕТ 19-го СОЗЫВА

Именно по отмеченным в предыдущей главе причинам впервые за много лет тема взаимоотношений Израиля с палестинскими арабами, которая наряду с другими аспектами арабо-израильского конфликта и связанными с ними сюжетами внешней политики и безопасности традиционно играла роль главного политического водораздела в израильском электорате, имела весьма минорное звучание.

Общественное мнение в электоральном контексте

Причины ухода темы «мирного урегулирования» с палестинскими арабами на периферию общественного сознания израильтян многоплановы. Сирийский кризис и развитие иранской военной ядерной программы явно отодвинули палестинский вопрос на периферию ближневосточной повестки дня мирового сообщества. Свою роль сыграла и серия смены власти (т.н. «арабская весна») в странах Ближнего Востока и Северной Африки, разрушившая привычный баланс сил в регионе и приведшая к замене неидеальных националистических на исламистские режимы – во всех смыслах еще более проблематичные. Как справедливо заметил израильский публицист, дипломат и общественный деятель Йорам Эттингер, «представления, что в арабских странах произошло свержение деспотических режимов силами прогрессивной молодежи, независимыми либералами и умеренными мусульманами, разбились о скалы ближневосточной реальности. Дальнейшие надежды, что верх берут силы "умеренного ислама", избегающие насилия, стремящиеся снизить уровень радикализации арабской улицы, и сфокусироваться на решении многочисленных

экономических проблем, всего лишь означали принесение реализма в жертву wishful-thinking»¹⁴⁹.

А это, в свою очередь, резко снизило в Израиле число сторонников создания палестинского государства, где приход к власти подобного режима может стать вполне реальной перспективой. (Установление в «отпавшем» от Палестинской национальной администрации секторе Газа радикально-исламистского режима террористического движения ХАМАС, которое в отличие от «светских националистов» из ФАТХ/ООП даже на словах не признает права Израиля на существование в каких бы то ни было границах, для многих в Израиле служит вполне достаточным аргументом). В итоге только 20% израильтян, если верить данным опроса агентства Минны Цемах, проведенного в ноябре-декабре 2012 года по заказу и инициативе Иерусалимского центра общественной политики (Jerusalem Center for Public Affairs), полагали, что недавние события на региональной «арабской улице» должны рассматриваться вне контекста конфликта между израильскими евреями и палестинскими арабами. И лишь 21% полагал, что в свете этих событий следует срочно ускорить процесс урегулирования с Палестинской национальной администрацией (ПНА).

Но самой главной причиной следует все же считать однозначное разочарование подавляющего большинства израильского общества, в результатах идущего с начала 90-х гг. прошлого века палестино-израильского «мирного» (ныне именуемого «политическим») «процесса Осло». Точнее, в идее возможности достижения мирной договоренности с националистическими, в том числе, «бывшими» террористическими движениями, в данном случае ООП, по модели «мир в обмен на территории», которая ранее применялась исключительно в отношении устойчивых (или казавшихся таковыми) «прозападных» арабских государств – таких, как Египет и Иордания. Разочарование израильтян только усилилось в свете стратегии, избранной председателем ПНА и ООП Махмудом Аббасом, который вдохновленный или же дезориентированный доносящимися из Белого дома после прихода туда Барака Обамы идеями «перезагрузки» отношений США с арабским миром, вероятно, пришел к ложному выводу. А именно, что контекст «нового прочтения» американцами своих ближневосточных интересов, якобы дает

¹⁴⁹ Yoram Ettinger. The Arab Street – Quo Vadis? // *Israel Hayom*, 14.12.2012.

ПНА возможность получить от Израиля «все и сразу», почти ничего не давая в взамен.

Причем, даже убедившись в ошибочности подобного вывода, палестинские арабские лидеры продолжали обуславливать продолжение переговоров с Израилем набором иррационально-завышенных предварительных условий, априори неприемлемых для любого израильского руководства. Так, представляя 4 января 2013 года свое видение национально-политических перспектив палестинских арабов на заседании в честь очередного юбилея ядра ООП – движения ФАТХ Махмуд Аббас вновь постарался избежать темы «исторического компромисса» с Израилем, который приведет к окончательному завершению конфликта. Он также не говорил и о формуле «мир в обмен на территории», и вообще о готовности лидеров ПНА принять идею мирного сосуществования палестинского государства рядом с еврейским, то есть о положениях, в приверженности которым палестинского руководства полностью убеждены израильские левые. Напротив, палестинский лидер сосредоточился на теме продолжения борьбы с Израилем за «возвращение» на его территорию палестинских беженцев и миллионов их потомков¹⁵⁰, то есть на сюжете, который бескомпромиссно исключает какую бы то ни было возможность для урегулирования.

В свою очередь, все эти действия подвели не только противников, но и часть ранее последовательных сторонников палестино-израильского урегулирования по модели «два государства для двух народов» к разочаровывающему выводу, что самые радикальные израильские уступки (включая те, которые, как считают многие в Израиле, ставят под угрозу его безопасность и статус еврейского демократического государства) даже не приближаются к самым минимальным требованиям палестинской стороны. Мнение, что на «той стороне» у Израиля «нет партнера» по переговорам, утверждалось не только среди сторонников «акцентировано правых» партий, что естественно, но и среди избирателей «умеренной» части политического спектра (от левого до правого центра), обычно определяющих судьбу от двух третей до трех четвертей парламентских мандатов и, соответственно, состав правящей коалиции и личность главы правительства.

¹⁵⁰ Jonathan D. Halevi. Abbas Reinstates a Radical Political Doctrine // *Jerusalem Issue Brief*. Vol. 13, No. 1, 11.01.2013.

А в этом секторе ситуация однозначна: исследование Минны Цемах, проведенное по инициативе Иерусалимского центра общественной политики (Jerusalem Center for Public Affairs), показало, что среди сторонников правоцентристских движений 91% потенциальных избирателей объединенного списка правящего Ликуда и «израильской с русским акцентом» партии НДИ и 97% избирателей движения сефардов-традиционалистов ШАС не верят в то, что руководство ПНА по-настоящему готово принять ответственные решения, необходимые для завершения конфликта с Израилем. Еще более показательно, что того же мнения придерживались, соответственно, 57 и 65% избирателей левоцентристских партий – Авода (Партия труда) и «Еш Атид» («Есть будущее»). Причем, соответственно, 80 и 62% сторонников этих партий полагали, что ни о каком соглашении с палестинскими лидерами не может быть и речи без признания ими еврейского характера Государства Израиль, а это руководство ПНА последовательно и категорически отказывается сделать. Наконец, более 70% избирателей правоцентристских партий и примерно половина левоцентристов заявили, что они предпочитают «защищаемые границы» (то есть конфигурацию границ, обеспечивающую необходимый уровень безопасности Израиля, каковой «зеленая черта», по общему мнению, никак не является) мирному соглашению с палестинскими арабами¹⁵¹.

Иными словами, подавляющее большинство израильтян, перепробовав все способы урегулирования (и разочаровавшись в них) — от переговоров с целью достижения окончательного соглашения «здесь и теперь» и «поэтапных шагов навстречу друг другу» до «одностороннего размежевания» и радикальных силовых вариантов, — сегодня предпочитают скорее «жить с палестинской проблемой», чем ее решать тем или иным образом. И потому палестинская тема закономерно ушла на периферию общественного сознания, уступив место иным сюжетам, в первую очередь социальной и гражданской тематике.

Так, исследование, проведенное по заказу Организации послов Ротшильда и опубликованное 19 декабря 2012 г. в газете «Маарив», показало, что четыре пятых жителей Израиля считают решение социально-экономических проблем более важным или, как минимум, столь же важным, как и решение

¹⁵¹ Jonathan Lis. Poll: 67% of centrist Israelis wouldn't elect party that splits Jerusalem // *Haaretz*, 18.12.2012.

проблем в сфере безопасности. (Четверть израильтян, согласно этому опросу, была в наибольшей степени обеспокоена дороговизной товаров и услуг, пятая часть – темой равенства при несении гражданского бремени и примерно по 15% – ценами на жилье и проблемами системы просвещения; далее следовали проблемы занятости, системы здравоохранения и реформы политической системы).

Настроения отразила передовая статья в газете «Джерузалем пост»: «Израильтяне сегодня хотят покоя и уверенности в будущем. Ни больше, ни меньше. И что самое главное, более не испытывают по этому поводу никаких иллюзий»¹⁵².

Партийные платформы

Не вызывает удивления, что с учетом подобного настроения электората сформулированы и платформы в отношении «палестино-израильского трека» ведущих израильских партий. Так, Биньямин Нетаньяху и Авигдор Либерман, соответственно возглавляющие шедшие на выборы в Кнессет 19-го созыва одним списком Ликуд и НДИ, формально не отвергали – при наличии «на той стороне» вменяемых партнеров для продуктивных переговоров – идею «двух государств для двух народов». (Об этом как о «фундаментальной линии следующего правительства в соответствии с Бар-Иланской доктриной Биньямина Нетаньяху» 6 января 2013 г. заявил в интервью радиостанции "Решет бет" Авигдор Либерман¹⁵³). Но они же настаивали на сохранении к западу от реки Иордан существующего геополитического статус-кво, коль скоро такие партнеры сегодня отсутствуют. На практике это предполагает укрепление и фактическую аннексию крупных поселенческих блоков, а также выстраивание «особой линии» в отношении режимов в секторе Газа и арабских массивах (в терминологии Либермана, «кантонах») на Западном берегу р. Иордан.

В свою очередь, Яир Лапид – лидер партии «Еш Атид», претендующей сегодня на статус очередной «партии центра»,

¹⁵² We Gave Peace a Chance // *A Jerusalem Post Column*, 11.01.2013.

¹⁵³ Цит. по: Ex-FM Lieberman: Next government's guidelines will embody two-state solution // *DEBKAFfile*, 6.01.2013. – <http://www.debka.com/newsupdate/3385/>

которая, как и ее предшественницы, пытается привлечь как умеренных левых, так и умеренных правых избирателей, сформулировал свою политическую платформу в довольно объектаемых, а иногда достаточно противоречивых тонах. Показательно, что свою доктрину в сфере безопасности и разрешения арабо-израильского конфликта Яир Лапид представил в Университетском центре расположенного за «зеленой чертой» г. Ариэль, неофициальной столицы Самарии, к бойкоту культурных, научных и общественных мероприятий в котором (как и в других еврейских населенных пунктах Иудеи и Самарии) постоянно призывают израильские ультралевые политики и интеллектуалы.

В своем выступлении лидер «Еш Атид» ожидаемо осудил подобные призывы и заявил, что три основных еврейских поселенческих массива Иудеи и Самарии – район Ариэля, Гуш-Эцион и Маале-Адумим должны при любом варианте урегулирования остаться внутри Государства Израиль. С другой стороны, в явном противоречии с этой декларацией Яир Лапид позже осудил планы правительства относительно строительства жилья в иерусалимском районе Рамат-Шломо, зоне «Е-1» (коридоре, соединяющем Иерусалим с Маале-Адумим) и том же Гуш-Эционе, то есть районах, которые, согласно его же внешнеполитическим декларациям, должны перейти под суверенитет Израиля. А в другом своем выступлении политик «категорически заявил», что «Еш Атид» не войдет в правительство, которое не хочет вернуться за стол переговоров с палестинскими арабами. Впрочем, лидер партии тогда так и не уточнил, каким же образом он намерен убедить вернуться за этот стол глав ПНА, регулярно отвергающих намного более радикальные, по сравнению с идеями Лапид, предложения и уступки израильтян, а также, говоря о необходимости политического урегулирования, не представил никакого конкретного его плана.

В не менее сложной ситуации оказалась и Шели Яхимович, лидер Партии труда (Авода) – наиболее левой из сионистских фракций «умеренного спектра». С одной стороны, радикально левые убеждения Яхимович, которая и в свою бытность журналистом, и после избрания в Кнессет активно критиковала правительства Шарона, Ольмерта и того же Нетаньяху в обе его премьерские каденции за отсутствие готовности идти на кардинальные уступки палестинцам и вести переговоры (причем не только с «умеренным» ООП, но и с исламистским ХАМАСом)

на их условиях, хорошо известны. С другой стороны, выиграв внутрипартийные выборы под обещание «вывести кризиса» эту некогда безраздельно правящую в Израиле партию, Яхимович вполне отдавала себе отчет в том, что это невозможно без возвращения поддержки избирателей из умеренного центра, в глазах которых – как и большинства общества в целом – Авода продолжает идентифицироваться с последствиями инициированного ее лидерами в начале 90-х гг. «процесса Осло». В итоге Яхимович приняла решение сосредоточиться на социально-экономической тематике, обещающей стать «хитом» избирательной кампании. Одновременно лидеры Аводы тщательно «заметали под ковер» очень неудобный для них сюжет «палестино-израильского мирного процесса» в ответ на требования своих соперников, а также некоторых сторонников высказаться по этой теме, делая общие заявления о необходимости «решения проблемы за столом переговоров исходя из прагматических интересов Израиля».

Несмотря на растущую критику в свой адрес со стороны политических конкурентов в том, что Яхимович «забросила традиционную адженду» Аводы (как это, например, сделал Аммрам Мицна – лидер этой партии в 2002–2003 гг. и неудачливый соперник Яхимович на последних праймериз, заявивший в момент своего ухода в «Движение» Ципи Ливни, что это не он покидает свой политический дом, а, наоборот, «дом покинул его»), она на протяжении всей избирательной кампании в Кнессет 19-го созыва продолжала делать нестандартные для нее декларации. Так, 17 декабря 2012 г. в интервью Ynet Яхимович утверждала, что «Авода не является и никогда не была левой партией, а, напротив, партией центра, в которой были свои «голуби» и свои «ястребы»». И что ее политические принципы обусловлены прагматизмом, а не какими-то «романтическими мечтами» о мире, и партия мало отличается в этом отношении от Ликуда, «так как Биньямин Нетаньяху тоже признает принцип двух государств для двух народов».

В заключение интервью Яхимович окончательно потрясла граждан страны, заявив, что «строительство поселений на Западном берегу вели в основном правительства Аводы (sic!) и потому недопустимо считать поселенцев врагами и не заботиться об их жизненных интересах». Исходя из этого принципа, лидер Аводы выступает против урезания финансирования поселений до того момента, как будет достигнуто урегулирование

с палестинцами. Что касается предполагаемых границ, то, по мнению Яхимович, поселенческие блоки должны остаться израильской территорией, а вопрос Иерусалима следует решать позже и разделить его по этническим границам: чтобы еврейские кварталы остались в Израиле, а арабские отошли палестинцам.

Все это, разумеется, отнюдь не означало, что Авода непременно будет следовать тому же курсу и после выборов. И потому было немало обозревателей, которые считали, что сразу же после выборов 22 января 2013 года «Шели покажет свою левую сущность» и «отыграется за те месяцы, когда она была вынуждена наступать на горло собственной идеологической песне». Но в тот период в пропагандистской кампании Аводы тема прорыва на палестино-израильском переговорном треке явно проходила под грифом «почти неактуальной».

Единственным политиком, заявившим претензии на общенациональное руководство, который именно тему палестино-израильского урегулирования поставил во главу своей платформы, стала бывший лидер оппозиции Ципи Ливни. В начале декабря 2012 г. она объявила о создании новой левоцентристской партии под названием «Движение», немедленно вступившей в борьбу с Аводой и партией «Еш Атид» за раздел разваливающегося электората главной оппозиционной партии Кадима, из которой Ливни вышла более полугода назад, проиграв внутрипартийные выборы Шаулю Мофазу. По мнению команды Ливни (к которой присоединились известные своей «голубиной» идеологией бывшие лидеры Аводы Амир Перец и упомянутый Абрам Мицна), возвращение идеи возобновления ближневосточного «мирного процесса» в центр общенациональной повестки дня и, как следствие, изменение акцентов и тематики нынешней избирательной кампании поможет «Движению» переиграть своих левоцентристских конкурентов и выдвинуть Ципи Ливни, как это уже случилось накануне прошлых выборов, в качестве «консенсусной альтернативы» левого лагеря «ястребу» Биньямину Нетаньяху.

Результат этих усилий был невелик, тем более что Ливни так и не представила никакого предметного политического плана. «По умолчанию» предполагалось, что ее внешнеполитическая доктрина в основных чертах повторяет предложения, сделанные в 2008 г. Махмуду Аббасу возглавляемым партией Кадима правительством Эхуда Ольмерта, в котором тогдашняя глава

МИД Ципи Ливни также занимала пост первого вице-премьера. Эти предложения содержали готовность Израиля в обмен на полное завершение конфликта пойти на кардинальные уступки палестинцам, включая согласие на немедленное создание палестинского государства в границах практически по «зеленой черте» и раздел Иерусалима, но были в очередной раз отвергнуты главой ПНА как «недостаточные». Видимо, в том числе, и поэтому Ливни ограничивалась общими декларациями о необходимости дипломатического «прорыва» в переговорном процессе, с тем чтобы избежать «опасного застоя в отношениях» и не довести дело до ситуации, когда единственной, по ее мнению, альтернативой «еврейскому демократическому Израилю» станет «двунациональное государство».

Новые идеи

Что же касается конкретно сформированных идеологических концепций политики Израиля в отношении ПНА, то ими сегодня оперируют партии и политики «второго ряда». На практике таких концепций было три.

Первую ("Outline for catalyzing a diplomatic move") выдвинула лидер леворадикальной партии МЕРЕЦ Захава Гальон, соратники которой традиционно возлагают главную вину за провал «мирного процесса» не на палестинцев, а на Израиль, последовательно настаивают на кардинальных уступках ООП и ведении переговоров «без предварительных условий» со всеми палестинскими фракциями, включая террористические движения типа ХАМАС и «Исламский джихад». Сегодня лидеры МЕРЕЦ понимают, что переговоры с палестинцами в прежнем формате себя исчерпали, но приходят к выводу, противоположному тем, что делают как лидеры правых партий, так и партнеры-соперники по левому лагерю. На состоявшейся 31 декабря 2012 г. в Тель-Авивском доме журналистов конференции, посвященной «Женевской инициативе» (которая, напомним, предполагала массивные территориальные уступки со стороны Израиля с целью достижения «всеобъемлющего политического соглашения» с палестинскими арабами на основе установления границы примерно по «зеленой черте», раздела Иерусалима и решения проблемы «палестинских беженцев»), Захава Гальон, признав, что «бесконечные переговоры прова-

лились», предложила принять новый принцип: «не переговоры, итогом которых должно стать палестинское государство, а палестинское государство как база для начала переговоров».

В практическом плане, по мнению Гальон, Израиль должен поддерживать в ООН палестинскую инициативу о признании государства, а затем сесть «на равных» за стол переговоров на основе т.н. «арабской мирной инициативы» при посредничестве Иордании, Египта, Турции, Саудовской Аравии и Катара. В соответствии с данной частью программы МЕРЕЦ (которую подготовил для партии бывший посол Израиля в Южной Африке Илан Барух, ушедший в отставку из-за конфликта с главой МИД Авигдором Либерманом и раскритиковавший действия правительства Нетаньяху) переговоры должны быть ограничены четырехлетним сроком, после которого обе стороны подпишут мир и заявят об окончании конфликта.

Шансов на то, что такую идею тогда, как и сегодня, можно «продать» гражданам Израиля, было крайне немного. Во всяком случае, уровень поддержки в еврейском секторе и «Женевской инициативы», и идей типа тех, которая была предложена Захавой Гальон, примерно соответствовал потенциалу партии МЕРЕЦ (3–5 из 120 возможных парламентских мандатов) последних десяти лет.

Вторую, явно противоположную точку зрения представил бывший гендиректор Совета поселений Иудеи и Самарии, недавно избранный лидером правой партии религиозных сионистов «Еврейский дом – новый МАФДАЛ» Нафтали Беннет, который отталкивался от опубликованной почти десять лет назад так называемой концепции Совета поселений. Политический план Беннета предлагает распространение израильского суверенитета не на весь Западный берег, как того требует программа еще более правых партий (например, отколовшейся от блока «Национальное единство» фракции «Сила Израиля», фактически – реинкарнация партии Моледет покойного Рехавама Зеэви), а лишь на так называемую зону С. То есть ту примерно половину территории Иудеи и Самарии, которая находится под полным военным и гражданским административным контролем Израиля, где расположены практически все еврейские поселения и которая также включает критичную в плане безопасности, малонаселенную евреями и практически незаселенную арабами Иорданскую долину.

В итоге к суверенной территории Израиля будет присоединен территориально непрерывный массив за «зеленой чертой»,

на территории которого проживают порядка 350 тыс. евреев и порядка 50 тыс. арабов, которым план Беннета гарантирует предоставление полных гражданских прав. Причем сделать все это, по мнению авторов плана, следует в одностороннем порядке, не надеясь на согласие лидеров ПНА и несмотря на возможную негативную реакцию «мирового сообщества», которое в любом случае, по мнению сторонников Беннета, проявляет тенденцию поддерживать палестинцев в ущерб интересам Израиля, что бы последний ни предпринимал.

Что касается зон А и Б, то есть остальных территорий Западного берега, находящихся сегодня под военным и/или административным контролем ПНА, то они, по плану Беннета, должны получить полную и окончательную автономию. При этом ЦАХАЛ сохраняет общий контроль за ситуацией в области безопасности на всей территории Иудеи и Самарии, переходящей под гражданский суверенитет как Израиля, так и палестинцев. Со своей стороны, Израиль должен осуществить массивные капиталовложения в развитие производственной, транспортной и социальной инфраструктуры Иудеи и Самарии: прокладку скоростных автотрасс, строительство совместных промышленных зон, организацию структур здравоохранения и культуры и в другие, одинаково актуальные для обеих групп населения проекты, которые обеспечат реальное сосуществование евреев и арабов на местности.

Стоит заметить, что план Беннета в отличие от других вариантов урегулирования, отрицающих полный уход Израиля к так называемым «границам 1967 г.» (например, упомянутой Бар-Иланской доктрины Биньямина Нетаньяху), предполагает, что лица, настаивающие на своем отношении к так называемым палестинским беженцам, не получают права на иммиграцию не только внутрь «зеленой черты», но и на территорию Иудеи и Самарии. Что же касается сектора Газа, то в этом пункте концепция Беннета и взгляды Нетаньяху и Либермана практически сходились: сектор рассматривается как отдельное, не имеющее отношения к ПНА и не обязанное иметь с ней прямой территориальный или транспортный контакт арабское образование, которое постепенно должно быть передано под контроль Египта, что, по мнению Беннета, на практике и имеет место.

Именно этот план являлся официальной предвыборной платформой объединенного списка партий «Еврейский дом – новый МАФДАЛ» и блока «Национальное единство». И судя

по росту рейтинга этого списка с 5–7 мандатов, по итогам выборов 2009 г., до 12 мандатов, которые он получил в январе 2013 года, имел определенную популярность не только среди религиозных поселенцев Иудеи и Самарии, но и среди правонастроенных избирателей внутренних районов страны.

Третью идею представил незадолго до голосования по заявке ПНА в ООН адвокат Гилад Шер, бывший начальник канцелярии Эхуда Барака в его бытность премьер-министром Израиля в 1999–2001 гг. и глава делегации на переговорах с ПНА, ныне – лидер-основатель общественно-политического движения «За сионистское будущее Израиля» (“Blue White Future in Israel”) и один из ведущих экспертов Тель-Авивского института исследований национальной стратегии (INSS).

Именно Гилад Шер вместе с еще одной близкой Барак политической фигурой – бывшим начальником военной разведки Израиля (АМАН), а в период премьерства Эхуда Барака – главой израильской делегации на переговорах с Сирией генералом Ури Саги был, как считается, автором концепции «односторонних шагов». Эта идея стала набирать популярность в левой и частично центристской части политического спектра страны в свете кризиса инициированных этим лагерем переговоров с ООП по формуле «мир в обмен на территории» в рамках «соглашений Осло». Новый план предполагал односторонний, вне всякой связи с перспективами (точнее, по причине отсутствия таковых) арабо-израильского переговорного процесса уход Израиля почти со всех «спорных» территорий, включая те, которые были заняты ЦАХАЛом в ходе Шестидневной войны 1967 г. и Первой ливанской войны 1982 г. Результатом этой политики, по мнению ее авторов, должно было стать одностороннее установление Израилем «оптимальных» для него в демографическом и военно-стратегическом отношении границ с ПНА и арабским миром. И в сочетании со сдерживающим потенциалом ЦАХАЛа позволило бы ему неопределенно долго поддерживать геополитический баланс и относительно мирное сосуществование с арабскими режимами, выводя «за скобки» их неготовность к признанию Израиля и формальному завершению арабо-израильского конфликта.

Именно в духе этой концепции Эхуд Барак осуществил в мае 2000 г. в одностороннем порядке вывод ЦАХАЛа из «зоны безопасности» в Южном Ливане, а сменивший его на посту главы правительства в 2001 г. Ариэль Шарон – такой же одно-

сторонний уход ЦАХАЛа из Газы и Северной Самарии в 2005 г. Причем в обоих случаях эти действия не были обусловлены ни разоружением и роспуском террористических группировок, ни политическим соглашением с Сирией, Ливаном и ПНА.

Эта концепция, казалось бы, рухнула, когда уступленные без всяких условий ЦАХАЛом территории в Южном Ливане и в секторе Газа заняли не «прагматичные и предсказуемые режимы», с которыми пусть и неформально, можно было бы иметь дело, а террористические организации радикальных исламистов – соответственно, ХАМАС и «Хизбалла», немедленно превратив контролируемые ими районы в плацдармы для непрекращающихся обстрелов населенных пунктов израильского севера и юга. Это в свою очередь стало причиной Второй ливанской войны в июле 2006 г. и серии антитеррористических операций ЦАХАЛа в секторе Газа, крупнейшими из которых были «Литой свинец» в декабре 2009 г. и «Облачный столп» в октябре 2012 г. – весьма обескураживающий результат для тех, кто был уверен, что уход Израиля с уступленных арабам территорий навсегда снимет необходимость таких действий с национальной повестки дня.

На этом тему «односторонних шагов» можно было бы уже окончательно сдавать в архив – как по причине ее полной нерелевантности на уровне общественного мнения израильтян, так и из-за полного отсутствия ожидавшихся политико-дипломатических и экономических дивидендов. (В частности, отсутствия готовности Запада и «умеренных» арабских режимов принять концепцию «окончательности границ», возникших в ходе израильского отступления, а также четко признать, что Израиль, даже «до последнего сантиметра» уйдя с конкретной территории, более не является там «оккупирующей силой» и не несет ответственности за то, что там происходит.)

Тем не менее лидеры умеренных левых и «новых центристов», полагавших, что, с одной стороны, перспективы достичь соглашения об урегулировании с командой Махмуда Аббаса сегодня «стремятся к нулю», но с другой, – уверенных, что полный застой в палестино-израильском «мирном процессе» для Израиля также контрпродуктивен, время от времени обсуждали перспективы возвращения к идее «одностороннего размежевания». Например, в виде более сложной многосторонней комбинации в рамках «нового витка» ближневосточной дипломатии с перспективой урегулирования палестинской проблемы

в ходе непосредственного диалога с влиятельными арабскими странами через голову ПНА либо какой-то аналогичной идеи. Последнее по времени заявление такого рода сделал все тот же Эхуд Барак, по мнению которого, если мирные переговоры с палестинцами окажутся безрезультатными, Израиль должен «предпринять практические меры для начала разделения» между двумя народами и в одностороннем порядке покинуть большую часть Западного берега реки Иордан¹⁵⁴.

Идея Гилада Шера, в принципе, следует той же логике, но вносит в нее некоторые нестандартные нюансы. В статье, распространенной Американским еврейским телеграфным агентством¹⁵⁵, Гилад Шер утверждает следующее. Махмуд Аббас пообещал, что после повышения ООН статуса ПНА до государства – не члена ООН он начнет новый раунд переговоров с Израилем, не выдвигая в качестве предварительного условия прекращения израильского строительства в Иудее и Самарии, – требование, с которым Израиль категорически не был согласен и которое воспринималось там как попытка палестинцев уйти от реальных переговоров. (В скобках заметим, что от этого требования Махмуд Аббас не отказался и после голосования в ООН.) С другой стороны, тема иранской военной ядерной программы отодвинула палестинский вопрос на периферию ближневосточной повестки дня мирового сообщества.

Поэтому, по мнению Гилада Шера, есть необходимость в новом подходе, который дал бы сторонам ощущение прогресса и надежды и позволил бы, не добиваясь [невозможного на этом этапе] окончательного урегулирования, предложить комплекс промежуточных договоренностей и частичных шагов по модели «то, что договорено, должно быть реализовано» вместо прежнего «ничего не решено, пока обо всем не договорено». Такими шагами, как утверждает Шер, могут стать согласованные «конструктивные односторонние действия» израильтян и/или палестинцев, которые постепенно снимут напряженность и создадут «реальность двух государств».

¹⁵⁴ Подробнее об этом см.: Владимир (Зеэв) Ханин. Израиль: возможно ли "третье пришествие" Эхуда Барака? – М.: *Институт Ближнего Востока*, 8.10.2012.

¹⁵⁵ Gilead Sher. Op-Ed: Steps Israel should take to control its destiny // JTA, 11.10.2012.

В соответствии с таким пониманием Израиль должен прекратить строительную активность в поселениях к востоку от «забора безопасности» и в арабских кварталах Восточного Иерусалима, предложив живущим в этих районах 100 тыс. своих граждан компенсацию и возможность добровольно переселиться либо внутрь «зеленой черты» или в еврейские пригороды Иерусалима, либо в поселенческие блоки между этой чертой и забором безопасности. То есть в районы, на которые при любом варианте окончательного урегулирования будет распространен израильский суверенитет, где поэтому строительство, наоборот, должно продолжаться и где сегодня живут более 80% еврейских поселенцев. Жители еврейских поселков за стеной безопасности не будут, по плану Шера, в отличие от того, как Шарон поступил с евреями Газы и Северной Самарии в 2005 г., эвакуироваться силой, а на длительный переходный период останутся под суверенитетом ПНА, но при этом – под защитой ЦАХАЛа, который в случае установления в этих районах «удовлетворяющего обе стороны уровня безопасности» будет заменен международными силами.

Со своей стороны, Израиль должен не противодействовать односторонним шагам палестинцев в ООН, а, напротив, стремиться извлечь из них максимальную пользу в рамках процесса размежевания и формирования «устойчивого и ответственного» палестинского руководства. А уже после этого можно будет формализовать эту реальность за столом переговоров в виде соглашения на основе границ 1967 г. с передачей палестинскому государству в обмен на территории «поселенческих блоков» аналогичные по площади территории внутри «зеленой черты».

С высокой степенью вероятности план Гилада Шера мог бы стать официальной программой партии Эхуда Барака Ацмаут, образованной, как отмечалось, в январе 2011 г. на базе «центристской фракции», отколовшейся тогда же от Аводы. Однако декларированный Бараком уход из политики после выборов 2013 г. и негативные электоральные прогнозы вынудили лидеров этой партии принять решение о выходе из выборной гонки. Соавтор Шера, генерал-майор запаса Ури Саги, в октябре 2012 года присоединившийся к Партии труда, теоретически как человек, которому предполагалось поручить разработку концепции партии в вопросах безопасности, мог в этом смысле повлиять на ее политическую стратегию. Но буквально две недели спустя, сославшись на «состояние здоровья и семейные

обстоятельства», заявил об отказе баллотироваться в предвыборный список Аводы (обозреватели полагают, что истинной причиной был личный конфликт с Шели Яхимович).

Таким образом, в отличие от остальных представленных здесь концепций план Гилада Шера не стал официальной платформой ни одной из участвующих в выборах израильских партий. Он вряд ли имел заметный «рынок» и на уровне общественного мнения в целом как в ходе прошлой избирательной кампании, так и после выборов. Хотя и не исключено, что со временем этот план вновь может стать востребован теми или иными политическими фракциями «новых центристов».

Делая общий вывод, можно заметить, что в платформах израильских политиков и партий на «палестино-израильском треке» присутствовали все те же три опции, которые впервые возникли летом 2005 г. после одностороннего ухода ЦАХАЛа и вывода еврейских поселений из сектора Газа и Северной Самарии. А именно: сохранить, с теми или иными вариациями, нынешний расклад; вести с палестинцами переговоры на продиктованных «извне» (американцами, европейцами, «ближневосточной четверкой» или ЛАГ) условиях; или же осуществить еще одну серию односторонних шагов.

Как можно заметить, первая опция – сохранение существующего геополитического статус-кво к западу от реки Иордан – де-факто принята на вооружение партиями, имевшими хороший шанс образовать ядро будущей правящей коалиции и действительно сделавшими это после выборов 2013 г. И она же, судя по опросам общественного мнения, тогда устраивала и пока устраивает большинство израильтян. Вторая опция имела и имеет намного более минорное звучание на уровне общественного мнения и являлась политической платформой партий, которые (за исключением вошедшей в коалицию «Ха-тнуа» Ливни) в следующей каденции остались в оппозиции и с высокой степенью вероятности останутся там, если только в Израиле и вокруг него не произойдут драматические изменения, которые решительно изменят нынешний политический расклад.

В свою очередь, концепция «односторонности», которая за полгода-год до выборов в Кнессет 2013 года получила второе дыхание в лице новых теорий, появившихся на израильском политическом рынке, предлагала разные варианты «урегулирования» де-факто, вопреки соглашениям Осло и вне прежнего понимания палестино-израильского переговорного процесса.

На крайнем левом фланге она понимается как поддержка односторонних шагов ПНА вне контекста прежних договоренностей с Израилем на пути к созданию палестинского государства как новой дипломатической реальности, с которой Израилю можно и нужно будет иметь дело. На противоположном фланге речь идет об одностороннем распространении суверенитета Израиля на некоторую или большую часть Иудеи и Самарии с соблюдением условий по сохранению национального характера еврейского государства. Наконец, в «новом идеологическом центре» политического спектра концепция «односторонности» обсуждается как серия независимых от противоположной стороны, но формально или неофициально скоординированных шагов израильтян и палестинцев. В конце концов, эти шаги приведут к относительно приемлемой для каждой из сторон конфигурации «фактов на местности», опираясь на которые можно будет вернуться в контекст «окончательного урегулирования».

ПНА как фактор израильских выборов

Все эти группы концепций сегодня имеют различный уровень связи с реальностью, но как бы то ни было, в конечном итоге именно израильскому избирателю предстояло взвесить все эти обстоятельства на избирательных участках. Настроение общества по этому вопросу было вполне понятно. Как и в прошлом, не более 12–20% израильтян еще готовы, несмотря на все возможные в связи с этим издержки, на создание еще одного арабского государства к западу от реки Иордан, в то время как 35–40% решительно возражают против этой идеи. Остальные граждане страны хотя и готовы эту возможность взвесить, но сомневаются в том, что создание палестинского государства будет означать завершение 90-летнего конфликта, и оно не превратится в очередной плацдарм антиизраильского террора. Примерно такой расклад в очередной раз подтвердил опрос, проведенный исследовательской корпорацией «New Wave Research firm» по заказу газеты «Israel Hayom». Причем согласно тому же опросу, 55% евреев-респондентов не доверяли Махмуду Аббасу, полагая, что он не является тем партнером, с которым можно договориться как о завершении конфликта, так и вообще о чем бы то ни

было на этом витке¹⁵⁶. В итоге, как показывает другой опрос общественного мнения, проведенный для Второго канала ИТВ компанией «Маагар мохот» в декабре 2012 года, 66% израильтян высказались против создания даже демилитаризованного палестинского государства в Иудее и Самарии. Характерно, что примерно такой же расклад наблюдается и на противоположной стороне¹⁵⁷. Если верить данным опубликованного в выходящей в ПНА газете «Аль-Кудс» опроса общественного мнения, проведенного совместно израильским и палестинским центрами социальных исследований, в возможность прочного и долгосрочного урегулирования конфликта между палестинскими арабами и израильтянами не верят 63% первых и 65% вторых. И потому не вызывало удивления, что несмотря на все попытки таких израильских партий, как «Движение» Ципи Ливни или МЕРЕЦ, вернуть тему «палестино-израильского урегулирования» в центр повестки дня прошлых выборов, эффект от этих действий был невелик.

Разумеется, это стало более чем плохой новостью для руководства ООП/ПНА. Причина этого понятна: ПНА как «государство палестинских арабов в пути» имеет легальный статус, а также политический и экономический смысл исключительно в контексте отношений «светских националистов» из ООП с Израилем. А в экономическом смысле ПНА – не более, чем механизм перераспределения (проще говоря, «распила») денежных траншей, поступающих из Израиля (порядка 40% доходов ПНА) и финансовой помощи коспонсоров ближневосточного «мирного процесса» (платформу для которой также в ряде случаев предоставляет Израиль) между ООПовскими политико-бюрократическими кланами и поддерживающими их семейно-родовыми, племенными и конфессиональными группами, из которых и состоит палестинское общество.

Известный российский эксперт Евгений Сатановский был недалек от истины, заметив, что основатель ООП и первый председатель Палестинской национальной администрации Ясир Арафат как террорист сформировался на поле радикального арабского национализма, но как «легитимный деятель» –

¹⁵⁶ Mati Tuchfeld. Israelis want two-state solution, but don't believe it will happen // *Israel Hayom*, 4.01.2013.

¹⁵⁷ Цит. по: Опрос: большинство против создания даже демилитаризованного палестинского государства // *zman.com*, 21.12.2012.

в первую очередь как, де-факто, «израильский политик». (И именно в этом качестве, как считают многие, нанес намного больший ущерб израильской национальной безопасности, но это уже, разумеется, вопрос интерпретации).

Более или менее ту же линию продолжали и наследники Арафата – Ахмед Курейи (Абу-Алла) и нынешний председатель ПНА/ООП Махмуд Аббас (Абу-Мазен) и их приближенные, которые активно отслеживали и, насколько это им удавалось, вмешивались во внутривластные (в том числе электоральные) процессы в Израиле. При этом они действовали как через группы интересов и своих сознательных или фактических «агентов влияния» в среде израильских арабских и радикальных левых еврейских элит, так и путем активного воздействия на информационное поле страны, понимая колоссальную роль прессы в Израиле (где она, по мнению обозревателей, является не «четвертой», а «первой властью»).

Как можно заметить, отмеченные выше изменения в общественных настроениях израильтян позволяли руководству страны более не вести диалог с Махмудом Аббасом в удобном для него формате, то есть постоянно уговаривать палестинцев вернуться к столу переговоров, предлагая им те или иные варианты разблокирования «политического процесса», гордо отвергаемые лидерами ООП/ПНА как «недостаточные» или «не отвечающие их предварительным требованиям». А развал этого формата рано или поздно означает реализацию наихудшего сценария, который «пост-арафатовский» истеблишмент может себе представить: снижение международной релевантности ПНА, а с ним – и постепенное исчезновение финансовых и политико-дипломатических дивидендов, которые дает бесконечная «борьба за палестинское государство».

Поэтому Махмуд Аббас в последние месяцы перед выборами в Кнессет 19-созыва предпринял беспрецедентные усилия, чтобы вернуть тему «мирного процесса» в центр израильской общественной электоральной и международной повестки дня. Так, в начале ноября 2012 года он в интервью Второму каналу ТВ Израиля заявил что «Палестина для него – это Западный берег Иордана, Газа и Восточный Иерусалим». Тем самым намекнув на готовность отказаться от своего наиболее проблематичного, с точки зрения израильтян, требования – права на «возвращение» внутрь "зеленой черты" миллионов лиц, именующих себя потомками «палестинских беженцев».

Хотя часть левых израильских политиков приветствовала это заявление как «позитивное изменение» позиции палестинского руководства и потребовала от премьер-министра Биньямина Нетаньяху принять «предварительные условия» Махмуда Аббаса для возобновления переговоров, большинство израильтян расценило его исключительно как попытку лидера ООП/ПНА повлиять на местное общественное мнение в преддверии выборов в Кнессет. Тем более что в интервью арабским СМИ Махмуд Аббас поспешил дезавуировать свое заявление.

Параллельно палестинское руководство в одностороннем порядке, без согласования с Израилем обратилось в ООН с просьбой поднять статус ПНА до уровня «государства-наблюдателя» ООН. Как можно заметить, этот шаг находился в резком противоречии с «соглашениями Осло», включавшими положение о том, что границы двух государств будут определены в ходе переговоров, и однозначно запрещающими любые односторонние действия. Реакция Израиля не замедлила сказаться: в ответ на односторонние действия Палестинской национальной администрации правительство Израиля приняло решение заморозить перечисление ПНА поступлений от налогов, собранных для нее в рамках Парижских соглашений, подписанных в 1994 году в дополнение к «соглашениям Осло» и регулирующих экономические отношения между сторонами. (Часть этих средств была потрачена на частичное погашение задолженности ПНА перед израильскими компаниями, в частности перед Электрической компанией «Хеврат хашмаль», которой палестинцы задолжали около 175 миллионов долларов) А затем правительство Израиля приняло решение разморозить массивное еврейское строительство в Иудее, Самарии, а также Восточном и Северном Иерусалиме, от чего оно ранее воздерживалось, чтобы не наносить ущерба перспективам переговорного процесса.

То, что обращение лидеров ПНА в ООН может быть для них крайне контрпродуктивно, не было секретом уже в 2011 году, когда палестинские лидеры впервые приняли решение в одностороннем порядке обратиться за признанием в ООН¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Подробнее об этом: Владимир (Зеэв) Ханин. "September (20)11 попалестински: почему одностороннее обращение палестинских арабов в ООН может стать для них катастрофой, но они все же готовы это сделать". – М.: *ИБВ*, 30.08.2011.

Однако они полагали, что все возможные издержки будут компенсированы оперативным дипломатическим выигрышем. Их надежды в этом смысле озвучил, например, помощник Махмуда Аббаса, Хусам Зумлут, который в интервью западным СМИ заявил, что «после того, как палестинцы были приняты в ООН в качестве государства-наблюдателя, статус-кво на территориях не может продолжаться... и потому в 2013 году между Израилем и ПА будет установлена новая система взаимоотношений»¹⁵⁹. То есть лидеры ПНА полагали, что изменение статуса их политического образования создаст новую политико-дипломатическую реальность и обеспечит такой уровень внешнего и вследствие этого – внутреннего давления на израильское правительство, что заставит его принять все или почти все их требования.

Как можно заметить, ни того, ни другого, ни третьего на момент выборов не случилось. Напротив, ожидаемое палестинскими арабами внешнее давление на Израиль в данный момент ограничивается критикой (надо признать, достаточно резкой) планов по интенсификации еврейского строительства в основных поселенческих блоках Иудеи и Самарии, особенно в т.н. «Зоне Е-1» – коридоре, соединяющем Иерусалим с северо-восточным пригородом столицы городом Маале-Адумим. (Заметим, что порядка 90% израильтян убеждены, что этот район относится к числу тех, которые при любом варианте развития событий останутся под израильским суверенитетом). Однако в наиболее критичном для лидеров ООП/ПНА пункте – модели возобновления переговоров, вектор давления постепенно переносится на палестинское руководство. По некоторым признакам, страны Запада, включая основных доноров ПНА, уже сейчас начинают формулировать свою позицию в том смысле, что именно Махмуд Аббас, коль скоро он «получил то, что хотел», должен проявлять «инициативу и гибкость» для возобновления дипломатического процесса.

А именно: он должен возвратиться к столу переговоров не на своих, а на израильских условиях, отказавшись от требований к Израилю дать априорные гарантии на согласие провести границы по «зеленой черте», разделить Иерусалим и обсуждать «ответственность» Израиля за возникновение проблемы «палестинских беженцев». Так, 22 декабря 2012 г. Россия и ЕС

¹⁵⁹ Цит. по: Cursorinfo.co.il, 21.12.2012.

призывали ПНА и Израиль к прямым переговорам, подчеркнув, что стороны должны начать диалог без предварительных условий. В совместном заявлении главы МИД России Сергея Лаврова и Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон содержалось недвусмысленное послание именно к палестинскому руководству «конструктивно использовать свой новый статус как государства-наблюдателя при ООН» и не предпринимать шагов, которые могли бы «углубить недопонимание с Израилем и еще больше затруднить переговорное решение». Нетрудно заметить, что в этом новом контексте в более выигрышном положении может оказаться уже Израиль, лидеры которого изначально настаивали на том, что именно позиция ПНА, включающая отказ признать право Израиля на существование, поддержку террора, отсутствие гибкости при обсуждении права на возвращение беженцев и подстрекательство против еврейского государства, является причиной «застоя» в политическом процессе.

При этом нельзя сказать, что и для Израиля ситуация была идеальной: плохой для него новостью могла стать готовность Евросоюза навязать Израилю создание палестинского государства без всякой связи с двухсторонними переговорами, нынешняя формула которых, по оценкам европолитиков, не приносит решений. Согласно просочившемуся в прессу внутреннему отчету израильского МИДа, ЕС был готов требовать быстрого прогресса по самым спорным вопросам, для чего был тогда намерен предложить новые международные параметры для завершения конфликта, которые смогут вернуть мирный процесс в новом формате. С другой стороны, оставляя пока в стороне дискуссию о реалистичности поставленной ЕС цели «добиться сдвига в течение ближайшего года» (то есть, что европейцы будут более успешны, чем Белый дом, провозгласивший ту же цель в начале первой президентской каденции Барака Обамы), не исключено, что лидеры ПНА проигрывали бы от такой постановки дела больше, чем Израиль. Ибо в новом формате Израилю будет предложено договариваться не непосредственно с «палестинцами», а с европейцами «по поводу палестинских арабов» через их голову, чего не раз добивались израильские правительства. И есть неплохой шанс, что на условиях, которые будут существенно ближе к израильской позиции, чем к «ультимативным предварительным условиям» палестинской стороны. Не говоря уже о том, что дело может дойти

до реализации другого «страшного сна» лидеров ПНА, когда палестинское государство действительно будет создано, что немедленно поставит этих деятелей во главе еще одной маленькой, нищей и никому не интересной страны третьего мира, – но это уже иная тема.

Иными словами, если в тот момент Махмуд Аббас записал на свой счет немалый дипломатический выигрыш, то уже в среднесрочной перспективе его ход мог оказаться для него весьма контрпродуктивным. В свете этих весьма неприятных для него последствий он поспешил «вбросить» на израильский электоральный рынок очередную порцию «горючего».

С одной стороны, команда Махмуда Аббаса предприняла усилия, чтобы купировать обозначенную выше ситуацию, при которой именно палестинцы после голосования в ООН, в случае отсутствия с их стороны позитивных шагов навстречу Израилю, могут вернуть себе статус «серийных отказников» дела мира. В частности, высокопоставленный представитель ФАТХа Азам аль-Ахмад в интервью лондонской арабоязычной газете «Аль-Хаят» заявил, что после завершения выборов в Израиле палестинцы представят новую мирную арабскую инициативу. По его словам, мирная инициатива предполагает возобновление переговоров сроком на полгода при условии, что Израиль заморозит строительство в еврейских поселениях на палестинских территориях. Параллельно в мировые СМИ были вброшены результаты опроса, проведенного Иерусалимским институтом по изучению средств массовой информации, согласно которому 62% палестинцев считают, что «для того, чтобы положить конец конфликту, необходимы переговоры с Израилем».

С другой стороны, палестинские лидеры попробовали еще раз, теперь уже в угрожающем тоне, напрямую обратиться к израильским избирателям: 21 декабря 2012 г. в израильских СМИ было опубликовано неофициальное заявление неназванных «высокопоставленных представителей ПНА», которые предупредили, что в случае, если на выборах 22 января победит Биньямин Нетаньяху, палестинцы готовы предпринять целый ряд санкций против Израиля. В частности, подавать иски в Международный суд в Гааге за военные преступления, организовать массовые демонстрации в Иудее и Самарии, попытаться мобилизовать международные санкции против Израиля, а также «поставить под угрозу» сотрудничество между Израилем и ПНА в области безопасности.

Параллельно в израильские и мировые СМИ была запущена очередная «демографическая страшилка»: результаты исследования, проведенного Центральным палестинским статистическим бюро, согласно которому к 2020 году палестинские арабы составят большинство на территории между р. Иордан и Средиземным морем (7,2 млн. арабов против 6,9 млн. евреев). Смысл этих выкладок, которые вызывали обоснованные сомнения многих серьезных демографов¹⁶⁰, был понятен – убедить максимальное число тех израильтян, которые сомневаются в осмысленности ухода из Иудеи и Самарии, но опасаются утраты Израилем его еврейского характера, поддержать партии, выступающие за создание палестинского государства почти «любой ценой».

И, наконец, в качестве последнего средства воздействия на израильтян, Махмуд Аббас в интервью газете «Гаарец» пригрозил, что если после израильских выборов не будет никакого прогресса по вопросу о переговорах он позвонит премьер-министру Нетаньяху и «сдаст ключи» от ПНА, после чего именно тому придется нести за нее ответственность. Как и предыдущие ходы главы ПНА, эффект от этого заявления был также

¹⁶⁰ Наиболее последовательные критики "демографических манипуляций" ПНА, члены т.н. "Израильско-американской команды демографов" "Second Thought" во главе с Йорамом Этингером и Яковом Файтельсоном, напротив, прогнозируют существенный прирост населения в еврейском секторе и однозначное замедление темпов прироста населения у израильских и палестинских арабов (См.: Yoram Ettinger. Jewish-Arab Demography Defies Conventional "Wisdom" // *Israel Hayom*, 19.10.2012, <http://bit.ly/TBkiJH>; Yakov Faitelson. The Politics of Palestinian Demography // *Middle East Quarterly*. 2009. Vol. XVI, No 2, p. 51–59). Но и "умеренные пессимисты", среди которых лидирует крупнейший еврейский демограф, профессор Иерусалимского Университета Серджио Дела Пергола, даже не разделяя оптимизма "американо-израильской группы", все же в отличие от израильских "алармистов", наиболее ярким из которых является хайфский профессор географии Арнон Софер, полагают, что рост арабского населения к западу от реки Иордан будет намного менее впечатляющим. То есть и при сохранении нынешних тенденций они не будут там в большинстве ни в 2020, ни в 2030, ни даже в 2060 году. (См: Sergio DellaPergola. Jewish Demographic Policies: Population Trends and Options in Israel and the Diaspora. *Jewish People Policy Planning Institute (JPPI)*, 2011. – http://jppi.org.il/uploads/Jewish_Demographic_Policies_DellaPergola.pdf.pdf.)

невелик, и во многом был «смазан» реакцией недавно покинувшего (как оказалось, ненадолго) пост министра иностранных дел Израиля лидера партии НДИ Авигодора Либермана, который «поздравил» Махмуда с тем, что тот «наконец-то осознал, что только после его отставки с поста главы Палестинской автономии появится возможность возобновить мирный процесс».

В своем ответном заявлении Либерман заметил, что «среди палестинцев найдутся альтернативные нынешнему председателю ПА фигуры, с которыми можно вести политический диалог». Что же касается израильских избирателей, на них демарши палестинцев не произвели особого впечатления, за исключением укрепления у них убеждения в том, что на «той стороне» у Израиля по-прежнему «нет партнера».

Глава 11.

«ОБНОВЛЕННЫЙ ШАС», «ДРУГИЕ ХАРЕДИМ», «РУССКАЯ УЛИЦА» И «АРАБЫ-ИНТЕГРИСТЫ»: СОЦИАЛЬНО-СЕКТОРАЛЬНАЯ ТЕМА НА ВЫБОРАХ В ИЗРАИЛЕ

Как и в прошлые годы, немалое влияние на итоги прошедших 22 января 2013 года общенациональных выборов, включая электоральные успехи и неудачи израильских партий, оказали и весьма актуальные для многокультурного и политически и социально разнопланового израильского общества «секторальные» сюжеты. Точнее, вопросы политического представительства различных социокультурных, этно- и религиозно-общинных групп.

Секторальная политика

На выборах в Кнессет 19-го созыва этно-общинный фактор в силу продвижения почти всеми израильскими партиями социально-экономических сюжетов вновь оказался сочленен не столько с вопросами противостояния между элитами светских и религиозных слоев общества, как это не раз бывало в прошлом, а с иными темами. А именно: с сюжетами экономической политики, борьбы за статус и права среднего класса, несущего на себе основную нагрузку налоговых и гражданских обязанностей, а также социальной защиты малообеспеченных слоев населения.

Причем речь, как и в прошлом, шла в этом смысле не только о собственно секторально-общинных списках, но и о ряде общенациональных движений, часть из которых может считаться партиями «необъявленных» секторальных интересов. Так, ставшая сюрпризом нынешних выборов партия «дискриминируемого», как считают ее лидеры, среднего класса – «Еш Атид», а также «Ха-тнуа», судя по составу их электората,

являются партиями «Первого Израиля» (еще раз напомним, так называют потомков восточноевропейских ашкеназов второй–четвертой волн алии 1904–1929 гг., израильского аналога американских WASP, населяющих престижные пригороды и благополучные кварталы городов центра страны).

Этот факт легко объяснить тем обстоятельством, что обе партии, как отмечалось, по сути, выстроены на развалинах правящей в 2006–2009 гг. и ведущей оппозиционной в 2009–2012 гг. партии Кадима, но с трудом преодолевшей электоральный барьер 22 января 2013 года. Как следует из предпринятого А. Эпштейном социологического анализа электората этой партии «образца 2006 года», ее в массовом порядке поддерживали представители ашкеназских старожилов из числа упомянутых представителей «Первого Израиля». Кадима заняла первое место практически во всех еврейских населенных пунктах, созданных представителями сионистских волн алии, прибывших в страну еще до создания Государства Израиль, включая престижные «белые» пригороды Тель-Авива. В отличие от них ее тогда в массовом порядке не поддерживали ни арабы, ни бедуины, ни русскоязычные граждане, ни члены киббуцев, ни поселенцы, ни еврейские религиозные ортодоксы, ни сефарды-традиционалисты¹⁶¹. То же оказалось справедливым и в отношении ее электоральных «наследников», партий «Еш Атид» и «Ха-тнуа».

Яир Лапид вполне откровенно признал это, выступая в академическом центре в Кирьят-Оно. По его мнению, «те силы, которые создали Государство Израиль и израильское общество, уже не могут и не готовы нести на своих плечах остальные "племена": харедим, религиозных сионистов, сефардов, "русских", эфиопов и т.д., а видят себя сейчас еще одним – "белым племенем", среди многих других, из которых состоит [израильское] общество»¹⁶².

Другой сюрприз этих выборов – объединенный список партий «Еврейский Дом», МАФДАЛ и правого блока «Националь-

¹⁶¹ Эпштейн А.Д. От правительства А. Шарона к правительству Э. Ольмерта. Новая израильская власть и ее электорат: социологический анализ // *Ближний Восток и современность*. Вып. 30. М., 2007, с. 301–321.

¹⁶² Цит. по: Моти Карпель. Гражданское общество или еврейское общество? // *Макор ришон*, 1.02.2013 (На иврите, перевод Якова Халфина, аналитическая группа "МАОФ", <http://maof.rjews.net/actual>).

ное единство», также позиционировавший себя как представитель интересов «угнетенного среднего класса», оказался непропорционально широко представлен в среде другой социокультурной группы. А именно: среди религиозных сионистов, представляющих израильскую разновидность «современных ортодоксов», которые рассматривают Государство Израиль в качестве не только национальной, но и абсолютной религиозной ценности, и потому отличаются высокой мотивацией к военной службе и широко представлены в академических, профессиональных, деловых и творческих кругах израильского общества. Именно в среде этих избирателей, в основном населяющих коллективные еврейские поселки Иудеи и Самарии и расположенные по обе стороны «зеленой черты» экономически благополучные кварталы городов с религиозным и смешанным населением, партия Нафтали Беннета собрала более 10 из полученных ею 12 мандатов.

Ультралевый МЕРЕЦ, ядро которого в свое время образовала марксистско-сионистская Объединенная рабочая партия (МАПАМ), считается политическим крылом немногочисленных, но идеологически и культурно влиятельных членов левых киббуцев и космополитического населения города Тель-Авив. Наконец, практически во всех «больших» партиях, таких как Ликуд, Авода и до недавнего времени Кадима, присутствуют свои секторальные социальные и общинно-корпоративные лобби, позиции и интересы которых вынуждено учитывать партийное руководство.

Однако данные обстоятельства все же, на наш взгляд, пока далеки от оправдания популярного, но вряд ли во всех его нюансах корректного утверждения о «трибализации» (распаде на «племена» и клановые общины) постиндустриального израильского общества, где сама граница между совокупными и групповыми ценностями и интересами размыта. Все упомянутые партии все же обращаются не к конкретному сектору, а ко всему корпусу избирателей, вне связи с их групповой принадлежностью.

Если же взглянуть на две наиболее секторально-ориентированные из прошедших в Кнессет общенациональных партий, НДИ и «Еврейский дом», то первая пошла на выборы в составе ведущего общеизраильского блока, а вторая получила, как минимум, пятую часть своих голосов за пределами национально-религиозного сектора. И наоборот, несмотря на то, что «Еврей-

ский дом» действительно собрал под своей крышей большую часть голосов «вязанных кип», все же не так мало из них голосовали за Ликуд–НДИ, ШАС и даже «Еш Атид», в списке которого имеется два представителя либерального течения религиозного сионизма. Это № 2 списка, один из глав «Рабаней Цохар» раввин Шай Пирон и преподаватель политологии Университета Бар-Илан и телеведущая д-р Ализа Лави, книга которой «Милат нашим» («Женская молитва») является своего рода манифестом феминистской фракции современного религиозного либерализма. Похоже, что «Еш Атид» поддержала и какая-то часть бывших сторонников партии левых религиозных сионистов Меймад [Измерение], последний раз неудачно участвовавшей в выборах (в блоке с «Партией зеленых») в 2009 году.

Таким образом, речь в данном случае не идет о светско-религиозном противостоянии как таковом: и «светских», и «вязанных кип» (современных ортодоксов и соблюдающих еврейскую традицию), хотя и в разных пропорциях, было немало среди избирателей обеих партий. Да и в самом корпусе голосовавших за блок «Еврейский дом» религиозных сионистов имеются очевидные различия между сторонниками взглядов лагеря «хареди-леуми», отличающегося более консервативными политическими и этическими религиозными взглядами, и умеренно-либеральным направлением в религиозном сионизме, к которому принадлежит и сам Нафтали Беннет, который в ряде своих предвыборных заявлений не устал подчеркивать, что «основной проблемой является не религия, а экономика».

Показательно, что, как заметили обозреватели, Беннет посвятил большую часть своей дебютной речи в Кнессете гражданским вопросам, содержащим жесткую критику «харедим» в таких вопросах, как «равное распределение гражданского бремени» и роль различных религиозных советов. Слова «Иудея и Самария» или развитие еврейского поселенчества имели весьма минорное звучание в речи этого бывшего гендиректора Совета поселений Иудеи и Самарии¹⁶³. Собственно, еще до выборов, беседуя с журналистами, Беннет заявил, что при всей важности для его партии темы «единой Земли Израиля», это не единственный и не главный вопрос, котрым она намерена за-

¹⁶³ Mati Tuchfeld. When Bennett met Bibi // *Israel Hayom*, 15.02.2013.

ниматься в парламенте. И потому его партия после выборов стремится стать «стабильной, лояльной и прагматичной частью будущего правительства во главе с Нетаньяху», которое, по словам лидера партии религиозных сионистов, «он не намерен разваливать из-за мелких разногласий»¹⁶⁴. И не факт, что подобные заявления шли и идут в одном ключе с платформой входящих в его блок сторонников партии религиозных поселенцев Ткума, членов ультраортодоксально-национального лагеря и других правых групп религиозных сионистов из числа избирателей «Еврейского дома».

Поэтому когда в Израиле обсуждается этно-общинная тема, речь обычно идет об «объявленных» секторальных списках, представляющих одну из четырех не принадлежащих к «культурно-политическому мейнстриму» групп. А именно, «сефардах» (этим термином в Израиле именуют евреев-выходцев из стан Азии и Африки и их потомков), «русских» (то есть выходцев из СССР и стран СНГ, преимущественно двух последних волн алии 90-х и 2000-х, и в меньшей степени также 70-х гг.), израильских арабах и ультрарелигиозных ашкеназских евреях – т.н. «харедим».

Причем если арабы поддерживают преимущественно, а «харедим» – в подавляющем большинстве свои этно-общинные и общинно-религиозные партии, то первые две группы, являющиеся самыми крупными еврейскими общинами в Израиле, традиционно делят свои голоса поровну или почти поровну между двумя типами партий: общенациональными и «своими» секторальными или «общенационально-секторальными» партиями, которые пытаются сочетать в своих платформах акценты на интересы своей общины с общенациональной повесткой дня.

Так, большинство «сефардов» традиционно делят свои голоса, с одной стороны, между Ликудом (именно благодаря их поддержке он впервые в 1977 году стал правящей партией) и, в меньшей степени, МАФДАЛ и общенациональными центристскими списками, и возглавляемым сефардскими ультраортодоксами популистским движением сефардов-традиционалистов ШАС, с другой стороны. Русскоязычные израильтяне, начиная с выборов 1999 года, также почти поровну делят свои симпатии между общенациональными и «русскими» списками. Причем

¹⁶⁴ Цит. по: Yossi Verter. Habayit Hayehudi's Bennett signals desire to join Netanyahu government // *Haaretz*, 14.01.2013.

в первой группе в последние годы доминируют «израильские партии с русским акцентом» (то есть с сильными «русскими» филиалами и представительством в партийном списке и органах власти), ведущей из которых сегодня является Ликуд. А во второй группе – «русские партии с израильским акцентом», то есть общенациональной повесткой дня, представленные сегодня единственной имеющейся партией такого рода «Наш дом – Израиль» (НДИ).

На политическом рынке время от времени появляются и альтернативные «русские» и «сефардские» центристские списки, которые было бы правильно назвать партиями «вне-идеологического центра». Делая заявку на «плавающие» и «протестные» голоса, они пытаются мобилизовать избирателей под решение специфических, в том числе, секторальных проблем, продвижение определенных общинных или корпоративных интересов, или просто выразить протест существующей политической системе.

Единицы из этих партий оказываются в состоянии пройти или даже просто вплотную подойти к электоральному барьеру. На выборах 2013 г. таким списком был «Ам Шалем» (Весь народ) изгнанного за либеральные взгляды из партии ШАС раввина Хаима Амсалема. Его список сумел, как и положено «партии центра», перехватить некоторое число голосов, прежде всего сефардских, как у левоцентристских партий «Еш Атид» и «Движение», так и правоцентристских Ликуда и ШАС, но так и не смог пройти в парламент.

В этом же ряду находился и список «Исраэлим» [«Израиль-тяне»] во главе с популярным телеведущим русскоязычного Девятого канала ИТВ Давидом Коном, который заявил о себе как о партии, отстаивающей чисто секторальные интересы общины выходцев из бывшего СССР. В этом качестве партия сделала заявку как на русскоязычный электорат Кадимы, так и на бывших избирателей ИБА, в 2006 и 2009 годах поддержавших НДИ и обязанных, по мнению людей Кона, чувствовать себя «брошенными» в связи с присоединением партии Авигдора Либермана к совместному списку с Ликудом. К сожалению, для лидеров «Исраэлим» ни то, ни другое, несмотря на массивную «раскрутку» партии в СМИ (почему-то в основном ивритоязычных), почти не сработало. По всем, за одним исключением, опросам, список Давида Кона мог собрать голосов примерно на один мандат, то есть ровно столько, сколько «стоит»

сегодня в общине идея чисто «русского» секторального политического объединения. И потому, набрав чуть больше половины мандата, эта партия, как и ожидалось, не прошла электоральный барьер.

Феномен Арье Дери и «обновленный ШАС»

Наиболее же ярким секторальным феноменом на прошедших выборах была упомянутая правоцентристская по своей политической ориентации, возглавляемая ультраортодоксами партия сефардов-традиционалистов ШАС. Будучи не только религиозным, но и социально-популистским списком, ШАС в этой, как во всех предыдущих избирательных кампаниях бросила вызов объединенному блоку Ликуда и НДИ, прежде всего на «социальном» фланге. Автором нынешней электоральной стратегии этой партии считается яркий и харизматический лидер «угнетенных сефардов» (составляющих диспропорционально большую часть социально и экономически мало благополучных, по израильским, разумеется, нормам, общественных слоев) Арье Дери, который менее чем за полгода до выборов после 13-летнего перерыва вернулся к руководству партией ШАС.

На выборах 2009 года «сефарды» составили соответственно, более 40–45% избирателей Ликуда и около пятой части (по другим данным, почти четверть) избирателей НДИ. Но в отличие от «Еврейского дома» и еще более правой партии «Оцма ле-Исраэль» объектом атаки ШАС первоначально стало даже не «твердое электоральное ядро» Ликуда и НДИ, сколько, так сказать, «привлеченный электорат» правоцентристских партий, который в период между выборами обычно пребывает в категории «неопределившихся». В 2009 году существенную часть этих избирателей составляли уже не раз упомянутые бывшие последователи Ариэля Шарона, в 2005 году перешедшие в его новую «партию власти» Кадиму, но в 2006–2008 гг. ставшие массово возвращаться в правоцентристскую часть политического спектра.

Напомним, что большинство из этих людей относились к двум социально-ориентированным группам: потомкам выходцев из стран Востока, населяющих периферийные города развития и неблагополучные кварталы больших городов центра

страны, и русскоязычные избиратели, которые после исчезновения с политического поля социально-центристской «русской» партии ИБА делили свою поддержку между «социально-либеральными» крыльями Кадимы и НДИ, а в 2009 году массово поддержали НДИ и частично – Ликуд.

Если со второй группой ШАС было делать явно нечего (не считая, разумеется, репатриантов из общин бухарских, грузинских и горских евреев, которых в Израиле часто некорректно именуют «русскими сефардами» и которые отдают ШАС от трети до целого мандата), то первая, которая обычно делит свои симпатии между «социальным лобби» Ликуда и ШАС, казалась Арье Дери вполне оптимальным объектом для решения своей главной задачи: повторения достигнутого им перед вынужденным уходом из политики рекорда 12-летней давности (17 мандатов), к чему не смогли даже приблизиться его наследники – министры Эли Ишай и Ариэль Атиас.

Эта задача казалась Дери тем более реальной, что существенную часть этих «сидящих до последнего на заборе» избирателей составляли потенциально «протестные» голоса той части общества, которая раздражена ростом стоимости жизни, особенно ценами на рынке жилья. А также последствиями принимаемых правительством Биньямина Нетаньяху антикризисных мер, благодаря которым, надо признать, Израиль успешнее большинства развитых стран прошел наиболее опасную часть мирового финансово-экономического кризиса, но все же, как отмечалось, оставивших у части общества вопрос из серии «почему все так плохо, если все так хорошо».

На выборах 2009 г. многие из этих бывших «умеренных шаронистов» – как ашкеназов, так и потомков выходцев из стран Востока проголосовали не за свои прежние партии – Ликуд и ШАС, а за НДИ, будучи привлечены антиолигархическими лозунгами партии и личностью ее лидера – твердого, ответственного и преследуемого «старым истеблишментом» политика Авигодора Либермана. И Дери не видел причин, почему на этот раз он не может стать новым фокусом социального и гражданского протеста этих слоев. По мнению Арье Дери, именно социально слабые слои выходцев из стран Азии и Африки «являются наиболее естественным адресом для политической мобилизации»¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Akiva Novick. Shas' Deri eyes Arab vote // Ynet, 11.06.2012.

На электоральную стратегию лидеров ШАС, казалось бы, работал и тот факт, что тема борьбы за права среднего класса, которая из-за прошедших летом 2011 года социальных протестов обещала стать «хитом» избирательной кампании 2012–13 гг., так и не смогла полностью вытеснить проблемы малообеспеченных слоев населения. Но плохой новостью для них стало то, что обе эти темы так и не смогли полностью заместить в общественном сознании израильтян вопросы национальной и региональной безопасности. Понятно, что в интерпретации таких сюжетов, как итоги конфликта вокруг сектора Газа, одностороннее обращение палестинских лидеров в ООН за предоставлением ПНА статуса государства-наблюдателя и особенно углубляющийся кризис в арабских странах Ближнего Востока, лидерам ШАС было трудно конкурировать с лидерами Ликуда и НДИ.

Что же касается самой социальной тематики, то эффект от усилий ШАС на этом направлении также был достаточно быстро купирован пропагандистами Ликуда, которые смогли противопоставить ШАС свою социальную повестку дня. В частности, Нетаньяху, учитывая место, которое на выборах 2013 г. занимала тема дороговизны жилья, сделал акцент на этом вопросе, актуальном как для среднего класса, так и малообеспеченных слоев. Он пообещал дать ход давно запланированным им реформам Земельного управления и строительной отрасли, для чего заявил о своем намерении оставить Минстрой – традиционную «вотчину» партии ШАС – под контролем своего блока.

В результате рейтинг ШАС, взлетевший в начале кампании с имеющихся 11 до 14–15 потенциальных мандатов, вскоре вновь упал до прежнего уровня, а по некоторым опросам, даже ниже, что не могло не восприниматься как провал стратегии партии и личный провал Арье Дери. Последний попытался исправить ситуацию, используя проверенный, как ему казалось, инструмент этнокультурного противостояния в стиле удачной для ШАС избирательной кампании 1999 года. Например, обратился с призывом к сефардам не голосовать за список Ликуда, который в союзе с НДИ стал, по мнению Арье Дери, «партией белых и русских». А также инициировал рекламные ролики ШАС, направленные на дискредитацию русскоязычной общины. Эти действия, однако, вызвали мощную общественную критику в адрес ШАС, и не исключено, что имели для нее больше издержек, чем выгоды.

«Новые харедим»

В поисках дополнительных ресурсов, способных все же исправить ситуацию, Арье Дери попробовал мобилизовать под ту же социально-протестную платформу еще две группы нетрадиционных для ШАС голосов: ашкеназов-ультраортодоксов и израильских арабов. Собственно, о перспективности этих двух групп для ШАС Арье Дери говорил еще в период борьбы за возвращение к руководству партией сефардов-традиционалистов, остро конкурируя за власть в ней с упомянутыми министрами Эли Ишаем и Ариэлем Атиасом. На состоявшейся в начале июня 2012 года встрече с активистами партии ШАС в Тверии Дери заявил, что коль скоро и арабы, и ультраортодоксы «хотят обеспечить свое будущее так же, как хотим этого мы [израильские сефарды], мы сможем помочь им так же, как мы помогали и другим. Поэтому проведенные нами опросы общественного мнения показывают огромную симпатию к ШАС среди арабского населения страны»¹⁶⁶.

Насколько подобные ожидания были оправданы? На протяжении довольно долгого периода действительно имеет место очевидный парадокс: демографический рост ультраортодоксального населения намного превышает аналогичные процессы в других израильских еврейских группах (6% в год против 2% в среднем по стране), что теоретически должно добавлять на каждых выборах абсолютно доминирующему в этом секторе блоку «Яадут ха-Тора» (ЕТ) тысячи новых голосов. Тем не менее он на протяжении многих лет не получал на выборах в Кнессет более 5–6 мандатов.

В качестве ответа, на первый взгляд, разрешающего этот парадокс, наблюдатели отмечали наличие почти незаметных внешнему взгляду, но от того не менее глубоких противоречий внутри сообщества религиозных ашкеназов. Причем речь явно идет не только о конфликте между правящими кланами и общинными элитами входящих в этот блок партий «Агудат Исраэль» [«Союз Израиля»] и «Дегель ха-Тора» [«Знамя Торы»], который является отражением восходящего еще к 18 веку идеологическому и политическому противостоянию, соответ-

¹⁶⁶ Цит. по: Akiva Novick. Shas' Deri eyes Arab vote // Ynet, 11.06.2012.

ственно, «хасидского» и «литовского» (или «миснагдского») течений восточноевропейской иудейской нео-ортодоксии. В последние годы в этой среде все более заметен раскол между еще двумя группами. Первая – это сторонники сохранения традиционного образа жизни, при котором большинство мужчин не выходят на официальный рынок труда и не служат в армии, полностью посвящая себя изучению Торы. При этом их чаще всего многодетные семьи существуют на весьма скромные социальные выплаты государства, не менее скромные (в силу отсутствия соответствующих требованиям рынка образования и профподготовки) заработки жен и зарубежную благотворительность. Вторая, пока меньшая по численности группа – это т.н. «новые харедим».

Члены этой группы, с одной стороны, обладают стойкой идентификацией именно «харедим» и сохраняют внешние признаки принадлежности к этой общине (религиозная идеология, стиль одежды, стандарты общественного и демографического поведения и т.п.), во внутренние дела которой они остаются глубоко вовлечены. Но одновременно они активно выходят на официальный рынок труда, позитивно относятся к идее интеграции «харедим» в израильское гражданское общество и стремятся получить современное общее и профессиональное образование; вступая в брак столь же рано, как и другие ультраортодоксы, они, однако, предпочитают искать своих партнеров среди лиц со сходным с ними мировоззрением, а их досуг включает немыслимое в ультрарелигиозной среде посещение театров и чтение нерелигиозной прессы¹⁶⁷.

Ядром этого сообщества, является сравнительно небольшой, но важный сегмент «харедим», который по своим социально-экономическим характеристикам приближается к израильскому среднему классу. По данным исследователей этого вопроса¹⁶⁸, представители данной группы в отличие от других еврейских ультра-религиозных, часто заняты квалифицирован-

¹⁶⁷ Yedidia Stern. The Haredim and the State of Israel // *The Jerusalem Post*, 13.09.2012

¹⁶⁸ Yedidya Stern et al. The Development of the strictly-Orthodox Middle Class in Israel // Research Report, Israeli Democracy Institute, 2012; Хаим Зихерман и Ли Каханер. *Становление современного ультрарелигиозного среднего класса в Израиле*. – Иерусалим: Израильский Ин-т демократии, 2012 (на иврите).

ной и сравнительно доходной профессиональной деятельностью (программисты, адвокаты, управленцы, бухгалтеры и т.д.) за пределами ультраортодоксального сектора. Они предпочитают посылать своих детей в государственные начальные школы религиозно-сионистского сектора, и лишь затем – в ультраортодоксальные частные средние учебные заведения, и поддерживают их желание призваться на военную или альтернативную службу, а затем получить высшее образование. Именно за счет представителей этих групп число студентов из ультраортодоксальных семей в израильских ВУЗах выросло втрое – с 2000 чел. в 2006/7 учебном году до примерно 6000 в 2012/13 учебном году¹⁶⁹.

Не вызывает удивления, что многие из членов «модернистской» фракции «харедим» (заметную часть которой составляют те, кого в Израиле именуют «англос» – евреи-выходцы из англоязычных стран, прежде всего США), как пишет в своем обзоре ситуации в ультрарелигиозном еврейском обществе Израиля Яир Эттингер, более не готовы мириться с установившимся там статус-кво. То есть ситуацией, при которой их семьи считаются «людьми второго сорта» в ультрарелигиозных общинах, а их дети подвергаются дискриминации в общинных образовательных учреждениях, и «все лишь потому, что главы этих семей предпочитают обеспечивать их своим трудом» (что, соответственно, не дает им возможности отдавать все свое время изучению священных текстов), а не жить на пособия¹⁷⁰.

Понятно, что огонь критики «новые харедим» направили в первую очередь против поддерживающего этот статус-кво официального руководства партий блока ЕТ, которое, по мнению членов этой группы, более адекватно не представляет их интересы. По данным исследователя этого лагеря Хаима Зихермана из Израильского института проблем демократии, «одной из главных причин, по которой ультраортодоксальные партии не могут увеличить свой электорат в этом подсекторе, это перегруженность их платформы темой светско-религиозного противостояния, борьбой против идей военной службы для учащихся "харедим" и т.п., в то время как ультра-

¹⁶⁹ Jeremy Sharon. Study: Haredi middle class emerging // *The Jerusalem Post*, 02.09.2012.

¹⁷⁰ Yair Ettinger. 'New' generation shaking up Israel's ultra-Orthodox political scene // *Haaretz*, 28.10.2012.

ортодоксальная улица, напротив, более озабочена проблемами, непосредственно влияющими на конкретных людей»¹⁷¹.

Такое мнение, в частности, весьма популярно в среде сторонников «рабочего» поселенческого крыла партии «Агудат Исраэль» – движения «Поалей Агудат Исраэль» («Рабочие Союза Израиля», ПАИ), многие из которых крайне разочарованы позицией консервативного ашкеназского ультра-религиозного истеблишмента и руководства ЕТ по актуальным для общины социальным и экономическим вопросам. Как заявил председатель ПАИ Ханох Вердигер, «депутаты от блока ЕТ практически замалчивают массу важнейших для "харедим" вопросов – занятость, профессиональное продвижение, дискриминация при оплате труда и эксплуатация работодателями женщин из ультраортодоксальных семей – вот что должно быть в повестке дня, а не то, чем заняты наши лидеры»¹⁷².

Проблема, по распространенному в этой среде настроению, усугубляется еще и отсутствием у рядовых избирателей инструментов прямого влияния на депутатов от ЕТ, назначаемых Советами мудрецов Торы обеих входящих в блок ультраортодоксальных партий, в которых не предусмотрена никакая процедура праймериз, и потому никак не подконтрольных избирателям. Более вовлеченные во внешний мир, чем их ориентированные на традиционные стандарты коллеги, «новые харедим» уже не готовы автоматически мириться с этим фактом, как и с фактом практической несменяемости этих депутатов. Так, Моше Гафни был членом Кнессета с 1988 года, Авраам Равиц 21 год был депутатом Кнессета от ЕТ и умер в этой должности, а бывший и нынешний член Кнессета (№ 3 в списке ЕТ на этих выборах) Меир Поруш вообще фактически «унаследовал» это место в избирательном списке ЕТ в Кнессет от своего отца.

Рано или поздно все это должно было сказаться и на политическом поведении недовольных такой ситуацией ультраортодоксальных евреев. Как заявил упомянутый Ханох Вердигер, «я, естественно, не указываю нашим сторонникам, какую партию они должны поддерживать. Наша задача – задавать вопросы. Но правда состоит в том, что люди приходят к нам и

¹⁷¹ Jermy Sharon. Religious Affairs: The haredi enigma // *The Jerusalem Post*, 10.01.2013.

¹⁷² Цит. по: Ettinger Y. 'New' generation... // *Haaretz*, 28.10.2012.

спрашивают: так за кого же нам голосовать?»¹⁷³ Нетрудно заметить, что сам факт того, что в этом вопросе может быть альтернатива всем известному мнению и даже прямому указанию глав хасидских дворов, руководителей йешив и других религиозных авторитетов, говорит о немалом перевороте в сознании по крайней мере части ультраортодоксального общества, и одновременно их остром недовольстве существующими порядками, поддерживаемыми традиционными общинными элитами. В итоге часть этих избирателей либо предпочитает не ходить на выборы, либо в знак протеста голосует не за ультраортодоксальные, а другие партии, как правило, в правой и ультраправой части политического спектра.

Одной из социальных предпосылок этого явления стало появление в последние десятилетия на стыке между сообществами религиозных сионистов и религиозных ультраортодоксов нового т.н. «национально-ультраортодоксального» политического лагеря («хареди-леуми»). Помимо проявляющих более консервативные политические и религиозные воззрения религиозных сионистов, его формирование идет также за счет тех ультраортодоксов, которые стремятся выйти за социокультурные рамки своего «секторального гетто» и отойти от господствующего там неприятия статуса Израиля как еврейского демократического государства.

Политическим воплощением этого процесса стала, например «сионизация» немалой части сторонников наиболее влиятельного хасидского движения ХАБАД, которую наблюдатели заметили еще в 2006 г. Так, в поселке Кфар-Хабат, в массе своей населенного представителями этого течения, 35,2% избирателей – впятеро больше, чем по стране в целом, – поддержали единый список блока «Национальное единство» и МАФДАЛ. Еще 30,9% тамошних избирателей вообще проголосовали тогда за ультраправый «Национальный еврейский фронт» во главе с Барухом Марзелем (который в целом по стране набрал менее 1% и не прошел электоральный барьер)¹⁷⁴. На следующих выборах 2009 г. примерно 15% голосов в населенных ультраортодоксами городах Бейтар-Илит, Бней-Брак, Эльад, Модииин Илит и Рехасим было подано за преиму-

¹⁷³ Ettinger Y. 'New' generation...

¹⁷⁴ Эпштейн А.Д. От правительства А. Шарона к правительству Э. Ольмерта, с. 311.

щественно правые партии, такие как блок «Национальное единство» («Ихуд Леуми»), МАФДАЛ и Ликуд, а также, хотя и в намного меньшей степени, даже за «русскую несекторальную» партию НДИ. Тогда блок «Ихуд Леуми» сумел отвоевать один мандат у «Ядут ха-Тора» благодаря присутствию в своем составе национально-ультраортодоксальной партии «Эрец Исраэль Шелану» («Наша Страна Израиль») раввина Шлома Вольпе¹⁷⁵. Например, в Бейтар-Илите за «Ихуд Леуми» голосовало 8% местных избирателей, такую же долю голосов избирателей этот блок получил в городе Эльад в центре страны (и еще 4,3% там голосовали тогда за Ликуд). В силу чего фракция «Ядут ха-Тора» в Кнессете тогда не только не выросла, но даже сократилась с шести до пяти мандатов.

Нечто подобное, по мнению обозревателей, должно было иметь место и в ходе выборов в Кнессет 2013 г., признаки чего действительно имелись задолго до начала избирательной кампании. Дополнительный нюанс в ситуацию вносило появление в среде «новых харедим» альтернативных ЕТ политических инициатив, некоторые из которых возникли на базе идеологической и организационной инфраструктуры упомянутого движения «Поалей Агудат Исраэль». Одним из таких проектов стала партия «Тов» («Благо»), которая на последних муниципальных выборах сумела провести своих представителей в местные советы городов Бейтар-Илит в Иудее и Бейт-Шемеш, в которых «харедим» соответственно составляют все население или значительную его часть, а на следующих выборах также боролась за места в муниципальных советах и других городов, таких как Эльад, Модииин-Илит и даже Иерусалим. Что касается выборов в Кнессет, то в 2013 году лидеры «Тов», исходя из данных внутренних опросов, говорящих, что партии для прохождения электорального барьера не хватало примерно 30000 сторонников, были намерены лишь повлиять на платформы ультраортодоксальных партий в том смысле, чтобы показать обществу, что их интересуют не только «бюджеты йешив, детские пособия и борьба против призыва "харедим" в ЦАХАЛ», а уже на следующие выборы идти отдельным списком.

Еще одним показательным моментом стало появление «харедимных» фракций в сионистских правых партиях, в частности,

¹⁷⁵ Подробнее см.: Владимир (Зеэв) Ханин. Израиль: завершение эпохи «большого взрыва». – М.: ИБВ, 22.02.2009. <http://www.iimes.ru/?p=8181>

в Ликуде. Причины, по которым «харедим» голосуют за эту партию, включают как недовольство лидерами традиционных ультраортодоксальных партий, так и желание влиять на общенациональную, а не только секторальную повестку дня. По свидетельству Хаима Серчука, одного из лидеров «группы ультраортодоксов в Ликуде», этот внутрипартийный блок насчитывает около 1000 членов и продолжает численно увеличиваться, что в будущем, возможно, позволит ему выдвинуть своего кандидата на ликудовских праймериз¹⁷⁶.

При этом Серчук признавал, что пока поддержка «харедим» Ликуда отнюдь не представляет серьезной угрозы блоку ЕТ и партии ШАС. Намного большую роль в этом плане мог сыграть раскол, наметившийся накануне прошлых выборов в наиболее консервативной части ЕТ – «литовской» партии «Дегель ха-Тора». Речь идет о конфликте между «умеренным» лагерем, возглавляемым последним оставшимся (после смерти в 2012 рабби Йозефа Шалома Эльяшива) духовным руководителем «литовского» иудаизма рабби Аароном Штейнманом, большинство сторонников которого проживает в религиозных кварталах Бней-Брака (город-спутник «большого Тель-Авива»), и «религиозными фундаменталистами» из «Иерусалимского лагеря» рабби Шмуэля Ауэрбаха. Сторонники последнего, обвиняя руководство своей партии в примирительном, по их мнению, отношении к «харедим-модернистам», накануне выборов зарегистрировали свой список «Нецах» («Вечность [народа Израиля]»), одно из иносказательных определений божественного присутствия), не имевший, по оценкам политологов, шанса пройти электоральный барьер, но вполне способный «утопить» один из мандатов блока ЕТ. Дополнительный ущерб блоку могли нанести и иные появившееся накануне выборов альтернативные религиозные политические проекты – от вполне серьезных, хотя и маловлиятельных групп, до политических курьезов типа списка хасидов-нахманистов «Коах Лехашпиа» раввина Амнона Ицхака. (Последний, например, продвигая платформу из причудливого сочетания религиозно-мистических идей и бессмысленных ультрапопулистских лозунгов из серии «снизить [в 3–5 раз] тарифы на воду и цены на бензин», действительно получил на этих выборах 28 048 голосов. И, соответственно, «утопил»

¹⁷⁶ Jermy Sharon. Religious Affairs: The haredi enigma // Jerusalem Post, 10.01.2013.

почти целый мандат, отобрав его у ЕТ, ШАС и, вероятно, партии раввина Хаима Амсалема «Ам Шалем», которому, не исключено, именно этих голосов не хватило для прохождения электорального барьера).

Наконец, в ходе избирательной кампании выяснилось, что в сложной внутриполитической мозаике еврейской ультраортодоксальной общественности Израиля есть и еще один мотив, как связанный, так и не имеющий прямой связи с упомянутыми соперничеством между «Агудат Исраэль» и «Дегель ха-Тора» и расколом между «консерваторами» и «модернистами». Речь идет о конфликте с лидерами ЕТ и конкуренции между собой исторически поддерживающих этот блок влиятельных хасидских дворов. В ходе этих конфликтов главы ХАБАДа и Брацлавских хасидов склонялись к тому, чтобы призвать своих сторонников проголосовать за правые сионистские партии, руководители более мелких сект – вообще не ходить на выборы, а лидеры Бельцских хасидов (недовольных тем, что несмотря на демографический рост общины их сторонников, они занимают лишь четвертое место в «очереди за властью» в институтах своей партии) угрожали перейти в ШАС. К ШАС склонялись и отдельные группы «новых харедим», которые, как, например, многие ашкеназские жители населенного ультраортодоксами городка Эльад в центре Израиля «протестно» проголосовали за эту партию на муниципальных выборах 2008 года.

Что касается самих лидеров ШАС, то они, разумеется, всячески приветствовали новые тенденции и были более чем заинтересованы освоить мандат-полтора из потенциала «разочарованных хасидов» и «харедим-модернистов». Не случайно Арье Дери (кстати, сам получивший образование в йешивах литовского течения), который изо всех сил делал вид, что он не интересуется «внутренними разборками» между хасидскими династиями или среди «литваков», вновь и вновь поднимал вопрос об отказе руководства некоторых «харедимных» ашкеназских школ принимать на учебу девочек из религиозных сефардских семей. Что обозреватели немедленно оценили как послание, направленное не только выходцам из стран Востока, но и «новым харедим», дети которых часто также подвергаются дискриминации в тех же школах.

Как показали итоги выборов в Кнессет, так и ставшие их прямым «послесловием» муниципальные выборы 22 октября 2013 года, эта политика принесла ограниченный успех, но кое-где

тенденция была прямо противоположной. Так, именно в городе Эльад, с которым было связано так много надежд на «освоение» ашкеназского электората и который стал ареной борьбы общенационального уровня между сефардскими и ашкеназскими ультраортодоксами, Арье Дери и ШАС получили самый неприятный электоральный афронт. В этом городе, 70% населения которого составляют именно «харедим» с корнями в странах Северной Африки и Ближнего Востока, и который с момента основания возглавлялся ШАСовским мэром восточного же происхождения, победа на этот раз осталась за местным филиалом «Еврейства Торы» во главе с представителем «клана» Порушей – Израилем Порушем. За ультраортодоксальный ашкеназский список проголосовали более четверти местных сефардов, вопреки тому, что Дери, потеряв надежду на поддержку местных ашкеназов-ультартортодоксов, по данным израильских СМИ, «мобилизовал всю свою харизму и энергию, не гнушаясь и "этническим демоном" в пропаганде против семейства Порушей и евреев с восточноевропейскими корнями»¹⁷⁷.

Равным образом, и в Иерусалиме тотальная поддержка оппозиционному кандидату Моше Леону, которую ШАС ему оказал по настоянию Арье Дери, привела к тому, что часть аффилированных с «Агудат Исраэль» хасидских дворов, ранее также гарантировавших свою поддержку «религиозному» кандидату Моше Леону, в конечном итоге прямо или косвенно поддержала действующего «светского» мэра Нира Барката. Так, Баркат достиг взаимопонимания с хасидскими дворами Гур и Бельц, в результате отвернувшимися от Моше Леона. Главный религиозный авторитет Гурского хасидизма буквально за день до выборов решил, что он не будет призывать своих последователей голосовать за какого-либо из кандидатов на пост мэра Иерусалима, неформально порекомендовав либо поддержать заведомо «непроходного» ультраортодоксального кандидата раввина Хаима Эпштейна, либо Барката, либо, «испортив бюллетень» проголосовать «против всех». Его примеру последовали лидеры ряда других хасидских дворов. Сами хасидские вожди, по некоторым свидетельствам, тоже не остались в накладе, ибо сотрудничество с действующим мэром имело свои плюсы. По свидетельству сотрудника штаба Моше Леона,

¹⁷⁷ Yair Ettinger. Israeli ultra-Orthodox party proves a big loser in local elections // *Haaretz*, 23.10.2013.

«большой ящик с подарками которые Баркат предложил харедимным группам в обмен на их поддержку на выборах, стал тем предложением, от которого оказалось невозможно отказаться. И снова Баркат смог положиться на раскол голоса "харедим", достигнутый в результате секретных обещаний и подковренных договоренностей»¹⁷⁸.

В победе Барката свою роль сыграл и вышеописанный раскол в «литовской» партии «Дегель ха-Тора», официальное руководство которой также поддержало Моше Леона, а муниципальное политическое крыло ее оппозиционного «фундаменталистского» лагеря Шмуэля Ауэрбаха – движение «Бней Тора» («Дети Торы»), напротив, выдвинуло своего кандидата, упомянутого раввина Хаима Эпштейна на пост мэра Иерусалима, равно как и конкурирующие с ЕТ списки на выборах в городские советы Иерусалима, Бней-Брака и Модииин-Илит.

Несмотря на просьбы Арье Дери и давление лидеров «Дегель ха-Тора» (орган которой, газета «*Yated Ne'eman*» публиковала остро критические материалы о партии «Бней Тора», а религиозные авторитеты «литваков», такие как уважаемый в этих группах раввин Хаим Каневский, провозглашали «абсолютную обязанность всех, имеющих право голоса», поддержать только объединенный список «Еврейства Торы») не имевший шансов на избрание раввин Хаим Эпштейн отказался выйти из гонки за пост мэра. (Причиной, согласно сообщениям Десятого канала ТВ, стало соглашение Хаима Эпштейна с Ниром Баркатом, которому он пообещал не снимать свою кандидатуру в обмен на будущее назначение заместителем мэра¹⁷⁹). В итоге Хаим Эпштейн, завоевав для своей партии лишь одно место в городском совете, на выборах мэра города «утопил» примерно 7 тысяч голосов (3,57% всех избирателей), причем не только «литваков», но и многих хасидов, которые в противном случае достались бы Моше Леону. Вызванный всем этим раскол в лагере ультраортодоксов, по оценкам журналистов газеты «Гаарец», лишил «религиозного» кандидата Моше Леона примерно

¹⁷⁸ Цит. по: Jeremy Sharon. In blow to challenger, Hassidic groups decline to endorse J'lem mayoral candidate // The Jerusalem Post, 21.10.2013.

¹⁷⁹ См. сообщение Равива Друкера на Интернет-сайте Десятого канала "Nana 10", 23.10.2013: "Секретная сделка Барката: кандидат от "харедим" идет до конца – и станет оплачиваемым зам.мэра". – <http://news.nana10.co.il/Article/?ArticleID=1013177> (на иврите)

20 000 голосов¹⁸⁰. Что и позволило «светскому» кандидату Ниру Баркату, обойдя соперника всего на 12 000 голосов избирателей, сохранить за собой пост мэра Иерусалима.

Кризис «арабской улицы»

Внимание общественности привлек и выявившийся глубокий кризис израильских арабских элит, связанных с тремя традиционно присутствующими в Кнессете и формально примыкающими к левому флангу израильского политического спектра арабскими партиями – радикально-антисионистской БАЛАД, исламистского блока РААМ-ТААЛ-МАДА и некогда двунациональной, но сегодня почти исключительно арабской компартией (ХАДАШ). На практике арабские партии, получающие чуть более половины голосов этого сектора населения, сегодня представляют не столько арабоязычное этно-культурное меньшинство израильских граждан, сколько ориентированы на внешние (палестинские, арабско-националистические и/или панисламские), в том числе, враждебные Израилю силы¹⁸¹, и потому последовательно превращаются из системной во внесистемную оппозицию. Упомянутый кризис и стал итогом ощутимого разрыва между лидерами израильской «арабской улицы» и реальными социально-культурными и социально-экономическими интересами их избирателей.

Подобный раскол стал замечен достаточно давно, но вышел на поверхность после осуществленного в 2005 году правительством Ариэля Шарона «одностороннего размежевания с сектором Газы. Традиционный электорат партий израильских арабов в тот момент внезапно осознал, что принцип «эвакуация-компенсация», примененный к поселенцам Газы, может быть также применен и по отношению к ним. Это тем более

¹⁸⁰ Яир Этингер, "Ультраортодоксальный кандидат Эпштейн утверждает, что в итоге сделки с Баркатом он будет назначен заместителем мэра. Баркат все отрицает // *Гаарец*, 24.10.2013. –

<http://www.haaretz.co.il/news/local/localelections/1.2147969> (на иврите)

¹⁸¹ Подробнее о корнях этого процесса можно посмотреть в статье: Дан Шифтан. Палестинский вызов еврейскому государству: новая идеология израильских арабских политиков // *Ближний Восток и современность*. Вып. 18. М., 2003, с. 135–160.

вероятно, что благодаря деятельности арабских политиков, подчеркивающих «палестинскую», а не израильскую принадлежность своего электората, израильские арабы в глазах многих израильтян стали «пятой колонной». Именно эти настроения эксплуатирует идея лидера НДИ Авигодора Либермана об «одностороннем отделении от Ум-эль-Фахма» – т.е., передаче ПНА городов «треугольника» Южной Галилеи, населенных израильскими арабами-мусульманами, что позволит резко улучшить демографическую ситуацию и положение в области безопасности и снять сотни тысяч получателей пособий с плеч израильской системы соцобеспечения.

Полным ходом идет делегитимация элит этого сектора, играющих, по мнению очень многих израильтян, роль «пятой колонны», что, как было показано в главе 5, и способствовало массовой легитимации идеи обмена населенных израильскими арабами-мусульманами городов Южной Галилеи на еврейские поселенческие блоки Иудеи и Самарии (т.н. «план Киссинджера-Либермана») «идеологическим мейнстримом», причем как левого, так и правого толка¹⁸².

Ожидаемой реакцией на эту ситуацию стало, с одной стороны, снижение влияния арабских партий и бегство их избирателей в «сионистские» партии левого лагеря и Кадиму, а с другой, – рост радикально-исламских настроений в среде части израильских арабов, вдохновленных победой ХАМАСа на палестинских выборах¹⁸³.

Наличие на общинном политическом рынке таких сил, как еврейско-арабская рабочая партия ДААМ или «Ха-Тиква ле Шинуй» («Надежда на изменения»), требующих вместо «про-

¹⁸² See Timothy W. Waters. The Blessing of Departure: Acceptable and Unacceptable State Support for Demographic Transformation: The Lieberman Plan to Exchange Populated Territories in Cisjordan // *Law & Ethics of Human Rights*. 2008. Vol. 2. Iss. 1. Art. 9. – <https://scholarworks.iu.edu/dspace/bitstream/handle/2022/8943/WatersLEHR1.PDF?sequence>

¹⁸³ По данным опроса, проведенного под руководством профессора Хайфского Университета Сами Смухи, среди 500 представителей арабского населения страны почти 70% израильских арабов приветствовали победу ХАМАСа на выборах в ПНА, а негативное отношение к приходу ХАМАСа к власти высказали только 16% респондентов (<http://www.intersol.co.il/ispr/index.php?page=1726>).

блем, у которых нет скорого решения, заниматься вопросами интеграции в израильское общество и благосостояния арабского сектора», картину существенно не меняло.

В итоге, как показал опрос, проведенный компанией Statnet совместно с Институтом продвижения демократии, израильских арабов мало интересует ближневосточный «мирный процесс» (тема израильско-палестинских отношений интересует лишь 8% респондентов), но все больше волнуют социально-экономические проблемы. Голоса «с мест», которые приводит в своем обзоре публикаций израильской прессы журналист радио «Голос Израиля» Рафаэль Рамм (Владимир Лазарис), неплохо иллюстрируют эту тенденцию. Так, один из жителей Шфарамы заявил журналистам, что «они [т.е. арабские депутаты] заботятся только о себе и своей карьере». Еще категоричней был один из жителей Тамры: «Каждый раз мы разочаровываемся в наших депутатах. Вместо того, чтобы говорить о наших заботах и надеждах, они решают проблемы палестинцев, что нам до них?» В итоге один из арабских адвокатов Хайфы с тоской вспоминал времена Ицхака Рабина, когда он «чувствовал себя частью страны... а сейчас я просто не знаю, за кого голосовать».

Не случайно, что из 950 тысяч человек, имевших право участвовать в выборах 2009 года, в голосовании приняли участие лишь 320 тысяч, отдавших свои голоса за арабские списки, то есть 60% от общего числа проголосовавших. Опросы, проведенные накануне последних выборов, также показали, что примерно четверть арабоязычных избирателей готова была взвесить возможность поддержки еврейских партий, а 50% вообще были не намерены голосовать на предстоящих парламентских выборах, поскольку считали, что ни одна из существующих партий не представляет их интересы¹⁸⁴.

Эту тенденцию неплохо иллюстрируют высказывания арабоязычных жителей Акко, многие из которых утверждали, что не намерены голосовать за «свои» списки. «Есть 5 или 6 партий, все хотят понравиться Халеду Машалю или Абу-Мазену. Никто не хочет нравиться нам, гражданам Израиля. Я и многие мои друзья решили голосовать за еврейские партии, они позаботятся о нас лучше арабов», – говорит журналисту один из жителей Акко. «Депутаты нам надоели, некоторые из них сидят

¹⁸⁴ Jack Khory. Poll: Half of Israeli Arabs don't intend to vote in January elections // *Haaretz*, 10.12.2012.

в Кнессете более 10 лет и не делают для избирателей ничего. Ощущение проигранной игры заранее. Потому я не иду голосовать». Любопытно, что многие арабские граждане были намерены голосовать за ШАС, ибо «это партия, которая заботится о бедных и слабых, каковых много среди арабов Израиля»¹⁸⁵.

«Старые» и «новые сефарды»

Все это позволяло предполагать, что заявка Арье Дери на привлечение голосов из этих двух секторов могла быть не столь уж беспочвенной, и, возможно, в будущем это вполне может случиться. Примером может служить массовая поддержка, которую кандидату от ШАС Моше Абутбулю оказали ашкеназские ультраортодоксы и их партии на муниципальных выборах в городе Бейт-Шемеш, основанном не вдалеке от Иерусалима шесть десятилетий назад на месте упоминающегося в Библии древнеиудейского городка с тем же названием. Этот изначально заселенный репатриантами из Северной Африки, но сегодня общинно и культурно-религиозно разноплановый город (включая значительную долю репатриантов из бывшего СССР, США и Канады, Франции и Эфиопии) был среди немногих, если не единственным в стране, где была попытка провести своего рода «муниципальные праймериз». Их целью было выставить единого кандидата от пока еще составляющих демографическое большинство, но политически и социокультурно расколотых горожан-«сионистов», то есть светских, традиционалистов и «вязаных кип» против действующего мэра Моше Абутбуля. Последний, представляющий ультрарелигиозное крыло «сефардской» партии ШАС, стал в 2008 году мэром благодаря поддержке ультраортодоксальных ашкеназских общин города и апатии светских избирателей.

В прошлую каденцию Бейт-Шемеш не раз попадал в заголовки СМИ благодаря активизации в нем самых экстремистских ортодоксальных течений, таких как «еврейский Талибан», прославившийся требованиями разделения полов в автобусах и других общественных местах, словесным террором и притеснениями светских, религиозных сионистов и даже (а в некоторых случаях – в особенности) «слишком либерально настроен-

¹⁸⁵ ZMAN.com, 17.01.2013.

ных», по мнению фундаменталистов, членов в самих религиозно-ортодоксальных общинах. Не говоря уже о том, что не относящиеся к радикальным ортодоксальным группам жители постоянно жаловались на ортодоксального мэра, который, по утверждениям его критиков, занимается удовлетворением потребностей только ортодоксальных жителей Бейт-Шемеша и пренебрегает решением вопросов досуга, культуры и спорта.

В результате муниципальные выборы в Бейт-Шемеше носили характер прямого политического столкновения по схеме «ультраортодоксы (т.н. «харедим») против остальных». Притом, как заметил живущий в городе депутат Кнессета от «Еврейского дома» Дов Липман, за исключением экстремистов, в спокойном состоянии «большинство "харедим" ладит со светским населением, и наоборот, к выборам "харедим" подошли как к религиозной войне». В итоге победу вновь одержал кандидат от «харедим» Моше Абутбуль, который обошел своего соперника всего лишь на несколько сот голосов. Повторное голосование, проведенное по причине многочисленных нарушений, зафиксированных в ходе выборов, и слухов о фальсификации итогов в пользу действующего мэра, завершилось с примерно тем же результатом. Что было большим облегчением для Арье Дери, ибо потеря для ШАС и этого города ознаменовала бы полный крах его новой стратегии и, не исключено, начало конца его политической карьеры, на фоне постепенного распада самой партии.

В свою очередь, пример Бейт-Шемеша на муниципальных выборах (как и выборы в Кнессет 19-го созыва) показал, что существующий механизм политической мобилизации и этнической, кланово-племенной солидарности и экономической зависимости от традиционных элит в этих общинах пока оказался сильнее центробежных тенденций. (История об отмене итогов выборов на избирательном участке в арабском городе Ярке из-за явной фальсификации, при которой количество избирательных бюллетеней в урнах оказалось больше, чем число зарегистрированных избирателей, якобы массово проголосовавших за партию ХАДАШ, является лишь видимой частью айсберга).

Свою роль сыграли и особенности прошедших выборов, включая доминирование на них социально-экономической тематики, с которой обычно сопряжена и тема социально-секторальных интересов. А также устоявшееся в сознании большинства избирателей представление об отсутствии у ли-

дера Ликуда Биньямина Нетаньяху какого-либо реального соперника в борьбе за пост премьер-министра, в силу чего многие из избирателей, в том числе «харедим», предпочли голосовать не за его блок, а за «свои» общинно-секторальные партии.

Арабские партии сохранили свои 11 мандатов и в новом Кнессете, а блок «Ядут ха-Тора» не только не потерял, но даже добавил в нынешнем к своим прежним пяти мандатам еще два. В силу чего эффект действий ШАС на арабской улице и в ультраортодоксальном секторе оказался минимальным.

Но главной проблемой ШАС оказалось совсем не это, а отсутствие ожидавшегося Дери решительного «прорыва» на наиболее критичном для партии сефардском «социальном» поле. Как бы то ни было, ШАС в конечном итоге получил свои 11 мандатов – то есть ровно столько, сколько у него было по итогам выборов 2003, 2006 и 2009 годов. Что означает, что он все еще контролирует те 45–50% «сефардского электората», в массе своей принадлежащих к малообеспеченным, по израильским понятиям, социальным слоям и готовых при любом варианте развития событий голосовать за «свою» религиозно-популистскую партию.

Перемены на «русской улице»

Особое внимание аналитиков так же, как всегда, привлекла община выходцев из бывшего СССР, которая в силу своего электорального веса и отсутствия характерного для многих израильтян феномена привычного, из поколения в поколение, голосования за свои «домашние» партии, часто определяет исход выборов. По состоянию на 1 января 2013 года в Израиле проживали более 862 500 лиц в возрасте 18 лет и старше, прибывших в страну из СССР и стран СНГ с начала «большой алии» 90-х гг. К ним следует добавить более 24 тыс. тех, кто родились в русскоязычных семьях в самом Израиле. Таким образом, члены русскоязычных семей составляют около 16% от 5,6-миллионного корпуса зарегистрированных избирателей, что соответствует примерно 19,5 мандатам. На выборах 2013 года «русская улица», по оценкам экспертов, демонстрировала пониженный, по сравнению с другими группами избирателей, уровень политической активности (порядка 62%, а по другим данным, – даже менее 60% против 67,7% в среднем по стране).

Вследствие чего от мандата до полутора из электорального потенциала общины, возможно, было потеряно.

С другой стороны, с общиной и партиями, говорящими от ее имени (как общенациональными, так и секторальными), также идентифицируется и какая-то часть членов русскоязычной «алии 70-х» (по различным оценкам, порядка 35–45 тыс. человек, то есть порядка одного мандата или больше). Поскольку репрезентативную выборку этой группы получить удастся крайне редко, то для «чистоты эксперимента» электоральный потенциал русскоязычных «ветеранов» обычно не учитывается. Тем не менее, этот факт, наверное, следует учитывать при выборе между верхней и нижней гранью статистической оценки числа проголосовавших за ту или иную партию.

Как нам уже не раз приходилось отмечать, «русская улица» Израиля не является единым электоральным блоком и довольно динамична в своих партийно-политических пристрастиях. На этот раз в отличие от столь существенных изменений в обществе в целом на израильской «русской улице» особых перемен не произошло.

Этот вывод, в частности, следует из результатов exit polls («голосования на выходе») русскоязычных израильтян, проведенных в день выборов на 11 избирательных участках в девяти городах Израиля – Иерусалиме, Модиине, Бейт-Шемеше и Ариэле в центре страны, Хайфе, Кармиэле и Кацрине на севере и Беер-Шеве на юге. (Исследование, программа которого была разработана директором Института для новых американцев RINA Сэмом Клигером и автором этих строк, было проведено этим институтом с помощью компании ASK RINA).

Согласно этим данным, которые оказались близки к итогам репрезентативных опросов, а также и интернет-голосований, проведенных за день до и день после выборов, голоса русскоязычных израильтян распределились следующим образом.

Около 65%, по данным нашего экзит-пола (по данным других опросов, – порядка 60%), получил список Ликуд-НДИ, что соответствует примерно 11–12 мандатам. Это было серьезным падением по сравнению с теми примерно 15 мандатами, которые баллотировавшись в 2009 году на выборах отдельно, получили НДИ и Ликуд, причем 2/3 этих голосов имела, как отмечалось, партия НДИ.

Ликуд, в свою очередь, на предыдущих выборах имел порядка 4,5–5 «русских» мандатов, которые дали ему две группы

русскоязычных избирателей. Первая (большинство) – это те, кто видел именно в этой партии (а не в НДИ или претендовавшей тогда на такой же статус партии Кадима) оптимальную модель той самой «израильской партии с русским акцентом». А вторая группа – это те, кого «русская тема» не интересует вообще и кто считает, что у алии из бывшего СССР вообще нет никаких специфических интересов, отличных от других групп израильского общества. (Доля членов общины, придерживающихся такой точки зрения, за последние годы выросла, согласно нашим опросам, почти вдвое – с 12–15% в 2003 г. до примерно четверти в 2009 г.)

Один из предвыборных опросов показал, что около 60% репатриантов из числа избирателей, проголосовавших за НДИ в 2009 году, собирались поддержать объединенный список Ликуда-НДИ и на этот раз, а 35% избирателей «сидели на заборе», в то время как среди «русских» избирателей Ликуда картина была обратной. В итоге большая часть и твердого, и привлеченного «русского» электората НДИ, в отличие от примерно половины рассеявшегося по иным партиям «русского» электората Ликуда, поддержала этот объединенный блок. А точнее, тандем лидера НДИ Авигдора Либермана и лидера Ликуда премьер-министра Биньямина Нетаньяху, причем, что является принципиальным моментом, именно этом порядке, а не наоборот.

Близкая тенденция, судя по оценкам, появившимся в израильской прессе в первые дни после выборов, имела место и в среде избирателей обеих партий из числа коренных израильтян. Если верить этим данным, то активисты НДИ, работая эффективнее и слаженнее своих коллег из Ликуда, сумели принести в общую копилку блока Ликуд-НДИ примерно 400 тыс. из общего числа 830 тыс. голосов. То есть, имея 35% от общего числа мандатов, которые в сумме имели эти партии в прошлом Кнессете (15 у НДИ против 27 у Ликуда), избиратели НДИ принесли объединенному списку более 45% (то есть примерно 13–14 из 31) мандатов на этих выборах. Иными словами, партия НДИ практически сохранила свой как «русский», так и «обще-израильский» потенциал, который и перешел в объединенный список. В то время как основные потери объединенного списка – 11 мандатов, по сравнению с 42, которые Ликуд и НДИ в сумме имели по итогам выборов 2009 года, – вероятно, пришлось на долю Ликуда.

Насколько можно судить, большая часть этих потерянных голосов в пропорции примерно 3:1 ушла в две партии, которые

публично воспринимались как движения, выступающие за «права среднего класса, несущего на себе основное гражданское и экономическое бремя страны». А именно, преимущественно религиозно-сионистский блок «Еврейский дом» и преимущественно светскую партию «Еш Атид», которые атаковали на выборах правоцентристский Ликуд-НДИ соответственно, справа и из «умеренного центра».

НДИ, в свою очередь, потеряла около мандата, или чуть меньше (в основном, из числа поддержавших Либермана коренных израильтян и некоторых репатриантов из бывшего СССР) – в пользу «Еврейского дома» Нафтали Беннета, и сравнительно небольшое, не поддающее точной оценке, количество голосов в пользу «Еш Атид». В свою очередь, Ликуд потерял примерно половину одного (из имевшихся у него по итогам прошлых выборов 4,5–5) «русского» мандата в пользу «Еврейского дома» Беннета, и примерно 1–1,5 «русского» мандата – в пользу партии «Еш Атид» Яира Лапида. Судя по данным нашего экзит-пула и других опросов, большая часть полученных списком Лапида примерно 3, или чуть больше, «русских» мандатов была освоена им из разваливающегося «русского» электората партии Кадима, имевшей в 2009 году 2–2,5 мандатов от репатриантов из бывшего СССР и стран СНГ.

Иными словами, 17 мандатов, которые на прошлых выборах имели «русская партия с израильским акцентом» (НДИ – 10 мандатов) и «израильские партии с русским акцентом» (4,5–5 Ликуд и 2–2,5 Кадима), распределились следующим образом. Примерно 11 получил Ликуд – НДИ, примерно 3,5, или около 4 – «Еш Атид» и «выкроенная» из бывшего твердого электорального ядра Кадимы партия Ципи Ливни «Ха-тнуа», и еще примерно мандат-полтора – «Еврейский Дом» Нафтали Беннета. Менее половины мандата НДИ ушло в пользу «чисто русской секторальной» партии «Исраелим» Давида Кона (среди поданных за эту партию 18939 голосов явно было и какое-то число бывших «русских» избирателей Кадимы а также избирателей, которые на прошлых выборах голосовали за также не прошедшие электоральный бартер «русские» секторальные списки «Алия – [за] обновленный Израиль» Михаила Нудельмана и «Лев» Овадии Фатахова).

Таким образом, партия «Исраелим» вместе с опять получившей всего 1352 голоса «русской этнической» партией «Лидер», соответственно, не только не прошли, но даже не при-

близилась к электоральному барьеру и потому просто «сожгли» эти голоса. (Как заметил популярный публицист Дов Конторер: «Партия... Давида Кона вполне оправдала надежды левых операторов, с подачи которых она стала участницей предвыборной гонки: ею отправлено в мусорную корзину порядка 19 тысяч голосов, которые в иной ситуации дали бы 32-й мандат Ликуду-НДИ и обеспечили преимущество блоку правых и религиозных партий»). Наконец, от половины до примерно мандата (из этих 17) было потеряно в связи с низким уровнем голосования русскоязычных израильтян.

Что же касается израильских партий, не делавших в своих платформах никакого специфического акцента в отношении русскоязычных израильтян или у которых это при всем желании не получилось, то их совокупный потенциал, по данным экзит-пулов и других опросов, как и в прошлом, составил от двух до четырех «русских» мандатов. Эти голоса в разных пропорциях распределились между наиболее левой из партий «умеренного» спектра Аводой, ультралевым МЕРЕЦ, и наиболее правой из еврейских партий и не прошедшей электоральный барьер «Оцма ле-Исраэль» («Сила Израиля»). А также «нерусскими» ультрарелигиозными секторальными списками, «сефардской» партией ШАС, обычно получающей от трети до половины мандата от выходцев из восточных республик бывшего СССР, и ашкеназского блока «Яхадут ха-Тора» («Еврейство Торы»). И, что характерно, рядом протестных движений – таких, как экологисты («зеленые») и особенно партия сторонников легализации продажи легких наркотиков «Але ярок» («Зелёный лист»), за которые голосовали многие сотни молодых либерально настроенных и разочарованных в политической системе русскоязычных израильтян.

Даже если учесть, что «русский голос» составил примерно треть от четырех-, пяти-мандатного оттока голосов от правого лагеря в левый (в основном в очередную «партию центра» «Еш Атид», которая хотя и является созданием левых элит, но избегала в ходе избирательной кампании однозначно идентифицироваться с собственно левым лагерем), то общее число русскоязычных израильтян, которые поддерживали «объявленно-левые» и левоцентристские партии остается мизерным.

Это, наверное, выглядит странным, в свете того, что подавляющее большинство репатриантов из бывшего СССР живет в Израиле уже более 20 лет, не говоря уже о более 200 тыс.

родившихся в русскоязычных семьях в самом Израиле, и по идее, они уже должны были вполне интегрироваться в существующую в израильском обществе систему представлений, ценностей и соответствующее им политическое размежевание. Тем более, что серьезные социологические исследования действительно доказывают, что основные поведенческие модели, в том числе, и связанные с политическим поведением большинства «русских» израильтян уже давно являются в намного большей степени итогом их израильского опыта, чем советского и постсоветского наследия.

В качестве причин подобной ситуации обычно называют две. Во-первых, большинство «русских» избирателей, будучи социально-рыночно ориентированными и умеренно правыми, фактически «скроены» под программы Ликуда и НДИ с их, с одной стороны, либерально рыночной идеологией и мощным социальным лобби, с другой. (Добавим, что в правом лагере находится и социально-популистское движение ШАС, за которое, как отмечалось, нередко голосуют выходцы с Кавказа и Центральной Азии). И во-вторых, в сознании русскоязычных израильтян социально-экономические программы левых всегда идут в пакете с идеей «отдать все арабам», в силу чего их социальной фразеологии недостаточно, чтобы поддержать их партии, тем более, что такой фразеологии хватает и в правом лагере.

Казалось бы, на выборах 2013 г. ситуация могла измениться в свете прокатившейся по стране полтора года назад волны протестов против дороговизны жилья и общего повышения стоимости жизни, которая на своем пике вывела на улицы городов Израиля сотни тысяч демонстрантов. Причем в отличие от прошлых выступлений такого рода темой нынешнего «социального» движения стали не столько малообеспеченные слои, сколько упомянутая борьба за подобающий им социально-экономический статус «ущемленного в правах среднего класса», которая и стала «хитом» нынешнего электорального сезона. Поскольку к этому классу реально или, учитывая образовательный уровень, потенциально принадлежит большинство работающих выходцев из бывшего СССР, руководители левых партий, громче других заявлявшие свое право на роль лидеров «общественного протеста», считали, что на этот раз им удастся собрать заметный урожай «русских» голосов. Особенно те из них, которые, как вожди Партии труда, делали все возможное,

чтобы «замести под ковер» ныне очень неудобную для них тему «палестино-израильского мирного процесса».

Этот беспроигрышный, как казалось этим политикам, ход оказался абсолютно неэффективным, объяснения чему следует искать не в лозунгах или иных элементах электоральной стратегии и тактики, а в самой сути движения общественного протеста, отношении к нему «русской улицы» и в характере интеллектуальных, культурологических и социально-экономических процессов в общине выходцев из бывшего СССР, влияющих на установившийся характер их отношений со «старыми» ашкеназскими и сефардскими элитами, соответственно, «Первого» и «Второго» Израйля.

Делая общий вывод, отметим, что прогноз, согласно которому 70–80% «русских» не хотят чисто «русскую» или чисто израильскую партию, а предпочитают «русскую партию с израильским акцентом», каковой является НДИ, или «израильскую партию с русским акцентом», каковых с развалом электората Кадимы, кроме Ликуда, пока не имеется, полностью подтвердился результатами этих выборов. Провал партии «Исраэлим» показал еще раз узость электоральной ниши для чисто «русской» партии, способной вместить не более одного или полутора мандатов даже при солидарном голосовании сторонников такого типа партий за один список.

Это не значит, что русскоязычные, особенно молодёжь и лица среднего возраста, многие из которых, как отмечалось, реально или потенциально принадлежат к среднему классу, находятся «в кармане» у умеренно-правых социально-рыночных партий. Уже сегодня доля молодежи и лиц «раннего среднего возраста», отдавших свои голоса за партии «угнетенного среднего класса» – правый «Еврейский дом» и «умеренно-левый», но позиционирующий себя как центристский «Еш Атид», была выше, чем в среднем по общине. Но пока – на «русской» улице без особых электоральных перемен.

Концептуальный конфликт

Важно также отметить, что общественная полемика вокруг статуса секторальных групп в Израиле во многом является полем столкновения двух доминирующих в стране типов социально-политической культуры, для каждой из которых характерна

своя модель «конкурентного участия» в распределении национального богатства. Несколько упрощая тему, можно сказать, что первый тип предполагает борьбу за статус «самого успешного и эффективного», второй, напротив, – "самого униженного и несчастного", и именно на этом основании имеющего право на повышенную долю «пирога» общественных благ. Считается, что носители первого, «креативно-конкурентного» социокультурного типа были всегда шире представлены в «Первом Израиле», в то время как для «Второго Израиля» более характерна вторая, «неактивистская» модель. Однако сегодня это уже не совсем так, и эти культурно-поведенческие модели формируют границы не только между, но и нередко внутри тех или иных общин.

Так, участники летнего 2011 года «палаточного протеста» – в массе своей представители периферийных групп «Первого Израиля» – с достаточной очевидностью продемонстрировали, что их политические и экономические интересы остаются тесно связанными с государственно-профсоюзным сектором народного хозяйства и другими элементами «распределительной экономики». И именно эти люди в наименьшей степени приветствовали курс правительства на монополизацию и либерализацию народного хозяйства. И именно это обстоятельство объясняет весьма прохладное отношение «русских» израильтян как к движению «социального протеста» 2011 года, так и (особенно) к его «авангарду» – активистам т.н. «палаток протеста», разбитых на проспекте Ротшильда в Тель-Авиве.

Особое подозрение русскоязычных израильтян вызвало то, что среди «палаточников» с течением времени стали доминировать представители периферийных групп «Первого Израиля» – потомков «первопоселенцев» и старожилов, населяющих экономически благополучные районы и пригороды мегаполисов, представители которых исторически доминируют в основных властно-собственнических элитах страны и крайне нервно реагируют на перспективы потери привычных жизненных ориентиров и гарантированных «сословных» привилегий в условиях либерализации и повышения конкурентности рынка. В итоге в отличие от растиражированного преимущественно левонастроенными израильскими СМИ образа «палаточников» как движения «угнетенного и дискриминируемого среднего класса», выходцы из бывшего СССР в массе своей стали воспринимать его как проект,

направленный на защиту корпоративных интересов «Первого Израиля».

Стоит также вспомнить, что именно к этим элитам многие репатрианты все еще имеют неоплаченный «классовый счет» за первые годы «большой алии». Русскоязычные репатрианты, получая тогда заниженную по сравнению с оплатой труда старожилов плату за квалифицированный труд, оказались вынуждены отдавать ее непропорционально большую часть в оплату жилья и удовлетворения социально необходимых (в силу принадлежности к определенной общественной среде, например, образование детей и культурный досуг) потребностей. То есть в положении, в котором сегодня сами оказались и против которого протестуют упомянутые периферийные группы «Первого Израиля», не видевшие ничего из ряда вон выходящего в аналогичной ситуации основной массы новых репатриантов полтора-два десятилетия назад.

Этот прошлый опыт, судя по высказываниям представителей общины в русскоязычной и общенациональной прессе, породил нынешние сомнения многих «русских» израильтян в «чистоте намерений» протестующих, лидеры которых удачно перенаправили спонтанные массовые протесты против перекосов свободного рынка в совсем иное русло. Основным их требованием стало укрепление общественного сектора, с которым были и остаются тесно связаны политические и экономические интересы различных слоев «Первого Израиля», особенно широко представленных в госаппарате и государственно-профсоюзном кластере народного хозяйства, а также выросших из него крупных частных финансово-промышленных корпорациях. Вполне понятно, что этот экономический (контр)переворот предполагает существенное ограничение курса нынешнего и ряда предыдущих правительств на либерализацию экономики, итогом которого стало, среди прочего, развитие в последние десятилетия мощного монополизированного постиндустриального сектора. Именно в последнем непропорционально широко представлены «русские израильтяне» – в отличие от их слабого представительства в госсекторе, особенно на руководящих постах.

Не менее острым был конфликт по этому вопросу и в среде «сефардов», хорошим примером чего стали высказывания двух видных представителей «Второго Израиля». Один из них – небезызвестный бывший лидер «Черных пантер», символ борьбы «униженных восточных евреев» против «дискриминационной

политики ашкеназских элит» в 70-е годы прошлого века, а ныне модный адвокат и миллионер Чарли Биттон. (Он запомнился многим выходцам из бывшего СССР в качестве организатора демонстраций протеста 1990–91 гг., участники которых требовали «остановить алию из СССР до тех пор, пока правительство не решит проблемы ранее прибывших в страну репатриантов»). В одной из прошедших в январе 2012 г. радио-дискуссий¹⁸⁶ Чарли Биттон в очередной раз обвинил «высокомерный истеблишмент» в нежелании решать с помощью бюджетных выплат проблемы малообеспеченных слоев населения, в первую очередь, как следовало из контекста, «неевропейского происхождения». (Заодно Биттон вновь выразил неудовольствие «русскими», которых «ашкеназский истеблишмент», по его убеждению, «подкупил удовлетворением всех их запросов», и потому не пожелавших «сплотиться со всеми угнетенными общинами» в борьбе против дискриминации).

Другую позицию, прямо противоположную подходу той части элит «Второго Израиля», которые бесконечно лелеют чувства обиды и приниженности израильтян сефардского происхождения, и небезуспешно культивируют комплекс «обиженных и угнетенных» у новых поколений восточных евреев, высказал главный экономист инвестиционного дома «Экселянс» Моше Маоз. С одной стороны, Маоз, как и Биттон, резко (настолько, что после этого был уволен со своего поста в компании) высказался против «ашкеназских» элит, которые, как он полагает, оккупировали такие реальные институты власти, как Верховный суд и крупнейшие банки. Он также высказался против «белых» кибуцев и мошавов, по сведениям Маоза, разграбивших общественные земли.

Однако выводы из сказанного Маоз сделал принципиально другие, взяв за пример все тех же «русских». А они, по мнению Маоза, стали быстро продвигаться в новой для них стране, полагаясь лишь на свои силы, а за ними стало подтягиваться молодое поколение сефардов. Обе группы, полагает Маоз, «не стали играть по правилам старой элиты и оставили ее отпрысков позади». Именно в этом контексте Маоз прокомментировал социальные протесты минувшего лета, утверждая, что во главе «палаточников» стояли изнеженные дети старых элит, которые не хотят и не могут бороться за «место под солнцем»

¹⁸⁶ Радио "Лев Ха-медина" (Ришон Лецион), 14 февраля 2012 г.

против тех репатриантов из бывшего СССР и сефардов, которые привыкли тяжело работать и поэтому добиваются успеха¹⁸⁷.

Политические импликации этих подходов неоднозначны и во многом связаны с ответом на вопрос, смогут ли «секторальные» и «общенационально-секторальные» партии сохранить прежнее влияние на формирование и деятельность израильских правительств.

Блок Ликуд-НДИ, которому, как показал анализ упомянутого А. Эпштейна, удалось добиться впечатляющих результатов на выборах почти во всех секторах израильского общества, за исключением евреев-ультраортодоксов и израильских арабов, среди которых за этот блок не голосовал практически никто. Зато партия НДИ лидировала и в городах с высокой долей выходцев из СССР/СНГ, и в крупнейших населенных пунктах в Иудее и Самарии, и в периферийных городах юга и севера страны с их высоким процентом восточных евреев. Равно он победил и во всех, кроме Иерусалима и Тель-Авива, городах с населением более 200 тысяч человек (включая некогда «красную» Хайфу и Беэр-Шеву с их гетерогенной социально-идеологической структурой населения).

В силу чего Ликуд-НДИ в отличие от Кадимы сам сегодня в состоянии служить символом внутреннего единства израильского общества. Что, в свою очередь, теоретически делало его лидеров намного более свободными в выборе коалиционных партнеров, в том числе «секторальных». Так или иначе, критическая роль партийно-секторального фактора в израильской политике по-прежнему не вызывает сомнений.

¹⁸⁷ Zvi Zrahiya, Gafni: Shlomo Maoz was right about 'Ashkenazi establishment' regime // *Haaretz*, 24.01.2012.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗРАИЛЯ ВО 2-м ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

Ретроспективный взгляд на эволюцию партийно-политической системы Израиля последнего десятилетия в контексте успехов или неудач тех или иных партий на общенациональных парламентских выборах 2003, 2006, 2009 и 2013 годов позволяет нам прийти к нескольким важным выводам.

Во-первых, нетрудно заметить, что все драматические перипетии израильской политики этих лет (включая некоторый рост, вследствие кризиса «центристской» политики одностороннего размежевания с палестинцами, доли тех израильтян, которые готовы вернуться к традиционным левым и правым концепциям – «мир в обмен на территории» и «мир в обмен на мир»), пока не привели к существенному изменению положения на собственно левом и правом флангах израильской политической карты. Партии, представляющие эти фланги, примерно уравнивают друг друга, в сумме контролируя от четверти до трети израильского электората (что в сумме может соответствовать примерно 30–35 мандатам в 120-местном израильском Кнессете).

Примерно треть левого лагеря, который так и не сумел оправиться от удара, нанесенного ему крахом и негативными последствиями «мирного процесса», контролирует ультралевый блок МЕРЕЦ, и еще примерно две трети – это электорат формально примыкающих к «широкому левому лагерю» израильских арабских партий. Официальной программой МЕРЕЦ остаются различные модификации т.н. «Женевской инициативы» Бейлина – Абд Раббо: переговоры «без предварительных условий» с любым палестинским руководством, включая ХАМАС, на основе идеи «двух государств для двух народов», почти полный уход Израиля к «границам 1967 года», согласие с идеями воз-

вращения «палестинских беженцев» внутрь «зеленой черты» и раздела Иерусалима. Насколько можно судить, подобные идеи весьма далеки от настроений подавляющего большинства израильтян, вследствие чего не следует ожидать существенного роста влияния МЕРЕЦ, несмотря на его относительный успех на выборах 2013 года, равно как и иных ультралевых партий в ближайшей перспективе.

На противоположном полюсе израильского партийно-политического спектра правые сионистские и несионистские еврейские националистические партии также примерно сохраняют тот уровень влияния, который они имели, несмотря на все перипетии израильской политики, последние полтора десятка лет. Блок «Национальное Единство» (НЕ), последняя оставшаяся на политической арене группа «классических консерваторов-ревизионистов» вместе со своими конкурентами-союзниками из Национально-религиозной партии (МАФДАЛ), а также время от времени возникающие еще более правые партии – «Обновленный Херут» М. Кляйнера, «Ерейский национальный фронт», «Сила Израиля» и т.д., которым, как правило, не удастся пройти электоральный барьер, судя по всему, могут в сумме рассчитывать на голоса, соответствующие 8–12 мандатам в Кнессете. Неофициальной программой большинства этих групп в плане разрешения израильско-палестинского конфликта является «План Совета еврейских поселений». (Согласно этой программе, Израилю следует физически уничтожить все террористические организации, понизить статус ПНА и разоружить ее силовые структуры, распространить юрисдикцию Израиля на 60% территории Иудеи, Самарии и Иорданской долины, включая все еврейские поселения, контроль над остальными территориями Западного берега передать Иордании, а Газе предоставить особый режим управления).

«Секторальная» часть правого лагеря представлена блоком ультрарелигиозных ашкеназских партий «Еврейство Торы» (ЕТ), по-прежнему контролирующих примерно 60–70% голосов этого сектора. Известно, что подавляющее большинство избирателей этого блока придерживается «правых» взглядов по поводу арабо-израильского конфликта (не голосующие за ЕТ ашкеназы-ультраортодоксы тоже, как правило, голосуют за правые партии). Однако их лидеры обычно готовы на компромисс в этом вопросе в обмен на бюджетные вливания в контролируемые ультраортодоксальными религиозными партиями сис-

темы образования и соцобеспечения, в силу чего они неоднократно участвовали в центристских и правоцентристских правительственных коалициях.

Тем не менее от «очерченно-левых» и «правых» движений сегодня все еще зависит не слишком многое. Главные события по-прежнему происходят в центристской части политического спектра – от левого до правого центра, где обычно сосредоточены более двух третей израильских избирателей (75–80 мандатов), которые отличаются умеренными взглядами на основные проблемы внутриполитического противостояния – арабо-израильский конфликт, светско-религиозные противоречия и социально-экономическую проблематику.

Как было показано, в первые десятилетия истории Израиля «полуконкурентную эпоху» израильского парламентаризма в этом умеренном центре почти безраздельно доминировала «партия власти» – право-социалистическая МАПАИ. После «электорального переворота» 1977 г. эти голоса в основном поделили между собой два ведущих «центра силы» израильской политики – лево-центристская Авода и правоцентристский Ликуд, которые делили голоса этого сектора с разнокалиберными «партиями центра» и партиями, представляющими различные секторальные (корпоративные и общинные) интересы, наиболее влиятельными из которых были «этнические» списки сефардов и выходцев из бывшего СССР. Именно попытки вновь собрать под одной «крышей» максимально широкие сегменты голосов этого сектора являются содержанием усилий «партий власти» нового поколения, но ни одной из них этого сделать пока не удалось.

Умеренное поле израильской политики остается разделено на многочисленные домены различных партий, из которых в Кнессете стабильно представлены две-три лево-центристские (сегодня – Авода, «Ха-тнуа» и большая часть электората партии «Еш Атид»), одна-две собственно центристские (сегодня – остатки партии Кадима и примерно четверть избирателей «Еш Атид») и три правоцентристские. В последние полтора десятилетия это – «общенациональный» Ликуд, «русская» по происхождению, но сделавшая активную и небезуспешную заявку на общенациональный статус партия «Наш дом – Израиль» А. Либермана, социально-популистская партия сефардов-традиционалистов ШАС.

Основной же водораздел организованной политики, что и показали прошедшие выборы, по-прежнему проходит между

партиями «широкого левого» (куда формально относят и арабские партии) и «широкого правого блока» (куда обычно относят и еврейские ультрарелигиозные партии), традиционно различающимися подходами к кардинальному вопросу израильской политики – путям решения арабо-израильского конфликта по модели, соответственно, «мир в обмен на территории» или «мир в обмен на мир», продолжается. И эксперимент, предпринятый бывшим премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном в 2005–2008 гг. по созданию партии в центре широкого политического спектра, был, скорее всего, случайным эпизодом новейшей израильской политики. Причем несмотря на то, что по опросам, проводимым в ходе избирательной кампании, правый лагерь (куда обычно включают и еврейские ультрарелигиозные партии) стабильно опережал левый (к которому также обычно причисляют и арабские списки) на 10–14 мандатов, в реальности выборы закончились почти паритетным результатом – 61:59.

Поскольку объединенный список Ликуд-НДИ (первый номер которого – Биньямин Нетаньяху – лидировал во всех опросах в качестве наиболее предпочтительной кандидатуры премьер-министра) получил больше всего мандатов в Кнессете, это позволило ему не только сформировать правительство, но и оставаться определяющей силой в любой коалиции. При этом нельзя не заметить и тот факт, что в результате выборов возник разрыв между личным весом тандема Нетаньяху – Либерман, которых большинство аналитиков называет сегодня двумя самыми сильными фигурами израильского политического поля, и относительной слабостью их «партии власти». Все это вносит интересные нюансы в перспективы развития политического процесса в Израиле, которые сегодня еще невозможно точно спрогнозировать.

Еще более важно то, что нынешнее соперничество партийных лидеров отнюдь не является простым повторением ситуации десяти-двенадцатилетней давности, когда Шимон Перес, Эхуд Барак, Ариэль Шарон и Биньямин Нетаньяху оспаривали друг у друга пост премьер-министра на прямых выборах. И дело не только в том, что постоянно меняется тематика выборов и совершенно невозможно предугадать, какой из сюжетов – статус религиозных общин, экономическая политика, вопросы внешней политики и безопасности или какие-то еще – будут стоять во главе угла в следующий раз. Главное

состоит в том, что поскольку прямые выборы премьер-министра в Израиле более не практикуются, каждому из лидеров, если они заинтересованы в том, чтобы возглавить правительство, приходится «конвертировать» свой личный рейтинг в голоса, поданные избирателями за их политические партии. А для этого им нужно не только сохранить «домашних» избирателей этих партий, но и вернуть ту часть бывшего электората Аводы, Ликуда и их предшественников (соответственно, МАПАЙ и блока херутников-ревизионистов и либералов – ГАХАЛ), которые уже довольно давно откололись от «твердого ядра» их избирателей.

Именно поэтому борьба за «центристский» электорат, значительная часть которого традиционно находится на свободном политическом рынке, будет оставаться ведущим фактором межпартийной борьбы в Израиле. Именно с целью привлечения этих идеологически умеренных избирателей, которые де-факто и являются «критическим довеском», который определит, кто именно сформирует будущее правительство, лидеры ведущих партий позиционируют себя в качестве «умеренных» (с легким акцентом «влево» или «вправо»), предлагая обществу внешнеполитическую, экономическую и социальную платформу, которая, по их мнению, может стать основой «широкого консенсуса», и делают все возможное для маргинализации «радикальных» фракций в своих партиях.

При этом расчет строится на том, что в нынешних политических обстоятельствах ни «классические правые», ни «новые левые» не посчитают для себя перспективным уход в движения, соответственно, правее Ликуда и левее Аводы. Либо же потери на флангах с лихвой компенсируют приобретения в центре. Этот расчёт чаще всего является верным, но иногда, как показали прошедшие выборы, может и привести к существенному оттоку голосов.

В итоге предположения о том, что внутри каждого блока будет создан сильный центр власти, пока также не воплотились в жизнь. Объединение Ликуда и НДИ в один избирательный блок не сопровождалось аналогичным феноменом в левом сегменте политического спектра. Более того, по итогам выборов 2013 года выяснилось, что существенная часть электорального потенциала Ликуда-НДИ и Партии труда были перенаправлены в сторону альтернативно-протестных списков – соответственно, «Еш Атид» и «Еврейский дом».

«Джентльменское соглашение» лидеров этих партий Яира Лапида и Нафтали Беннета, согласно которому либо вместе входят в правящую коалицию, либо вместе остаются в оппозиции, стало главным сюрпризом периода формирования нового правительства после выборов. Подобная «параллельная коалиция», в начале пути пытавшаяся диктовать свои условия всему правительству, и с намеками на долгосрочный политический союз, который журналисты уже с юмором называли «Есть будущее у Еврейского дома», вызвала немалое удивление у наблюдателей. Поскольку с точки зрения классических водоразделов израильской политики, платформы двух списков существенно, а в некоторых пунктах – радикально противоположны. Главным таким водоразделом традиционно являются вопросы внешней политики и безопасности, в первую очередь – размежевание между сторонниками урегулирования конфликта между Израилем и арабами по модели «мир в обмен на мир», которую разделяют израильские правые, и «мир в обмен на территории», как считают левые.

Именно эти противоположные подходы в период нынешней избирательной кампании продвигали «Еврейский дом», лидер которого требовал аннексии находящихся под полным израильским контролем районов Иудеи и Самарии, и «Есть Будущее» Яира Лапида, который напротив, заявлял о готовности к территориальному компромиссу с палестинскими арабами, правда, облекая эти идеи в некие необязывающие обтекаемые фразы. Не случайно, председатель НДИ Авигдор Либерман выразил сомнение в осмысленности тактических союзов, подобных тому, что возник между Беннетом и Лapidом, в списках которых, например, присутствует, соответственно, «еврейская поселенка из Хеврона Орит Струк, активистка «Шалом ахшав»¹⁸⁸, бывший мэр Герцлии Яэль Герман». Между этими политиками, по мнению Либермана, «лежит пропасть по самым принципиальным вопросам – внешнеполитической концепции, отношениям с палестинцами, поселенческой деятельности и многому другому», в силу чего блок между их партиями «неестественен».

¹⁸⁸ "Мир сегодня" – ультралевая израильская организация, требующая от правительства немедленного достижения окончательного соглашения с ООП на основе безусловного признания палестинского государства и согласия на все территориальные требования палестинских арабов.

Учитывая, что и «Еш Атид», и «Еврейский дом» выступали на выборах как партии «необъявленных секторальных интересов», то и в этом пункте между ними мало общего. Основная масса избирателей партии Яира Лапида – это члены т.н. «белого племени» – светские, нередко постсионистски настроенные ашкеназские старожилы из обеспеченных пригородов прибрежных мегаполисов и космополитических кварталов большого Тель-Авива. Яир Лapid в ходе кампании, собственно, и не думал скрывать этого факта, прямо объявив свою партию «ШАСом среднего класса». Электорат блока «Еврейский дом», напротив, непропорционально широко представлен в среде религиозных сионистов, рассматривающих Государство Израиль в качестве не только национальной, но и абсолютной религиозной ценности, потому отличающихся высокой мотивацией к военной службе и трудовой моралью. Именно в среде этих избирателей, в основном населяющих коллективные еврейские поселки Иудеи и Самарии и расположенные по обе стороны «зеленой черты» экономически благополучные кварталы городов с религиозным и смешанным населением, партия Нафтали Беннета собрала основную часть голосов своих избирателей.

Так что же может быть общего между этими партиями и их лидерами-миллионерами: унаследовавшим свой капитал и деловые связи, типичным представителем «старых элит» Яиром Лапидом и ярким представителем нового поколения деловой и политической элиты Нафтали Беннетом, self-made man из бизнеса и индустрии высоких технологий? А то, что и тот, и другой список позиционировали себя и получили поддержку прежде всего как партии различных сегментов израильского среднего класса, несущего на себе основную долю экономического и гражданского бремени, но получающего недостаточную, как утверждают его представители, поддержку со стороны правящих кругов страны. Именно эта позиция была заявлена во время прокатившейся летом 2011 года по стране волны социальных протестов, «дальним эхом» которой стала беспрецедентная для израильской избирательной политики последних четырех десятилетий ситуация. А именно то, что эти выборы в немалой степени шли под эгидой не столько внешнеполитических, но классовых лозунгов в первую очередь: темы справедливого распределения экономического и гражданского бремени, всеобщего призыва и пропорционального участия граждан в формировании доходной части бюджета.

В этом смысле различия между социальной базой партий «Еш Атид» и «Еврейский дом», как было показано, не столь уж радикальны. Не случайно, что через день после того, как третье коалиционное правительство Биньямина Нетаньяху было сформировано, источники, близкие к Нафтали Беннету и Яиру Лапиду, сообщили корреспонденту газеты «Маарив» Зеэву Каму, что союз между двумя партиями, созданный для совместного ведения переговоров с Нетаньяху, продолжит существование в правительстве и Кнессете, а один из депутатов «Еврейского дома» в беседе с корреспондентом «Маарива» назвал будущее сотрудничество между фракциями «очень близким к деятельности единой парламентской фракции». Причиной, по словам представителей обеих фракций, является тот факт, что «логика партнерства диктует совместные действия до тех пор, пока обе партии одинаково смотрят на существующие проблемы», а в настоящий момент между «Еш Атид» и «Байт Иегуди» нет видимых разногласий, коль скоро «экономическая, социальная и гражданская повестка дня у "Байт Иегуди" и "Еш Атид" едина». Поэтому, по их словам, совместная работа по продвижению этих тем естественна, а возможный выход из коалиции одной из этих партий повлечет за собой немедленный выход и второй.

Практические составляющие этой схемы стали понятны, когда в прессу просочились детали тайных договоренностей между партиями «Еш Атид» и «Еврейский дом», которые не вошли в официальные коалиционные соглашения. По данным источников в окружении двух лидеров, Яир Лapid и Нафтали Беннет договорились поддерживать друг друга во всем, что касается деятельности министерств и парламентских комиссий, переданных под контроль их партий¹⁸⁹. В частности, о тесном взаимодействии Министерства финансов («Еш Атид») и финансовой комиссии Кнессета («Еврейский дом»), а также Министерства строительства («Еврейский дом») и межминистерской комиссии по делам строительства («Еш Атид»). Более того, обе партии договорились о координации усилий по продвижению института гражданских браков в Израиле.

Параллельно наметились тенденции сближения двух крупнейших оппозиционных фракций, ранее «по определению несоединимых» – левоцентристской Партии труда (Авода) и пра-

¹⁸⁹ *Маарив*, 20.03.2013 [на иврите].

воцентристской партии ШАС. Первая в основном представляет светское «белое» население «Первого Израиля» из благополучных городов центра страны, а вторая является движением сефардов-традиционалистов из преимущественно периферийных, в географическом и социальном смысле, «городов развития». Кроме того, Авода и ШАС придерживаются противоположных взглядов на пути разрешения палестино-израильского конфликта.

Тем не менее уход «палестинской темы» на периферию общественной повестки дня и выдвижение на первый план социально-экономической проблематики теоретически делает «социал-демократическую» Аводу и социально-популистский ШАС «естественными союзниками» в борьбе против «радикально-рыночного» курса нынешнего правительства Израиля. Более того, возмущение «предательством братьев по вере» – религиозных сионистов из партии «Еврейский дом» подвигло в условиях приоритета социально-экономической тематики в нынешнем израильском политическом дискурсе некоторых лидеров ШАС на немислимые ранее заявления, содержащие угрозы «поддержать замораживание строительства и финансирования еврейских поселений в Иудее и Самарии и снос поселенческих форпостов»¹⁹⁰. Парадоксальным итогом этого сближения становятся отмеченная рядом обозревателей ситуация, при которой Авода может обеспечить ультрарелигиозным партиям наиболее комфортные условия пребывания в правительственной коалиции¹⁹¹, а сами право-настроенные религиозные ультраортодоксы могут стать последней надеждой Партии труда когда-либо вернуться к власти.

Каковы же возможные последствия, которые в свете этих тенденций может иметь дальнейшее снижение актуальности темы палестино-израильского и в целом арабо-израильского противостояния и превращение проблем экономической политики и социально-гражданской тематики в главный фактор конфликтов и противоречий в израильском обществе? Рискнем предположить, что вероятным итогом соответствующей пере-

¹⁹⁰ Yair Ettinger. Shas Officials Tell Haaretz: We are ready to Evacuate Settlements, back Mideast Talks // *Haaretz*, 3.03.2013.

¹⁹¹ См. например: Yossi Verter. Shelly Yahimovich is the ultra-Orthodox parties' last hope // *Haaretz*, 5.03.2013; Oudeh Basharat. Searching the Mizrahi soul // *Haaretz*, 11.03.2013.

группировки политических сил может стать то, что партийно-политическая система Израиля будет весьма напоминать партийную систему его бывшей метрополии – Великобритании. Как и в этой стране, основная часть политического поля будет поделена между тремя партиями или блоками. А именно, консервативным «социально-рыночным» на базе блока Ликуд – НДИ справа, «умеренно левосоциальным» на базе союза Аводы с «ультраортодоксальными социалистами» слева и партией «новых либералов» на базе союза партий «Есть будущее» и «Еврейский дом» в центре политического спектра. При этом традиционные израильские политические противоречия тоже никуда не денутся – просто каждый из этих блоков будет иметь своих «голубей» и «ястребов» и своих «светских» и «религиозных».

Все это, разумеется, является релевантным лишь для политического контекста, который сложился в Израиле непосредственно в ходе и после выборов в Кнессет 19-го созыва и который вряд ли будет продолжаться в Израиле долго. Верно скорее обратное: неизбежное возвращение внешнеполитической тематики и вопросов безопасности в центр общенациональной повестки дня вернет ситуацию в классические для израильской политики модели партийно-политических конфликтов и размежеваний, пусть сегодня мы являемся свидетелями интересного политического эксперимента, который дает немало возможностей для политического моделирования и прогнозов.

И, пожалуй, самое главное: социально-политическая структура постмодернистского, многокультурного и быстро либерализирующегося израильского общества продолжает усложняться, вынуждая израильские партии также переживать процесс сложной внутренней трансформации, который идет на фоне фиксируемого разными опросами процесса падения к ним общественного доверия. Так, опрос, проведенный в конце октября 2006 г., показал, что израильтяне весьма обеспокоены уровнем коррупции властных структур в стране (73% назвали этот уровень «высоким» или «очень высоким»). Наиболее тяжкими нарушениями граждане считали: использование государственных средств в личных целях (83%); получение денег и услуг в обмен на продвижение интересов и назначение приближенных, не соответствующих должности, на различные посты (81%); nepотизм (80%), использование общественных денег для поддержки определенных групп (79%), обман граж-

дан (76%) и сокрытие правды от общественности (72%). При этом 58% опрошенных относят всю эту ситуацию преимущественно на счет политических партий¹⁹².

Не случайно и нарастание общественной критики и активизация деятельности соответствующих институтов гражданского общества, которые правящие круги страны, ни раньше, ни тем более сегодня не могут игнорировать.

В этой связи важно заметить, что сложившиеся в ведущих израильских партиях институционализированные типы патронажно-клиентельных отношений как механизм доступа к распределению общественных ресурсов воспринимаются подавляющим большинством израильтян как нелегитимные. Одним из последствий этого являются достаточно жесткие ограничения, которые гражданское общество ставит неформальным партийно-политическим группировкам (лагерям) Израиля, которые тем самым приобретают сущностные отличия, при всей внешней с ними схожести, от политических кланов постсоветского и постколониального мира. Так, несмотря на «тесноту» и многочисленные остатки традиционных отношений, в израильских неформальных группировках доминируют «превращенно-личностные», а не непосредственно-личностные связи (верность должности и идее, а не человеку, что бы он ни делал). Далее, в отличие от развернутых общинно-трайбалистских структур стран «третьего мира» израильские политические лагеря не охватывают, за исключением находящихся на периферии политической системы партий евреев-ультраортодоксов и израильских арабов, целые социальные сегменты (т.е. ведущие израильские партии не есть «расширение» соответствующих политических кланов). Наконец, израильские внутри- и межпартийные «кланы» образуют важный, но не единственный и не центральный элемент реальной политической системы страны.

В том числе и поэтому ведущие израильские политические партии, которые продолжают демонстрировать различные модели сочетания структурных параметров, характерных для аналогичных институтов в Европе и США, с которыми израильские партии все более сближаются, и параметров, заданных местной культурно-политической традицией, по-прежнему остаются основным и востребованным инструментом взаимоотношений гражданского общества и государства в Израиле.

¹⁹² *Едиот Ахронот*, 7.11.2006 [на иврите].

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Виравов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зезв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и турецких государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривластной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израйля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

^{*} Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.).
188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34
(Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев:** "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израйля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".

230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).
231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".

244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).
245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
247. **Зеев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль". Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривластное развитие и внешняя политика".

259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)"
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

- 149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
- 150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
- 151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. " «Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**
197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**

206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**
209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**

219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**
222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Contemporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**. In association with the Russian State University for the Humanities

232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations)" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**

244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim.
248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays).

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**
250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**
251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Pogornova**
252. "From inter-block confrontation towards formation of “the party of power”. Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country’s new" by **Alek D. Epstein**
253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)
254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Ko-sach**
255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**
256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. “ «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy"
by **E.Melkumian**
259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**
260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)"
by **M.Sapronova**

Научное издание

Владимир (Зеэв) Ханин

**ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ
И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
В ИЗРАИЛЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Подписано в печать 25.07.2014 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 21 уч. изд. л.

Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 65

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12